

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева»

На правах рукописи

Кочергин Дмитрий Геннадьевич

**ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ**

08.00.01 – Экономическая теория

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата экономических наук

Научный руководитель –
доктор экономических наук, профессор
Логачев Владимир Анатольевич

Кемерово – 2015

Оглавление

Введение.....	3
Глава I Анализ становления и развития постиндустриального направления в отечественной науке.....	11
1.1 Отечественные постиндустриальные исследования в контексте историко-экономических подходов.....	11
1.2 Наукометрический анализ отечественного постиндустриального направления.....	18
1.3 Содержательный анализ отечественного постиндустриального направления.....	27
Глава II Дихотомия технической и экономической рациональностей как основа восприятия экономической реальности в концепции «постэкономического общества».....	74
2.1 Специфика трактовки рациональности в концепции «постэкономического общества».....	74
2.2 Теоретико-методологические основы технократизма и форма их рецепции в концепцию «постэкономического общества».....	92
Глава III Трансформация теоретических представлений о содержании постиндустриальных тенденций в российской науке и их практическая реализация.....	122
3.1 Содержательное различие основных подходов к трактовке постиндустриальной трансформации в западной и российской науке.....	122
3.2 Отражение постиндустриальных идей в концепциях социально-экономического развития России.....	152
Заключение.....	169
Список литературы.....	174
Приложение 1. Количество публикаций по постиндустриальной тематике в журналах в период с 1967 по 2010 гг.	190
Приложение 2. Перечень научных публикаций в отечественных периодических изданиях, использованных для наукометрического анализа.....	191

Введение

Актуальность темы исследования. В настоящее время экономические системы развитых стран претерпевают существенные трансформации, проявляющиеся в изменении их отраслевой структуры, структуры занятости, характера вовлекаемых в производство ресурсов, используемых технологий и т.д. Перед общественной наукой встает задача теоретического осмысления этих многочисленных и, зачастую, противоречивых изменений, определения вектора общественного развития. Одним из «ответов» на данный запрос стала постиндустриальная теория. За более чем 40 лет, прошедших с момента ее оформления, она не только получила широкое научное признание, но и признана «одним из наиболее эффективных теоретических инструментов исследования тенденций общественного развития»¹. На волне успеха данной теории представления о современном обществе как о «постиндустриальном» приобретают всё более «догматический» характер (особенно в отечественной науке), тогда как один из ее основателей, Д. Белл, подчеркивал, что «постиндустриальное общество» является аналитической конструкцией, парадигмой, а не картиной конкретного общества². В связи с этим, внимание к теоретическим корням постиндустриальных представлений, их критический анализ приобретает особую актуальность.

Вместе с тем, обращение к методологическим основаниям и истории постиндустриальных идей обусловлено практическими потребностями. Господствующий в экономической науке неоклассический подход не позволяет рассматривать идею развития в рамках его методологической модели (равновесия), тогда как постиндустриальный подход – это одна из немногих альтернатив неоклассике, в которой идея развития становится ключевой. Следуя определенным представлениям об «обществе будущего», постиндустриалисты формируют и соответствующую нормативную модель общественного развития, которая, в частности, воплощается в экономической политике государства. Здесь абстрактные теоретические схемы получают более конкретное воплощение, и от того, насколько они верны, зависят экономические и социальные успехи государства.

Если общая концептуальная схема постиндустриальных исследований претендует на описание развития общества как такового, то отечественные постиндустриальные исследования зачастую обращаются к вопросу о месте России в «постиндустриальном» мире. В данном аспекте практическая направленность постиндустриальных идей проявляется наиболее четко, а значит, от них требуется и учет отечественной специфики. Со-

---

¹ Иноземцев В. Л. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Academia, 1999. С. 6-7.

² Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. ; 2-е изд. М. : Academia, 2004. С. 655.

ответственно, необходимость критического анализа отечественных постиндустриальных подходов объясняется тем, что при «некритическом» заимствовании постиндустриальных идей имеет место игнорирование отечественной специфики, что проявляется и в противоречиях экономической политики России.

В 1990-е гг. в российской экономической мысли постиндустриальная теория, отвергавшаяся ранее, получила позитивную разработку. Возникло многообразие трактовок постиндустриальных тенденций, которое проявляется и в нечеткости стратегических ориентиров государственной экономической политики. Эта ситуация требует теоретического осмысления (обобщения и анализа).

Степень научной разработанности проблемы. Основы постиндустриальной теории были заложены в работах западных ученых: Д. Белла, З. Бжезинского, Э. Винера, Г. Кана, О. Тоффлера, А. Турена и др. Концепция «информационного общества», идейно и методологически близкая постиндустриальной теории, получила развитие в трудах М. Кастельса, Ф. Махлупа, Й. Масуды, М. Пората, Т. Стоунера, Т. Умесао и др. Наряду с постиндустриальной теорией и теорией «информационного общества», трансформация детерминант экономического развития исследуется в концепции «экономики, основанной на знаниях», развиваемой Д. Ламбертоном, Б. Лундваллом, Л. Люсдорфом, Д. Форем, Г. Этцковицем и др.

В СССР постиндустриальную теорию критически исследовали: Э. А. Араб-Оглы, А. Галкин, Н. Гаузнер, Е. Громов, П. С. Гуревич, Э. В. Деменчонок, Г. И. Иконникова, Ю. А. Красин, Н. Новиков, Ю. К. Островитянов, Я. С. Хавинсон, Ю. П. Чаплыгин и др. В современной российской науке к постиндустриальной проблематике обращаются О. Н. Антипина, А. В. Бузгалин, В. В. Вольчик, А. Г. Глинчикова, С. С. Губанов, Л. С. Демидова, Е. Б. Дондокова, Н. В. Загладин, В. Л. Иноземцев, В. А. Красильщиков, А. И. Колганов, М. В. Курбатова, С. Н. Левин, В. А. Логачев, В. А. Мау, Л. А. Мясникова, Р. М. Нуреев, И. В. Рощина, Ю. В. Яковец и др.

Несмотря на значительное количество теоретических работ в рамках постиндустриальной проблематики, история постиндустриального направления не стала объектом детального изучения. Среди западных историко-научных исследований стоит отметить работу Ф. Уэбстера, предложившего систематизацию постиндустриальных подходов. Экономическую специфику постиндустриального подхода в западной общественной науке исследовали как советские (Э. А. Араб-Оглы, Г. И. Иконникова, Э. В. Деменчонок и др.), так и российские ученые (В. Л. Иноземцев, А. В. Бузгалин и др.). Однако системные исследования истории отечественной постиндустриальной мысли отсутствуют. Можно отметить лишь высказывания Д. Белла и В. Л. Иноземцева об особенностях советского

восприятия постиндустриальных идей, тогда как работы, посвященные исследованию становления постиндустриальной теории в пореформенной России, отсутствуют. В то же время потребность в осмыслении истории этого научного направления уже осознана философами: в журнале «Вопросы философии» в 2005-2014 гг. появилась серия статей, осмысляющих логику и историю становления группы теорий, входящих в кластер постиндустриальных теорий (правда, только на материале западных исследований).

Относительная неизученность истории отечественной постиндустриальной теории имеет свои исторические корни. Распад СССР и переход России к рынку, сопровождавшийся отказом от следования марксистской доктрине, привел к идеологическому отказу от всех теоретических достижений советской критической линии экономической мысли. Одной из главных особенностей российской постиндустриальной мысли стало постоянное обращение к западным постиндустриальным авторитетам, следствием чего стало неправомерное отождествление отечественного и западного постиндустриальных подходов, а отечественная теоретическая специфика была исключена из сферы анализа.

Технократический аспект постиндустриального подхода всесторонне анализировали Э. В. Деменчонок, Г. И. Иконникова, Н. Новиков и др. Постмодернистскую стилистку и содержание работ отечественных постиндустриалистов критиковал В. Я. Ельмеев. Особенности отражения различных экономических категорий (труд, стоимость, капитал, собственность и т.д.) в постиндустриализме критически рассматривали А. В. Бузгалин, А. Г. Глинчикова, А. И. Колганов, В. А. Логачев и др. Однако все это – лишь попытки осмысления частных проблем истории анализируемого в диссертации направления. Очевидно, что назрел переход на более общий уровень анализа – критического рассмотрения теоретико-методологических основ отечественной рецепции постиндустриализма.

Цель и задачи исследования. Цель исследования – раскрыть содержание отечественного постиндустриального направления экономической мысли в единстве его исторического и логического аспектов.

Для достижения поставленной цели исследования потребовалось решение следующих задач:

- 1) определить количественные характеристики развития постиндустриального направления отечественной экономической мысли на основе наукометрического исследования публикаций по постиндустриальной тематике;
- 2) выявить содержательные особенности становления и развития постиндустриального направления отечественной экономической мысли; установить периодизацию отечественных постиндустриальных исследований;

3) показать специфику рецепции постиндустриальных идей в отечественную науку в рамках постэкономического течения постиндустриального направления отечественной экономической мысли;

4) систематизировать современные отечественные научные подходы к трактовке постиндустриальной трансформации, выявить их теоретико-методологические особенности.

Предмет и объект исследования. Объект исследования – постиндустриальное направление отечественной экономической мысли. Предмет исследования – история и логика становления и развития постиндустриального направления отечественной экономической мысли.

Методологическая, теоретическая и эмпирическая база исследования. Методологической основой диссертационного исследования является историко-логический метод анализа истории экономической мысли. Существующий в его рамках «социальный» подход основывается на идее К. Маркса о социальной обусловленности теоретических концепций, получившей дальнейшую разработку у В. И. Ленина, К. Маннгейма и в трудах представителей отечественной школы философии науки (Е. А. Мамчур, А. П. Огурцов, П. П. Гайденок, Г. В. Старк и др.); других системообразующих принципах диалектического познания (принцип единства и целостности бытия, материальности мира, развития, преобразования мира и др.). Историко-логический метод был использован в историко-экономических исследованиях К. Маркса, Г. И. Иконниковой, Э. В. Деменчонка, Л. В. Кусургашевой и др.

Теоретической базой диссертационного исследования являются: формационная теория К. Маркса, теория гносеологических и объективных корней различных течений обществоведческой мысли В. И. Ленина. Содержательный анализ взглядов проведен с использованием теорий «революции управляющих» Дж. Бернхэма, «нового индустриального общества» Дж. К. Гэлбрейта, «постиндустриального общества» Д. Белла, О. Тоффлера, Г. Кана и др., «информационной экономики» Ф. Махлупа, М. Пората, М. Кастельса и др., «постэкономического общества» В. Л. Иноземцева; теории технократического управления обществом А. де Сен-Симона, теоретической дихотомии «Индустрии» и «Бизнеса» Т. Веблена; концепции «когнитивного капитализма» А. Горца, Э. Руллани, А. Корсани; неоклассической теории полной рациональности и теории «ограниченной рациональности» Г. Саймона.

Эмпирическая база исследования представлена в виде выборочной совокупности публикаций по постиндустриальной тематике (отечественных и зарубежных авторов). Эмпирический анализ динамики постиндустриального направления проведен на основе

использования наукометрических методов исследования научных направлений, разработанных Д. Прайсом, В. В. Налимовым и З. М. Мульченко.

Научная новизна исследования заключается в том, что в результате проведенного анализа исторической динамики и внутренней логики отечественного постиндустриального направления выявлены общие закономерности и специфика его различных течений, раскрыты теоретические и методологические причины двух кризисов в развитии этого направления, а также причины его ограниченного влияния на практику экономического развития России. Преодоление теоретических недостатков и практической ограниченности постиндустриального направления экономической теории является важным условием вывода российской экономики на траекторию динамичного постиндустриального развития.

Научные результаты, выносимые на защиту:

1. Экспоненциальный характер роста накопленного количества публикаций по постиндустриальной тематике за период 1967-2010 гг. является эмпирическим обоснованием существования *постиндустриального направления* отечественной экономической мысли как самостоятельного *объекта* историко-экономического исследования. Отклонение эмпирических данных от линии экспоненциального тренда свидетельствует о наличии определенных, исторически обусловленных *стадий* в развитии отечественного постиндустриального направления.

2. Показано, что исторически отечественное постиндустриальное направление формировалось и дивергировало в процессе экономико-теоретического осмысления объективных *постиндустриальных тенденций* на основании взаимодействия разнотипных дискурсов западной теории «постиндустриального общества» и отечественной марксистской политэкономии. В составе отечественного постиндустриального направления выделены два основных *течения* – постиндустриальное и политэкономическое, – развивающиеся под воздействием единых исторических условий, но обладающие специфической методологией исследования объективных постиндустриальных тенденций.

Постиндустриальное течение развивается посредством позитивного восприятия, рецепции западных постиндустриальных идей в отечественную экономическую науку; на определенном этапе в рамках данного течения происходит трансформация ряда идей западной теории «постиндустриального общества» в отечественную теорию «постэкономического общества» (В. Л. Иноземцев и др.). *Политэкономическое течение* развивается посредством негативного восприятия, критики теоретико-методологических принципов постиндустриальной теории; в историческом аспекте в рамках данного течения происходит трансформация ряда идей советского марксизма в политэкономическую концепцию «постиндустриаль-

ных тенденций социально-экономического развития» («генезиса креативной экономики») (А. В. Бузгалин, А. И. Колганов и др.).

3. Установлено, что методологическим основанием восприятия постиндустриальных тенденций в теории западной «постиндустриального общества» является *принцип технической рациональности* управления обществом, оформившийся в технократических концепциях социально-экономического развития (А. Сен-Симон, Т. Веблен, Дж. Гэлбрейт и др.) в качестве противоположности принципу экономической рациональности поведения индивида.

Выявлены особенности отечественной теории «постэкономического общества» как *технократической* концепции: для нее характерно воспроизводство идеи о дихотомическом характере рационального поведения индивидов в виде «дихотомии труда и творчества», посредством трансформации изначально марксистского тезиса об экономической и неэкономической (трактуемой как постэкономической) сторонах деятельности индивида.

4. Предложена *классификация* постиндустриальных концепций по критерию специфики восприятия статуса человека в системе общественного производства, которая позволяет выделить технократический и гуманистический *подходы* к пониманию объективных постиндустриальных тенденций. Первый из подходов базируется на ограниченном восприятии человека-средства только как «личного фактора производства» (Д. Белл и др.), для второго характерно представление о человеке-самоцели как высшей ценности общественного развития (А. Горц, Э. Руллани и др.). Данная логика дивергенции прослеживается и в отечественном постиндустриальном направлении: технократического подхода придерживаются сторонники *mainstream economics*, трактующие постиндустриальность как преобладание «экономики услуг»; гуманистического подхода придерживаются теоретики постсоветского марксизма, трактующие постиндустриальность как тенденцию последовательного высвобождения человека из материального труда, обеспечивающее вызревание предпосылок для становления посткапиталистической-экономики.

Показано, что наряду с этими *крайними* позициями существует также специфическое *сочетание* технократического и гуманистического подходов. В теории «постэкономического общества» содержанием постиндустриальных тенденций является интеллектуализация труда (это гуманистический аспект, в целом характерный для марксистских исследований), приводящая к деструкции экономической формы общественных отношений (это технократический аспект, свойственный ортодоксальному постиндустриализму). «Неоиндустриальная парадигма» стоит на ином сочетании двух подходов: тенденция гуманизации экономической деятельности (проявляющаяся в связи с изменением пропорции между занятыми рутинным трудом и занятыми обеспечением функции целесообразности труда) является лишь одной из составляющих технического процесса «неоиндустриализации» производительных сил.

Теоретическая и практическая значимость работы. Научные результаты исследования рекомендованы для использования в научных исследованиях (экономические теории «постиндустриальной», «информационной», «основанной на знаниях» экономики; теория экономической трансформации; история экономической мысли; методология историко-экономических исследований), а также в учебном процессе (дисциплины Экономическая теория, История экономических учений, Теоретические основы создания информационного общества, Институциональная экономика).

Соответствие диссертации Паспорту научной специальности ВАК 08.00.01 – Экономическая теория: п. 4.1. «российская школа экономической мысли: общее и особенное по сравнению с зарубежными школами экономической мысли; концептуально-мировоззренческие представления о социально-экономических перспективах развития России; синтез экономических и социальных аспектов развития в российской школе экономической мысли; основные направления развития российской экономической мысли в советский период, ее черты, противоречия, борьба направлений, соотношение с линиями развития мировой экономической мысли; возникновение новых направлений экономической мысли в постсоветский период, их классификация, сопоставление с зарубежной экономической мыслью; проблемы синтеза в современных экономических теориях тенденций мирового развития и своеобразия России»; 4.7. «методология историко-экономических исследований».

Апробация результатов исследования. Выводы и основные положения диссертации обсуждались на следующих научно-практических конференциях: Международная научно-практическая конференция в рамках научной программы Международного экономического форума «Проблемы экономического развития в условиях глобального кризиса: результаты и перспективы» (г. Кемерово, 2010 г.); XIII Международная научно-практическая конференция «Природные и интеллектуальные ресурсы Сибири» (г. Кемерово, 2010 г.); XIII Международная научно-практическая конференция студентов и молодых ученых «Энергия молодых – экономике России» (г. Томск, 2012 г.); V Международная научная конференция «Инновации в технологиях и образовании» (г. Белово, 2012 г.); Международная научно-методическая конференция «Проблемы высшего технического образования в России и за рубежом» (г. Улан-Удэ, 2012 г.); VIII Международная научно-практическая конференция для студентов, аспирантов и молодых ученых «Проблемы и перспективы развития экономических наук в XXI веке» (Москва, 2012 г).

Материалы диссертации нашли применение при проведении научного исследования кафедры экономики ФГБОУ ВПО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева» при поддержке гранта Федеральной целевой програм-

мы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы: «Формирование экономики знаний в ресурсодобывающем регионе (на примере Кемеровской области)», соглашение № 14.В37.21.1996.

Публикации. Основное содержание диссертации отражено в 20 печатных работах, в том числе в трех коллективных монографиях и девяти статьях в журналах, которые включены в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертаций; объем личного авторского вклада диссертанта в которых составляет 12,45 п.л.

Структура (оглавление) диссертации. Объем, логика и структура диссертации обусловлены поставленной целью и сформулированными задачами исследования.

ГЛАВА I АНАЛИЗ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО НАПРАВЛЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ³

1.1 Отечественные постиндустриальные исследования в контексте историко-экономических подходов

К концу XX в. история экономических учений сформировалась как самостоятельная отрасль экономической науки, изучающая исторический процесс возникновения, развития и смены экономических идей и теорий. Однако единого и общепризнанного метода историко-экономических исследований так и не было выработано. Это создает определенные сложности в изучении истории отечественных экономических исследований. Поэтому в первую очередь следует рассмотреть ключевые методологические подходы к историко-экономическим исследованиям, сложившиеся в современной экономической науке, и оценить их адекватность применительно к объекту настоящего исследования – постиндустриальному направлению экономической мысли.

Плюрализм подходов к историко-экономическим исследованиям во многом обусловлен спецификой экономического знания как такового – в первую очередь, общественной природой его объекта. Особенность экономических, как и всех общественных, законов, в отличие от естественных законов, заключается в том, что они не действуют в каждом конкретном случае, но действуют в целом, в сумме всех явлений, как законы-тенденции. Специфика экономического знания и состояние современной экономической теории (одновременное существование основного течения и целого ряда гетеродоксальных теорий) затрудняют использование в историко-экономических исследованиях наиболее авторитетных концепций, разработанных в рамках западной философии науки. Так, по мнению В.С. Степина, западная философия науки «пока не установила, каковы главные компоненты оснований науки и их связи»⁴, а согласно Л. В. Кусургашевой, в ней «не выработано единого подхода к анализу структуры науки, взятой в широком смысле слова как научная дисциплина»⁵. Мы разделяем подобный весьма скептический взгляд на возможность применения данных концепций в качестве базовой методологии при изучении истории экономической мысли. Более того, и сами концепции западных философов не лишены серьезных недостатков. Не случайно А.Л. Никифоров характеризует состояние западной философии науки как

³ В главе использован материал следующих публикаций диссертанта:

1) Кочергин Д. Г., Логачев В. А. Целевое содержание предстоящей индустриализации: «пост» или «нео»? // Экономист. 2013. № 11. С. 13-19.

2) Кочергин Д. Г., Логачев В. А. Неоиндустриальная парадигма на фоне «постиндустриальной» тематики // Экономист. 2011. № 7. С. 37-44;

3) Кочергин Д. Г., Логачев В. А. Наукометрический анализ экспоненциального развития постиндустриальной теории в России // Известия Уральского государственного экономического университета. 2011. № 3 (35). С. 13-18.

⁴ Степин В. С. Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. М., 2000. С. 188.

⁵ Кусургашева Л. В. Указ. соч. С. 36.

«кризис»: «проблемы формулируются, но не находят решения. Нет ни одного принципа, ни одной методологической нормы, которые бы не подвергались сомнению»⁶.

Определенный потенциал для историко-научных исследований, на наш взгляд, представляет концепция «научных революций» Т. Куна. Однако возникают вполне закономерные трудности, связанные с использованием основных понятий данной концепции (парадигма, научная революция, нормальная наука) применительно к истории экономической мысли. В частности, небезосновательно мнение, что в экономической теории «отсутствуют научные «парадигмы» – общепринятые для некоторого этапа развития науки системы положений»⁷: помимо *mainstream economics* в экономической теории существует и множество гетеродоксальных теорий, находящихся на «обочине» экономической науки, но при этом во многом превосходящих экономическую ортодоксию в «объяснительном потенциале», что нехарактерно для концепции последовательной смены парадигм. Более того, сам Т. Кун признал, что общественные науки в настоящий момент находятся в допарадигмальном состоянии и не достигли уровня «нормальной науки»⁸.

Несмотря на слабости концепции «научных революций» в применении к экономической теории и закономерностям ее развития, следует отметить теоретическую ценность ключевой идеи данной концепции – *неравномерности развития* научного знания: в периоды научных революций меняются основания науки, тогда как в рамках нормальной науки происходит приращение теоретических и эмпирических знаний в рамках определенной парадигмы. Такого рода представления опровергают антиисторическую кумулятивную концепцию развития научного знания, характерную для неопозитивизма и постпозитивизма К. Поппера. Как будет показано в настоящем исследовании, для отечественных постиндустриальных исследований характерна крайняя неравномерность, проявляющаяся в смене периодов «взлета» и «падения» популярности постиндустриальных идей. Разумеется, в данном случае вряд ли можно говорить о нормальной науке и научных революциях в полном смысле этого слова, тем более что постиндустриальная теория представляет собой весьма узкий фрагмент современного экономического знания, пока не достигший парадигмального статуса в экономической науке.

Таким образом, используя в качестве основы историко-научного исследования идею о неравномерности развития научного знания (в т.ч. и применительно к отечественным постиндустриальным исследованиям), остается лишь объяснить причину этой неравномерности – выявить основания, внутренние закономерности, логику развития интересующей нас области экономической науки. Но в этом плане потенциал концепции Куна не столь

⁶ Никифоров А. Л. От формальной логики к истории науки. М., 1983. С. 165.

⁷ Логачев В. А. Указ. соч. С. 12.

⁸ Поскольку ученые в данной области знания крайне подвержены влиянию «непрофессиональных групп», что мешает эффективному осуществлению исследовательской деятельности (см.: Кун Т. Структура научных революций. М., 1997. С. 220-221).

значителен, поскольку им не было обосновано четких причин смены научных парадигм, а «тезис о несопоставимости и несоизмеримости парадигм придает его концепции иррационалистический характер»⁹. Однако важно отметить, что концепция Куна представляет собой пример методологического *релятивизма*, главной гносеологической чертой которого является отрицание прогрессивного характера процесса познания – т.е. движения к истине посредством смены менее прогрессивных (истинных) теорий более прогрессивными (истинными).

Противоположным подходом в историко-экономической методологии является *абсолютизм*. Согласно М. Блаугу, «релятивист рассматривает каждую отдельную теорию, выдвинутую в прошлые эпохи, как более или менее точное отражение тогдашних условий – каждая теория равно оправдана в своем собственном контексте; абсолютист же следит только за строго интеллектуальным развитием предмета, которое он рассматривает как неуклонный прогресс от ошибки к истине»¹⁰. Таким образом, в рамках дилеммы «абсолютизм-релятивизм» по Блаугу возникает «основополагающее разделение в истории мысли вообще»¹¹.

Как отмечает И. П. Гурова, в философии дилемма «абсолютизм-релятивизм» представляет собой проблему истины: «абсолютизм» или «фундаментализм» – методологический принцип, признающий существование и познаваемость абсолютной истины, независим от каких-либо специфических условий. Релятивизм... – это воззрение, отрицающее существование абсолютной или объективной истины»¹². Это различие в гносеологических установках проявляется в различных взглядах на механизмы развития науки и их содержание: для абсолютистов характерен «*интернализм*» – представление о том, что история научных идей управляется внутренне присущими ей закономерностями, а не влиянием исторической действительности. Релятивисты придерживаются «*экстернализма*», т.е. дают социологическую интерпретацию науки и рассматривают историю науки как детерминируемую внешними социальными факторами.

Таким образом, по мнению некоторых специалистов, при осуществлении историко-экономического исследования перед ученым стоит методологический выбор: абсолютизм («интернализм») или релятивизм («экстернализм»), который определяется целями и задачами исследования¹³.

⁹ Гурова И. П. История метода историко-экономической науки. Ульяновск : УлГУ. С. 39.

¹⁰ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994. С.1.

¹¹ Там же.

¹² Гурова И. П. Конкурирующие экономические теории. Ульяновск: УлГУ, 1998. С. 16-17.

¹³ М. Блауг по этому поводу писал: «если комментатор стремится объяснить, почему определенные люди придерживаются определенных идей в определенное время, в поисках полного ответа он должен выглянуть за рамки области интеллектуальных споров (т.е. предпочесть релятивизм. – Д. К.). Но если он желает узнать, почему некоторые экономисты в прошлом придерживались трудовой теории ценности, тогда как другие полагали, что ценность определяется полезностью... то он вынужден сосредоточить внимание на внутренней логике теории, волей-неволей становясь абсолютистом» (Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994. С. 7).

Для «современной» экономической науки господствующим остается абсолютистский подход¹⁴. В частности, он характерен для таких авторитетных западных исследователей истории экономической науки, как Й. Шумпетер и М. Блауг. Шумпетер придерживался так называемого «*технического подхода*»¹⁵, который предписывает рассматривать историю экономических идей и теорий как прогресс в аналитическом мышлении, объединяющий все разнообразные доктрины¹⁶. Следующие одна за другой теории рассматриваются как расширение, уточнение и совершенствование экономической науки в ее прогрессивном развитии». Этот подход основан на использовании логического метода¹⁷ или логико-методологического анализа¹⁸, поскольку его центральным мотивом является исследование именно логики теорий вне их исторического контекста. Придерживаясь кумулятивной модели роста научных знаний, Шумпетер выступал с критикой метода исторической школы, отрицая влияние исторической среды на развитие экономической теории.

Релятивизм в чистом виде характерен для немецкой исторической школы. «История доктрин» в рамках рассматриваемого подхода имела производный характер от истории народного хозяйства¹⁹, в результате чего возникало представление о прямой связи между экономической реальностью и экономической теорией, а теория выступала лишь в качестве зеркального отражения практики, тогда как особенности логической аргументации каждой конкретной теории не подвергались рассмотрению. В рамках релятивистского подхода в истории экономической науки сформировался исторический метод²⁰ (во многом схожий с историко-научным подходом²¹ к анализу науки), отрицающий наличие внутренних источников развития экономической теории, и связывающий любые изменения в ее рамках с необходимостью решения практических экономических задач в рамках конкретной исторической эпохи. Однако подобный «радикальный» подход не получил широкого распространения в историко-научном направлении экономической мысли. Среди его немногих сторонников в XX в. М. Блауг выделяет Э. Ролла, В. Старка, Л. Роджина²².

Таким образом, дилемма «абсолютизм-релятивизм» в рамках историко-научного направления экономической теории приобретает форму оппозиции логического и истори-

¹⁴ Кусургашева Л. В. Указ. соч. С. 49.

¹⁵ Гурова И. П. История метода историко-экономической науки. Ульяновск : УлГУ. С. 15.

¹⁶ Как писал сам Й. Шумпетер, «...параллельно истории экономического анализа можно было бы написать историю общественных воззрений по экономическим вопросам и их смены, лишь вкратце описав достижения в области анализа... Наша задача противоположна» (Шумпетер Й. История экономического анализа // Истоки: Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1. М., 1989. С. 279).

¹⁷ Гурова И. П. История метода историко-экономической науки. С. 25.

¹⁸ Рузавин Г. И. Научная теория: логико-методологический анализ. М., 1978. С. 11; Кусургашева Л. В. Указ. соч. С. 8.

¹⁹ Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений / пер. с фр. М., 1995. С. 12.

²⁰ Гурова И. П. История метода историко-экономической науки. С. 25.

²¹ Рузавин Г. И. Указ. соч. С. 11; Кусургашева Л. В. Указ. соч. С. 8.

²² Блауг М. Указ. соч. С. 2.

ческого методов, которая, по сути, в философском контексте может рассматриваться как оппозиция идеализма и материализма.

Релятивистские историко-экономические исследования, основанные исключительно на историческом методе представляют собой воплощение достоинств и недостатков плоского (недиалектического) материализма. Здесь развитие экономической теории представляется как вполне закономерный процесс, привязанный к нуждам практического уровня. Разумеется, по сравнению с абсолютистским подходом, такой взгляд более реалистичен, поскольку он отрицает «мистическую» трактовку развития экономической теории как приращения истинных знаний, связанного лишь с талантом тех или иных ученых и потенциалом в познании истины различных научных школ. Однако вместе с тем он разделяет и главный недостаток вульгарного материализма – «упрощение» представлений о функционировании и развитии объекта, их механистический характер²³. При таком подходе имеет место «упрощение» логики развития экономической теории до модели «вызов-ответ», в результате чего и возникает идея об экономическом знании как о реальности, *беспристрастно* отраженной в теории.

Рассмотрение историко-экономической дилеммы «абсолютизм-релятивизм» как философской дилеммы «идеализм-материализм» предполагает ее закономерное разрешение в рамках диалектического материализма, поскольку он преодолевает «одностороннее» видение научного развития либо как отражения истории, либо как внеисторического развития логики, свойственные, соответственно, релятивизму и абсолютизму, историческому и логическому методам. Диалектическому материализму в плоскости истории экономической мысли соответствует *историко-логический метод*, или «социальный» подход²⁴, разработанный в трудах К. Маркса. «Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии... вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот в чем они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед...»²⁵.

Метод Маркса строится на признании социальной обусловленности идей²⁶. Соответственно и история экономической науки не может довольствоваться лишь изучением внутренней логики теорий вне их исторического, а значит и социального контекста, поскольку экономические теории не нейтральны, а в каждой из них содержится рациональное представление интересов того или иного класса²⁷. Маркс не только подчеркивал классовый

---

²³ Ф. Энгельс считал, что «своеобразная ограниченность... материализма заключалась в неспособности его понять мир как процесс, как такую материю, которая находится в непрерывном историческом развитии. Это соответствовало тогдашнему состоянию естествознания и связанному с ним метафизическому, то есть антидиалектическому, методу философского мышления» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 287).

²⁴ Гурова И. П. История метода историко-экономической науки. С. 16-17.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 264.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 24.

²⁷ Гурова И.П. История метода историко-экономической науки. Ульяновск: УлГУ. С. 17.

(буржуазный) характер классической политической экономии, но и отмечал значительную подчиненность внутренней логики теорий классовым интересам. Таким образом, в подходе Маркса достигается диалектическое единство исторического и логического, лишенное абсолютизации одной из сторон методологических принципов.

На наш взгляд, идея В.А. Логачева о существовании внутренней (всеобщей) и внешней (особенной) экономических форм жизнедеятельности подходит и для описания сущности методологической дилеммы историко-экономической отрасли²⁸. Экономикс исследует лишь внешнюю форму, хотя и прибегает к абстракциям, а ученые, работающие в рамках данного направления, неявно приравнивают внешнюю и внутреннюю формы, считая тождественным абстрактное и логическое. Однако выявление эмпирических причинно-следственных связей и представление их в абстрактной форме не тождественно познанию внутренней (всеобщей) формы экономической жизни. То, что сторонники экономикса считают внутренней, фундаментальной логикой экономики, на деле оказывается «совокупностью абстракций, хаотично взаимодействующих друг с другом внешним образом»²⁹.

Сторонники методологического абсолютизма в истории экономических учений, фактически, разделяют рассмотренный выше пафос экономикса в исследовании внешней и внутренней формы, но в несколько ином, историко-экономическом контексте. Логика аналитического аппарата, изучаемая ими, также представляет собой лишь внешнюю форму процесса развития экономических идей. Как для экономикса внешняя форма представляется статичной за счет равновесной модели, так и абсолютисты придерживаются парадоксальной модели развития без развития, а их главной целью становится сравнение тех или иных экономических идей с состоянием современной экономической теории, своеобразным вычислением абсолютной и относительной прогрессивности тех или иных идей. Разумеется, при таком подходе не может быть и речи о выявлении (подлинных) внутренних законов развития экономического знания, а имеют место лишь качественные оценки уровня экономических абстракций, достигаемые с помощью «абстракции» этих абстракций. В результате, логический метод, используемый в качестве основы историко-экономического исследования, становится источником абстракций в квадрате.

Вместо того чтобы исследовать лишь наиболее глубокий уровень, соответствующий внутренней форме объекта, главные усилия политэкономов направлены на отыскание той самой логической связи между внутренней и внешней формой. В соответствии с этим методом выявление логики теории представляет собой не столько определение прогресса аналитических инструментов (что характерно для историко-экономического абсолютизма), сколько изучение ее внутренней формы, ее сущности, а такое исследование невозможно без детального изучения исторического контекста теории, отыскания связи между внутренним

---

²⁸ Логачев В. А. Указ. соч. С. 24-37.

²⁹ Логачев В. А. Указ. соч. С. 33.

и внешним. Логический метод, писал Ф. Энгельс, «в сущности является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей. С чего начинается история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которое дает сам действительный исторический процесс...»³⁰.

На наш взгляд, историко-логический метод позволяет избежать крайностей как абсолютизма, так и релятивизма, а значит именно на его основе может быть наиболее точно и полно исследованы закономерности развития отечественных постиндустриальных исследований.

Специфика историко-экономического исследования на основе историко-логического метода в качестве своего начального этапа предполагает следование индуктивной логике, способствующей обобщению эмпирического материала (в данном случае, теорий как таковых и сопутствующих им экономических работ) и отысканию общего в его частных проявлениях, что соответствует историческому методу. Вслед за этим, на основе логического метода могут быть установлены причинно-следственные связи между ключевыми экономическими идеями, а также социальные (материальные, т.е., по сути, логика истории теорий) и научные (преемственность идей и новации, т.е., по сути, внутренняя логика теорий) предпосылки их возникновения. При этом на всех этапах исследования ключевой методологической посылкой должна оставаться идея диалектического единства исторического и логического. Именно в рамках данной методологической схемы будет осуществляться настоящее исследование.

Для реализации части исследования в рамках абстрактно-исторического подхода как основы историко-логического анализа, в первую очередь, следует провести количественное исследование отечественного постиндустриального направления, которое могло бы дать наиболее общие представления о тенденциях его развития. Этой цели как нельзя лучше соответствуют наукометрические методы исследования научных направлений, основанные на количественном анализе числа публикаций. С помощью таких методов может быть охарактеризован «интерес» ученых к той или иной проблематике, отраженный в динамике публикаций. Если количество публикаций в определенном периоде растет, то, соответственно, растет и интерес научной общественности (в т.ч. и критический) к данной тематике, и наоборот. Хотя подобный анализ не нацелен на содержательное исследование истории научного направления, он может установить общие рамки для периодизации истории исследований.

---

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 497.

Как отмечают сами специалисты по наукометрии, наукометрические исследования следует дополнять содержательными исследованиями для наиболее полного изучения истории научного направления³¹. Содержательное исследование даст логическую основу для исторического подхода, и именно в его рамках становится возможным выявить закономерности функционирования и развития науки, вписанные в общий ход истории. В настоящей работе содержательному анализу будут подвергнуты ключевые отечественные постиндустриальные исследования как в контексте перехода отечественной экономической науки от марксистской парадигмы советского периода к плюрализму подходов постсоветского периода, так и на фоне развития западного постиндустриализма.

Логический анализ, в свою очередь, базируется на содержательном анализе и представляет собой вычленение внутренних закономерностей развития научного направления, исследование логики истории. Ключевую роль здесь играет определение социальных и научных предпосылок идей, что позволяет связать воедино объективную экономическую реальность и идейные особенности каждой конкретной теории. В рамках настоящего исследования будет прослежена связь социальных и научных предпосылок западного постиндустриализма и отечественных постиндустриальных исследований, а также дан политэкономический анализ причин теоретической (логической) преемственности данных направлений и особенностей трактовки постиндустриальных процессов в рамках каждого из них.

Таким образом, будет раскрыто содержание отечественных постиндустриальных исследований как сочетание тенденций внутреннего развития (т.е. развития внутренней логики исследований, основанного как на специфике дискурса отечественной экономической науки, так и на особенностях восприятия экономических процессов конкретными исследователями, в той или иной степени выражающих их групповой интерес, социальную ангажированность) и внешних влияний (в первую очередь, влияние особенностей и тенденций развития западного постиндустриализма на отечественные исследования).

1.2 Наукометрический анализ отечественного постиндустриального направления

Одной из базовых наукометрических закономерностей является экспоненциально-логистический характер роста индикаторов науки во времени. Как отмечал Д. Прайс, автор данной концепции, эмпирические свидетельства статистики «с удивительной настойчивостью и постоянством показывают, что если найдем более или менее удовлетворительный

---

³¹Хайтун С. Д. Наукометрия. Состояние и перспективы. М., 1983. С. 67.

способ измерить какой-либо достаточно большой сегмент науки, то этот сегмент в нормальных условиях растет экспоненциально»³². Д. Прайс подтвердил эту идею, построив кривую публикаций журнала «Physics Abstracts», начиная с 1900 г. Полученные значения хорошо аппроксимировались экспонентой.

Концепция экспоненциального роста науки для Д. Прайса является частью логистической концепции ее роста. Экспоненциальный рост науки, пишет он, «в действительности представляет собой весьма ненормальное положение вещей. В реальном мире не бывает так, чтобы вещи росли до бесконечности. Экспоненциальный рост постепенно приближается к какому-то пределу, процесс замедляется и останавливается, не достигая абсурдных значений. Эта функция, которая более полно отражает реальное положение дел, хорошо известна как логистическая кривая»³³.

В. В. Налимов и З. М. Мульченко, Г. М. Добров, Д. Прайс и др. специалисты по наукометрии дают вывод экспоненты и логисты роста наук, основанный на использовании дифференциальных уравнений. Так по Налимову и Мульченко, «в отсутствие ограничивающих факторов, скорость роста числа публикаций... должна определяться достигнутым уровнем развития науки. Каждая новая серьезная научная концепция должна вызвать некоторое количество научных работ, развивающих и углубляющих или опровергающих ее. Отсюда следует, что механизм роста числа публикаций y должен задаваться следующим дифференциальным уравнением:

$$\frac{dy}{dt} = ky (k > 0), \quad (1)$$

где k – константа, характеризующая (в среднем) отклик на публикации в той или иной области знания»³⁴.

Таким образом, «скорость роста dy/dt пропорциональна достигнутому уровню y , или относительная скорость роста $dy/(y \cdot dt)$ остается постоянной величиной»³⁵. Решая дифференциальное уравнение (1), получаем уравнение экспоненты:

$$y = ae^{kt} (k > 0) \quad (2)$$

Для подтверждения (или опровержения) экспоненциального характера роста постиндустриального научного направления в СССР/РФ, нами был использован метод подсчета числа публикаций. Как отмечает А. Л. Дроздов, «в развитии науки первичным источником информации, её кирпичиком, или элементарной единицей, является статья в научном периодическом издании»³⁶. Нами был выбран ряд центральных периодических изданий, имею-

³² Price D. J. Little Science, Big Science. N.Y., 1963. P. 253 (Цит. по: Хайтун С. Д. Наукометрия. Состояние и перспективы. М., 1983. С. 150).

³³ Ibidem. P. 301 (Цит. по: Хайтун С. Д. Наукометрия. Состояние и перспективы. М., 1983. С. 151).

³⁴ Налимов В. В., Мульченко З. М. Наукометрия. Изучение развития науки как информационного процесса. М., 1967. С. 20.

³⁵ Налимов В. В., Мульченко З. М. Указ. соч. С. 21.

³⁶ Дроздов А. Л. Наукометрия и наука в России // Вестник ДВО РАН. 2004. № 2. С. 3.

щих широкую обществоведческую направленность: «Вопросы экономики», «Российской экономической журнал» (до 1992 г. – «Экономические науки»), «Экономист» (до 1991 г. – «Плановое хозяйство»), «Мировая экономика и международные отношения», «Вопросы философии», «Философские науки». Использование их в качестве базы исследования объясняется *междисциплинарным* характером постиндустриальной теории: первоначально имевшая социологическую направленность, данная теория, в дальнейшем получила развитие в плоскости экономики, а, по мнению некоторых ученых, даже стала парадигмальной для обществоведения в целом³⁷.

Поскольку западная, «буржуазная» теоретическая социология была чужда советской науке, то обращение к постиндустриальной теории следует искать, прежде всего, в общепублицистических журналах, публиковавших статьи с критикой широкого круга антимарксистских теорий. В постсоветской России подобные журналы продолжили публикацию статей, посвященных постиндустриальной теории, оставив этап жесткой критики советского периода позади. Этим объясняется включение нами в эмпирическую базу исследования таких общепублицистических журналов как «Вопросы философии» и «Философские науки».

Кроме общепублицистических, в базу исследования нами были включены журналы, публикующие статьи широкого экономического профиля («Вопросы экономики», «Экономические науки», «Плановое хозяйство», «Мировая экономика и международные отношения»), поскольку нас интересует экономический аспект теории постиндустриального общества и его оценки отечественными учеными. Вместе с тем, отмеченные журналы имеют долгую историю, их издание не прекращалось на протяжении всего исследуемого периода. Таким образом, выбранная нами группа периодических изданий сможет предоставить *адекватные данные* о развитии постиндустриализма в России для *наукOMETрического анализа*.

Нами был проведен подсчет количества публикаций по постиндустриальной тематике в вышеобозначенных журналах, начиная с 1967 г. Именно этим годом датируются первые публикации, посвященные критике буржуазных теорий научно-технической революции³⁸ (среди которых упоминается и теория постиндустриального общества). Стоит отметить, что фундаментальный труд Д. Белла, признанного основателя теории постиндустриального общества, «The coming of Post-Industrial Society» был опубликован лишь в 1973 г. Следовательно, советские ученые обратили внимание на данную теорию еще до того, как она получила широкий общественный резонанс на Западе.

³⁷ См.: Иноземцев В. Л. Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения // Вопросы философии. 1997. № 10. С. 29-43.

³⁸ Например, Н. Гаузнер рассматривает идеи Р. Тиболда как «постиндустриальные» (см.: Гаузнер Н. Социальные последствия научно-технической революции в капиталистических странах // Мировая экономика и международные отношения. 1967. № 1. С. 3-17).

В рамках настоящего исследования *постиндустриальная публикация* может быть определена как статья в периодическом научном издании, в которой рассматривается постиндустриальная теория в целом или некоторые ее положения и идеи (предлагаются пути совершенствования данной теории или проводится критика ее положений), либо исследуются практические аспекты функционирования и развития экономических систем с применением положений данной теории. Публикации отбирались по названию и анализу содержания в соответствии с обозначенной тематикой. В результате было отобрано 134 публикации по постиндустриальной тематике в исследуемых журналах. Следует отметить, что не во всех отобранных нами статьях термин «постиндустриальное общество» использовался в качестве основного. Начиная с конца 1980-х гг., в научный оборот вошло понятие «информационное общество», формально отличное от «постиндустриального общества», но при этом описывающее схожие тенденции. Помимо двух вышеобозначенных терминов (и соответствующих теорий), в настоящее время используются такие термины как «экономика знаний», «новая экономика», «новая экономика знаний» и др. (к более детальному анализу терминологических особенностей мы вернемся позже). Такое разнообразие идейно близких теорий значительно осложнило отбор публикаций. Результирующие данные о распределении публикаций по журналам в исследуемом периоде представлены в прил. 1, перечень отобранных публикаций приведен в прил. 2.

Следует отметить, что распределение публикаций по журналам крайне неоднородно. Большая часть статей по постиндустриальной тематике в советский период была опубликована в журналах «Вопросы философии» и «МЭиМО» (30% и 58%, соответственно). Публикации по интересующей нас тематике в журнале «Философские науки» практически отсутствуют (за 43 года здесь опубликовано всего 2% [3 статьи] от общего числа публикаций). По всей видимости, постиндустриальная теория не входила и не входит в сферу интересов журнала, поскольку является скорее социологической и экономической, нежели общеполитической.

Столь большой интерес журнала «МЭиМО» к постиндустриальной проблематике связан, в том числе, и с тем, что на протяжении большей части советского периода (до начала «перестройки») в журнале существовала большая рубрика, посвященная критике буржуазных теорий. Количество публикаций критического толка в остальных журналах экономического профиля на протяжении всего советского периода незначительно по отношению к «МЭиМО» (на них приходится от 0% до 2% опубликованных статей).

В постсоветском периоде лидирующее положение по числу опубликованных статей по постиндустриальной тематике по-прежнему удерживают журналы «Вопросы философии» и «МЭиМО» (27,4% и 33,3%, соответственно). Вместе с тем, в постсоветский период наблюдается значительный рост числа публикаций по постиндустриальной тематике в журналах экономического профиля. Доля опубликованных статей в журнале «Вопросы

Экономики» выросла с 2% до 19%, в журнале «Экономист» – с 0% до 13,1%. Эти факты свидетельствуют о росте интереса к теории постиндустриального общества со стороны отечественных экономистов.

Наиболее известным результатом исследований динамики роста числа публикаций является возможность аппроксимации многих кривых роста публикаций экспонентой³⁹. Для того, чтобы провести аппроксимацию экспонентой, необходимо представить полученные нами количественные данные в виде накопленного числа публикаций за анализируемый период (см. рис. 1).

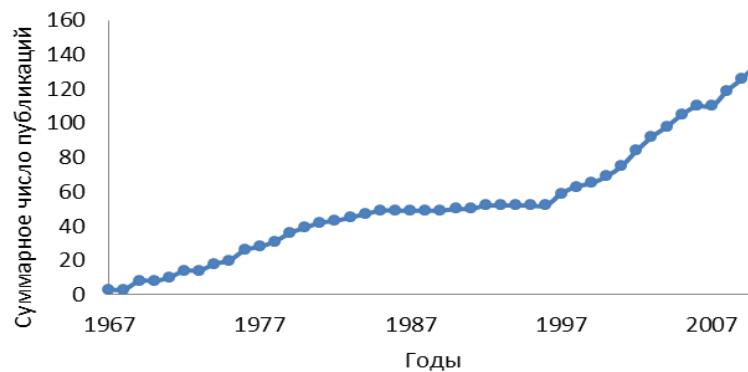

Рис. 1. Накопление работ по постиндустриальной тематике в отечественных периодических изданиях за 1967-2010 гг.

На рис. 2 представлено накопление работ по постиндустриальной тематике в полулогарифмическом масштабе и линейная аппроксимация данных, а также соответствующая экспоненциальная аппроксимация. Как видно из рис. 2, аппроксимация экспонентой имеющих данных возможна. Коэффициент детерминированности R^2 для экспоненциальной аппроксимации равен 0,82 – это характеризует высокую сходимость теоретической (экспоненциальной) зависимости и эмпирических данных.

Однако можно заметить, что полученная линия тренда имеет значительное отклонение от эмпирических данных в период с 1985 по 1995 гг. Как отмечают специалисты в области наукометрии, экспоненциальный характер роста наукометрических показателей (и числа публикаций в частности) имеет место лишь при относительной *стабильности* внешних (по отношению к науке) *условий*. К примеру, для кривой числа рефератов в реферативном журнале «Physics Abstracts» Д. Прайса «нарушение экспоненциального хода... наблюдалось только во время первой и второй мировых войны, после которых рост числа публикаций снова мог аппроксимироваться экспонентой, несколько смещенной относительно первоначальной»⁴⁰.

³⁹ Хайтун С. Д. Наукометрия. Состояние и перспективы. М, 1983. С. 66.

⁴⁰ Налимов В. В., Мультченко З. М. Указ. соч. С. 22.

Вполне очевидно, что в последние годы существования СССР имело место *изменение* внешних условий, способствовавшее нарушению экспоненциального характера роста числа научных публикаций по интересующему нас вопросу. В СССР со снятием «железного занавеса» критика «буржуазных» теорий потеряла былую актуальность, а в первой половине 1990-х гг. всё внимание экономистов было направлено на критику марксистской парадигмы. В итоге, в это десятилетие постиндустриальная теория находилась «на вторых ролях» и особого внимания ее изучению/критике не уделялось. Таким образом, экспоненциальный характер роста должен сохраняться на тех исторических отрезках времени, где условия были относительно неизменными. Оценить верность этого предположения возможно с помощью применения метода *суммы экспонент* для аппроксимации данных.

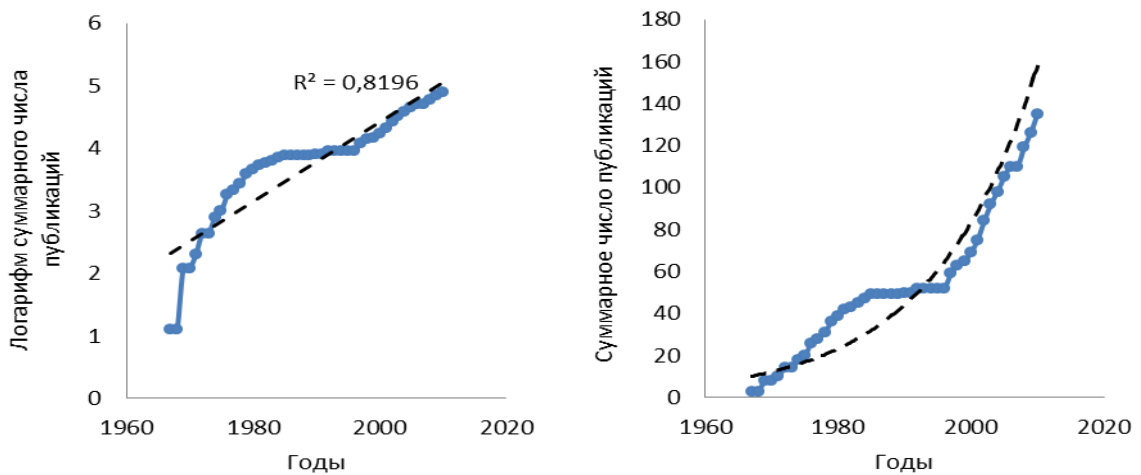

Рис. 2. Рост числа публикаций по постиндустриальной тематике в отечественных периодических изданиях в 1967-2010 гг. (полулогарифмический и линейный масштабы)

Разобьем анализируемый отрезок времени на три условных периода, исходя из динамики числа публикаций. В первом периоде (1967-1985 гг.) наблюдается устойчивый рост числа публикаций, на основании чего можно сделать предположение о стабильности внешней среды по отношению к науке. Во втором периоде (1986-1994 гг.) – периоде стагнации – количество публикуемых статей по постиндустриальной тематике резко снижается (плоть до 0 за ряд лет). В третьем периоде (1995-2010 гг.) вновь имеет место рост числа публикаций. По нашему мнению, условное деление на три вышеобозначенных периода в целях наукометрического анализа целесообразно, поскольку позволяет частично исключить влияние внешних факторов на динамику числа публикаций и дает возможность подтвердить или опровергнуть экспоненциальный характер роста суммы числа публикаций для двух периодов с относительно стабильными внешними условиями (1967-1985 гг. и 1995-2010 гг.). Разумеется, содержательная оценка процессов в обозначенных периодах будет раскрыта в рамках дальнейшего историко-научного анализа, цель же текущего анализа – подтверждение выдвинутой наукометрической гипотезы.

На рис. 3. представлена аппроксимация двумя экспонентами суммы числа публикаций по постиндустриальной тематике за 1967-2010 г. Углы наклонов аппроксимирующих прямых отличаются друг от друга. Это указывает на различную динамику роста числа публикаций в двух обозначенных периодах. Коэффициенты детерминированности (R^2) для двух экспонент составляют, соответственно, 0,93 и 0,99. Близость к 1 полученных коэффициентов детерминированности *подтверждает* наукометрическую закономерность об экспоненциальном характере роста применительно к сумме числа публикаций, касающихся постиндустриализма, в СССР и РФ.

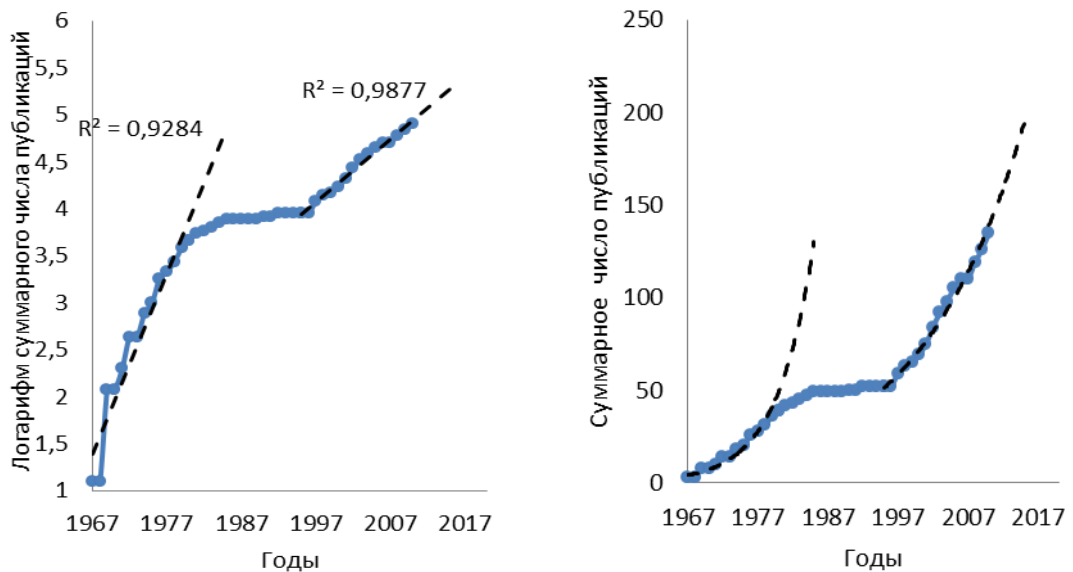

Рис. 3. Рост числа публикаций по постиндустриальной тематике в отечественных периодических изданиях в 1967-2010 гг. и аппроксимация двумя экспонентами (полулогарифмический и линейный масштабы)

Скорость роста числа научных публикаций по отдельным научным направлениям может служить мерой их *актуальности*. Если потенциальные возможности прогресса в той или иной области начинают исчерпываться, то экспоненциальный рост может перейти в линейный⁴¹. Следовательно, высокая сходимость наблюдаемого роста числа публикаций и экспоненциального роста свидетельствует о высокой актуальности постиндустриальных идей для отечественных ученых. В период 1967-2010 гг. относительная скорость роста числа публикаций в среднем составляла 13,6% в год, что соответствует удвоению числа публикаций за 5,5 лет. Подобные значения свидетельствуют о высокой степени интенсивности развития постиндустриальной тематики в отечественной науке.

При механической экстраполяции полученных данные в будущее можно заметить, что количество публикаций по постиндустриальной тематике в отечественных периодиче-

⁴¹ Налимов В. В., Мульченко З. М. Указ. соч. С. 30.

ских изданиях должно увеличиваться всё большими и большими темпами в соответствии с законом экспоненциального роста. Но подобное развитие событий вряд ли возможно даже в рамках наукометрической модели развития научного направления: в части возрастания информационных потоков здесь предусмотрен переход экспоненциального роста к логистическому (т.е. замедление темпов роста после прохождения определенной точки).

Нельзя забывать, что методами наукометрии проводится в основном количественный анализ, не учитывающий глубинных факторов развития объекта. Как отмечал С. Д. Хайтун, «чтобы... предположения относительно факторов, влияющих на наукометрические кривые роста, имели научное значение, их необходимо *подтвердить*, как и при анализе других наукометрических феноменов, *ненаукометрическими исследованиями* (курсив мой. – Д. К.)»⁴².

По нашему мнению, всевозрастающий интерес к постиндустриальной тематике не в последнюю очередь связан с развитием «кластера постиндустриальных теорий». В современном обществе возникают всё новые и новые тенденции, в общих чертах описанные теорией постиндустриального общества. Новые теории создаются для более точного отражения этих тенденций, и при этом их концептуальное видение будущего, на наш взгляд, совпадает с постиндустриальным. Так отмечается, что «тема информационного общества является неотъемлемой частью современных разработок по постиндустриальному обществу. Информация нередко рассматривается как главный объект хозяйственной деятельности, как главное богатство, а работа по производству и переработке информации - как главное содержание человеческого труда. Именно в этом видится специфическая черта нового общества, идущего на смену обществу материального производства...»⁴³.

Помимо «информационного общества», широко используются такие термины как «экономика знаний» и «новая экономика». О. Антипина считает, что термином «новая экономика» «в узком смысле... обозначают развивающийся сектор высоких технологий, а в широком – экономическую действительность конца XX – начала XXI в. в странах Запада... «Новая экономика» – это «экономика знаний», «основанная на знаниях экономика», «знание-интенсивная экономика» и т.п.»⁴⁴.

Как можно заметить, вышеперечисленные определения пересекаются в отношении роли знаний, информации, технологий в современном (и будущем) обществе. Их определяющее значение также провозглашалось постиндустриальной теорией. Таким образом, становится очевидным, что все вышеперечисленные «новые» теории продолжают традицию теории постиндустриального общества, а не являются альтернативными ей. Невоз-

⁴² Хайтун С. Д. Указ. соч. С. 67.

⁴³ Социум XXI века: рынок, фирма, человек в информационном обществе / под ред. А. И. Колганова. М., 1998. С. 21.

⁴⁴ Антипина О. Н. Загадка «новой экономики знаний» («Парадокс Солоу») // Вестник Московского государственного университета. Серия 6. Экономика. 2000. № 6. С. 3.

возможность четкого определения и разграничения данных терминов связано, прежде всего, с неопределенным характером самих теорий, включающих всё новые и новые явления в свой оборот (например, Интернет-экономика).

Российские ученые широко используют все вышеперечисленные термины (см. рис. 4). Можно отметить, что наиболее используемым является термин «постиндустриальное общество», но и все остальные термины также достаточно часто встречались в исследуемых статьях. Высокая «популярность» термина «постиндустриальное общество» связана с тем, что он содержит наиболее общую характеристику тенденций «будущего общества» – в этом аспекте мы согласны с трактовкой положения постиндустриальной теории В. Л. Иноземцевым⁴⁵. Плюс ко всему, этот термин за прошедшие 40 лет стал общепризнанным. Остальные термины используются для характеристики частных тенденций, существующих в рамках постиндустриальной парадигмы.

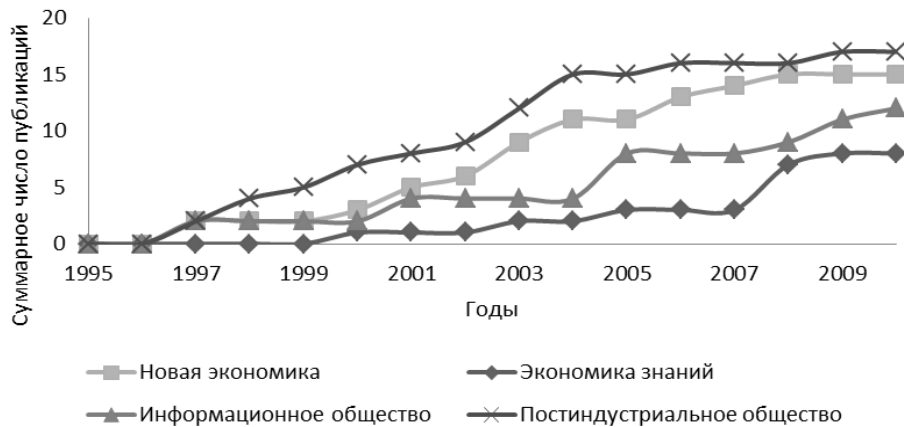

Рис. 4. Динамика публикаций в рамках теорий, образующих постиндустриальный кластер

Таким образом, тезис о влиянии кластера теорий на развитие постиндустриального направления подтверждается на примере России. Дальнейшее развитие какой-либо из частных теорий может способствовать увеличению интереса научной общественности ко всему направлению в целом.

Как отмечает А. Колганов, «особую популярность и, похоже, относительно надолго приобретают теории информационного общества, “общества знаний” и т.п. Здесь быстро растет число работ с опережающим ростом исследований по частным проблемам (верный признак движения к “пику” в исследовании темы)»⁴⁶. Как показывают полученные нами данные, в последние годы наблюдается незначительное падение числа новых публикаций

⁴⁵ См.: Иноземцев В. Л. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая постиндустриальная волна на Западе / под редакцией В. Л. Иноземцева. М., 1999. С. 46.

⁴⁶ Социум XXI века: рынок, фирма, человек в информационном обществе / под ред. А. И. Колганова. М., 1998. С. 9.

по частным теориям, тогда как суммарное число публикаций по постиндустриальному направлению продолжает рост, близкий к экспоненциальному.

Возможно, в ближайшее время мы сможем наблюдать пик интереса к частным теориям. Однако нельзя отрицать и возможность появления новых подобных теорий, ведь с каждым годом в современном обществе становятся заметными всё новые и новые постиндустриальные тенденции. Следовательно, на основании проведенного анализа можно предположить, что интерес к постиндустриальному направлению будет сохраняться до того момента, пока не появится парадигма, альтернативная ему.

1.3 Содержательный анализ отечественного постиндустриального направления

Центральной идеей историко-логического анализа, как было отмечено в п. 1.1., является объяснение развития теории с позиции взаимосвязи внутренних закономерностей и внешних факторов. Поэтому при рассмотрении отечественного постиндустриального направления, в первую очередь, встает вопрос о том, существуют ли *внутренние* закономерности его развития, или же обращение отечественных ученых к этой тематике вызвано исключительно *внешним* влиянием – необходимостью идеологической критики постиндустриализма как передовой буржуазной теории в советский период и признания постиндустриальной теории едва ли не парадигмальной для отечественной науки в постсоветский период на фоне «развенчания» марксизма и либерального одобрения западных идей? Такой вопрос закономерен, поскольку постиндустриализм возник не в недрах отечественного обществоведения, что формально указывает на «внешний», вторичный характер отечественного постиндустриального направления, лишь «отражающего» (пусть и в искаженном виде) тенденции развития западной науки и практики с добавлением специфической (одобрительной или критической) оценки.

На наш взгляд, наличие исторического (релятивистского) аспекта развития отечественного постиндустриального направления не вызывает сомнения, как и его влияние на оценку отечественными учеными идей западных постиндустриалистов. Для советских ученых «негативная» оценка постиндустриальных идей была вполне закономерной и, кажется, не требовала серьезных теоретических оснований, столь же закономерным было и признание авторитета постиндустриальной теории российскими либеральными экономистами⁴⁷. Поэтому с точки зрения релятивизма можно отметить преобладание *идеологического фак-*

---

⁴⁷ По словам В. С. Автономова, «...разрушение марксистской системы в сознании большинства советских обществоведов вызвало мощное движение маятника интеллектуальной моды в сторону частнособственнического капитализма и идеологии классического либерализма. В западной экономической литературе наш читатель стал искать в первую очередь доказательства оптимальности свободного предпринимательства и невозможности построения какого бы то ни было социализма» (Автономов В. С. «Несвоевременные» мысли Йозефа Шумпетера // Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М. : ЭКСМО, 2007. С. 3).

тора в развитии рассматриваемого направления отечественной науки. Этот фактор воплощает связь исторических особенностей развития советского и постсоветского общества и специфики восприятия отечественными обществоведами постиндустриальных идей.

Однако вряд ли можно объяснить столь высокую «популярность» постиндустриальной тематики в отечественной науке лишь в ключе исторической обусловленности. Проведенный наукометрический анализ подтверждает, что за исключением периода социально-экономических реформ конца 1980-х – начала 1990-х гг., имеет место экспоненциальный рост числа публикаций, а значит, должны быть и «внутренние» причины подобного устойчивого роста числа обращений отечественных ученых к постиндустриальной теории. Исключительно «внешним», «зеркальным» влиянием западной науки на отечественную нельзя объяснить рост числа критических материалов по постиндустриальной тематике, имевший место в конце 1970-х – начале 1980-х гг., когда постиндустриальная теория фактически пребывала в состоянии «упадка» на Западе. Тем более необъяснимым с точки зрения «внешней» истории является актуализация постиндустриальных идей в российской науке на рубеже 2000-х гг., когда на Западе они уступили место концепции «информационного общества». В это же время появляется и первая разработка постиндустриальных идей в работах В. Иноземцева – важный сигнал о наличии внутренних закономерностей отечественного постиндустриализма, не сводимых к исторической обусловленности.

В чем же причина практически неумещающегося интереса отечественных обществоведов к постиндустриализму в последние 40 лет? На наш взгляд, только обращение к содержанию самой западной теории, выявление ее социальных и научных оснований может прояснить этот факт. А поскольку детальный анализ постиндустриальных идей проводится в главах 2 и 3 настоящей работы, то обратимся лишь к наиболее *общим* чертам постиндустриальной теории, попытаемся найти ее точки соприкосновения с дискурсом отечественной общественной науки.

Рассмотрим западный постиндустриализм⁴⁸ с позиций *научных оснований* – особенностей восприятия общественных явлений и процессов, ставших традиционными для западного обществоведения и воплотившихся в ряде идей, концепций, теорий. Можно отметить, что его сторонники апеллируют к широкому спектру идей и концепций, среди которых условно можно выделить два крупных блока: «экономический» – марксизм, старый институционализм, кейнсианство; и «социологический» – структурно-функциональную социологию и теорию социального действия. Среди идей, повлиявших на постиндустриалистов, следует отметить и различные технократические концепции (А. Сен-Симон, Т. Веблен, Дж. Бернхэм, Дж. Гэлбрейт и др.), находящиеся на стыке экономики и социологии.

---

⁴⁸Здесь и далее, говоря о западном постиндустриализме, мы будем обращаться именно к работам Д. Белла, поскольку в них дано *системное* теоретическое исследование «постиндустриального» общественного состояния, и, как будет показано далее, советские и российские ученые в рамках отечественного постиндустриального течения обращаются преимущественно к идеям этого западного постиндустриалиста.

Постиндустриальная теория выступила в качестве своеобразного «плавильного котла» для теоретических подходов к пониманию общественного развития. Разумеется, выбор обозначенных идей далеко не случаен – их объединяет позиция *методологического холизма*, признающая первичность общественного по отношению к индивидуальному. Даже среди экономических подходов был выбран тот, который в наибольшей степени уходит от методологического индивидуализма неоклассики – а именно, кейнсианский подход К. Кларка к структуре экономики с позиций агрегированных экономических показателей.

Достижением постиндустриальной теории является создание *системной* теории общественного развития посредством изучения «центральных» холистских подходов, их систематизации, выделения «основного» и «второстепенного». К концу 1950-х гг. ученые «прочувствовали» не только позитивные аспекты методологического анархизма (по П. Фейерабенду⁴⁹), царившего в западном обществоведении с начала XX в. – свободу в поиске истины, возможность исследовать общественное развитие с разных позиций, обнаруживая всё новые и новые его грани; но и его вполне закономерные недостатки – теоретический хаос, возникающий из-за всё большей плюрализации взглядов, уход от системного понимания общественного развития к эмпирическим исследованиям. Такое состояние западной науки обуславливало объективную необходимость в преодолении плюрализма, поскольку требовалось именно *системное* (!) теоретическое осмысление процессов общественного развития, происходивших на фоне научно-технической революции. Обозначенное кризисное состояние западной науки обострялось идеологическим неприятием марксизма, предлагавшим именно то искомое системное понимание общественного развития. Следовательно, требовалось не только построить структурную модель общества, но и найти *объективный* «двигатель» общественного развития, при этом, не прибегая к марксистской диалектике производительных сил и производственных отношений, а, значит, и к «экономическому детерминизму».

Эту весьма непростую задачу и разрешил Белл, разработав концепцию постиндустриализма, однако, с определенными оговорками. Речь идет о том, что в его теоретических построениях явно прослеживается *влияние марксизма*. На это, в первую очередь, указывает количество обращений автора «Грядущего постиндустриального общества» к Марксу – в именном указателе отмечено 66 страниц, на которых упоминается Маркс⁵⁰.

В первой главе своего *opus magnum* Белл анализирует «две схемы» общественного развития в трудах Маркса. Первая предполагает усиление классовых антагонизмов в процессе концентрации производства и централизации капитала, результатом чего станет ре-

⁴⁹ См.: Никифоров А. Л. Методологическая концепция П. Фейерабенда // Вопросы философии. 1976. № 8. С. 142-146.

⁵⁰ Для сравнения, следующий автор по частоте упоминания – М. Вебер – отмечен на 26 страницах (см.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. М. : Academia, 1999. С. 665-772).

волюционное разрушение капиталистической «оболочки»; вторая же представляет собой эволюционное преодоление капитализма на основе отделения функции владения собственностью от функции управления⁵¹. С этого, фактически, и начинается обоснование идеи «постиндустриальной» стадии общественного развития.

Белл рассматривает не только особенности марксистского понимания общественных изменений, но и обращается к работам ученых, пытавшихся переосмыслить марксову схему, использовать ее потенциал для объяснения тенденций современного общества – Э. Ледереру, В. Зомбарту, Й. Шумпетеру, Р. Арону⁵². Их сближает с Марксом, прежде всего, общий объект исследования – капиталистическое общество – представляющее собой *развивающуюся* систему. В этом же заключается и их методологическая оппозиция чисто экономическому подходу *mainstream economics*, сторонники которого придерживаются положения о *равновесии*, и, таким образом, отрицают идею развития. Поэтому включение идеи развития в теоретико-экономические построения происходит на основе использования широкого круга понятий, имеющих *социально-экономическое* содержание (например, классы, институты), а экономические явления рассматриваются как детерминированные социальным взаимодействием⁵³. Следовательно, в рамках этого направления в западном обществоведении можно говорить о *социологизации* представлений об экономическом развитии.

Теоретико-методологическую связь постиндустриальных идей с марксизмом отмечал как сам Д. Белл, называя себя «постмарксистом»⁵⁴, так и многие современные исследователи постиндустриализма. Например, В. С. Егоров видит общность постиндустриальной и марксистской теории в определяющем влиянии материального производства на обще-

---

⁵¹ Белл пишет, что «проводя свой поразительный анализ, К. Маркс заявляет, что появление менеджера есть один из ключевых элементов превращения прибыли в «общественную собственность», так как с введением должности управляющего капиталист отходит от процесса производства, управляющий отчуждается от собственного труда, а прибыли принимают общественный характер». И далее, «но эти новые структурные тенденции не были и приняты в расчет, так как К. Маркс безоговорочно верил в решающую роль *первой* схемы». Такое неортодоксальное прочтение Маркса позволило Беллу прийти ко вполне ожидаемому выводу: «невозможно найти свидетельств – ни в теории, ни в эмпирической реальности – того что капитализм должен потерпеть крах вследствие заложенных внутри системы экономических противоречий» (Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. М. : Academia, 1999. С. 80; 82).

⁵² «Теории общественного развития на Западе... являются, как я попытаюсь показать, «диалогами» с различными схемами К. Маркса», - отмечал Белл (Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. М. : Academia, 1999. С. 54). Марксизм в его работе, действительно, становится «цементирующим» элементом, связывающим воедино разрозненные идеи, факты и тенденции.

⁵³ Например, Й. Шумпетер связывал неизбежность краха капитализма не с экономическими причинами (высокая безработица, цикличность развития, низкие темпы роста), а с более широким социальным аспектом капитализма – ослаблением «капиталистической мотивации» предпринимателей. «Поскольку капиталистическое предпринимательство в силу собственных достижений имеет тенденцию автоматизировать прогресс, мы делаем вывод, что оно имеет тенденцию делать самое себя излишним - рассыпаться под грузом собственного успеха», - отмечал он (см.: Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М. : ЭКСМО, 2007. С. 322).

⁵⁴ «Многое в марксистском анализе социальных и производственных структур сохранило свое значение и вошло в современные теории, как и результаты любых глубоких концептуальных обобщений. Я бы скорее назвал себя *постмарксистом*, в том смысле, что я *воспринял* достаточно много *марксистских представлений* о социуме (курсив мой. – Д. К.)» (Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. М. : Academia, 1999. С. ХСІ).

ственное развитие, тогда как их отличие заключается в степени социализации и идеологизации технологии и производства, распределения и обмена⁵⁵. Ведущий отечественный постиндустриалист В. Л. Иноземцев указывает на целый ряд черт, объединяющих рассматриваемые теории, в том числе:

1) теория постиндустриального общества и марксистская концепция основаны на признании того, что источником прогресса цивилизации и его измерителем выступает совершенствование форм и методов материального производства;

2) обе теории выделяют в истории человечества три большие фазы (так, основоположники марксизма различают соответственно архаическую, экономическую и коммунистическую общественные формации, а сторонники постиндустриализма – аграрное, индустриальное и постиндустриальное общество);

3) как основоположники марксизма, так и классики постиндустриальной теории отмечают, что переходы между общественными формациями и границами индустриального общества ознаменованы революционными изменениями;

4) существует значительное сходство в изображении того социума, который трактуется как коммунистическая общественная формация или как постиндустриальное общество⁵⁶.

Таким образом, западную постиндустриальную теорию можно рассматривать как продолжение *социологической традиции* в экономической науке, восходящей к работам Маркса. Используя теоретическую аргументацию различных экономических и социологических подходов, постиндустриалисты в специфической форме трактуют марксистские схемы, пытаются адаптировать их к современным реалиям. Постиндустриальная теория претендует на *синтез* марксистских и немарксистских идей, который, однако, как будет доказано ниже, сопровождается деструкцией теоретического ядра марксизма, отказом от содержательного понимания основных категорий политэкономии (производительные силы, производственные отношения, собственность, класс и др.).

На наш взгляд, именно *марксизм* является искомым *связующим звеном* между западным постиндустриализмом и отечественной общественной наукой. Если рассмотренное теоретико-методологическое родство постиндустриализма и марксизма можно считать доказанным, то ключевое место марксистского дискурса в отечественном обществоведении вполне очевидно и не требует доказательств. Даже в пореформенной России влияние марксизма на взгляды ученых сохраняется⁵⁷, несмотря на то, что он до сих пор находится в состоянии «полузапрета». Если воспринимать западный постиндустриализм как синтез марксистских идей и немарксистской методологии (своего рода «постмарксизм», по Беллу), то

⁵⁵ Егоров В. С. Философия открытого мира. М., 2002. С. 249-251.

⁵⁶ См.: Иноземцев В. Л. Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения // Вопросы философии. 1997. № 10. С. 31-32.

⁵⁷ См.: Бузгалин А., Колганов А. Политическая экономика постсоветского марксизма (тезисы к формированию научной школы) // Вопросы экономики. 2005. № 9. С. 36.

содержание постиндустриального дискурса в отечественной науке может быть раскрыто посредством анализа данной генетической связи.

Ключевая роль западной теории «постиндустриального общества» в формировании отечественного постиндустриального направления не вызывает сомнения. Для выявления особенностей формирования рассматриваемого направления рассмотрим основные функции данной научной теории:

1) синтетическая функция – объединение отдельных эмпирических фактов в первое целостное описание современных тенденций общественного развития, которые, соответственно, могут быть названы *постиндустриальными тенденциями*;

2) объяснительная функция – анализ причинных и иных зависимостей, многообразия связей отдельных постиндустриальных тенденций, приведший к выявлению причин их возникновения; в результате формируется *теоретическая схема* «трехстадийного» *общественного развития* – доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное общество;

3) методологическая функция – формирование специфических *методов, способов и приемов исследования* общественного развития (в особенности, его постиндустриального этапа);

4) прогностическая функция – на основании разработанной теоретической схемы постиндустриалисты предсказывают как *генеральное направление* общественного развития, так и *частные явления и тенденции* – всё большее сокращение роли материального производства, рационализацию общественной жизни и т.д.

5) практическая функция – наличие *рекомендаций по изменению* реальной действительности в соответствии с выявленными закономерностями общественного развития.

На наш взгляд, ключевая роль теории «постиндустриального общества» в формировании отечественного постиндустриального направления связана с успехами в реализации синтетической функции – именно описание постиндустриальных тенденций стало основой для формирования *единого предмета* исследований в рамках рассматриваемого научного направления.

Вместе с тем, в западной теории предложена и конкретная концептуальная схема общественного развития, а также специфические понятия («общество услуг», «интеллектуальная технология», «класс профессионалов» и т.д.), характеризующие особенности постиндустриального общественного состояния. Этим, фактически, были заложены основы соответствующей научной традиции восприятия постиндустриальных тенденций. Следование отечественных ученых данной традиции в анализе мировых и российских тенденций экономического развития, реализующееся через рецепцию постиндустриальных идей в отечественную науку, формирует одно из основных течений отечественного постиндустриального

направления, которое может быть названо «*постэкономическим*» (по названию единственной российской теории, содержащей позитивное развитие постиндустриальных идей).

Как было рассмотрено выше, постиндустриальная и марксистская теории имеют общий объект исследования – общественное развитие. Предметом исследования выделенного нами постиндустриального направления, в свою очередь, являются постиндустриальные тенденции. Разумеется, марксистская теория выходит за рамки указанного предмета, однако этот факт не мешает рассматривать ее как одну из ключевых «концептуальных схем», используемых отечественными учеными для анализа постиндустриальных тенденций. Таким образом, на ее основе формируется другое основное течение отечественного постиндустриального направления – *политэкономическое течение*.

Соответственно, в рамках рассмотренных течений формируются различные, во многом противоположные представления о сущности постиндустриальных тенденций, господствующие в отечественной экономической науке на определенной исторической ступени ее развития. Развитие отечественного постиндустриального направления осуществляется в рамках трех исторических этапов (в которые, разумеется, укладывается большинство публикаций постиндустриальной тематики)⁵⁸:

1) этап генезиса (1967 г. – 1980-е гг.) – здесь формируется единое проблемное поле данного научного направления – постиндустриальные тенденции, а также зарождаются теоретико-методологические основы их исследования в рамках двух течений; сами течения отсутствуют как таковые;

2) этап дивергенции (1990-е гг.) – постэкономическое течение вычленяется из «первичного хаоса» марксистских и постиндустриальных идей, происходит кристаллизация теоретических основ постэкономического восприятия постиндустриальных тенденций в теории «постэкономического общества» (В. Л. Иноземцев и др.) и институциональное оформление данного течения; политэкономическое течение возникает в качестве фрагмента «легальной части» марксистского дискурса, оппонирующего западной традиции анализа постиндустриальных тенденций, однако его институционального оформления не происходит;

3) этап конкуренции (2000-е гг.) – политэкономическое течение развивается на основании критики основных положений как западной постиндустриальной теории, так и отечественной теории «постэкономического общества» и институционализируется в рамках научной школы постсоветского марксизма; в рамках постэкономического течения происходит гипертрофированное развитие прогностико-практических исследований на фоне стагнации в части его теоретической составляющей.

---

⁵⁸ Следует отметить, что данная периодизация выдвигается *по результатам* содержательного, историко-логического анализа отечественных постиндустриальных исследований, проводимого в настоящей главе. Вместе с тем, в тексте работы она *предваряет* сам анализ в целях наиболее общей характеристики исторического развития рассматриваемого научного направления, без которой последующее рассмотрение его конкретных аспектов может показаться запутанным.

В соответствии с предложенной периодизацией обратимся к поэтапному историко-логическому анализу отечественного постиндустриального направления.

Первые советские публикации, в которых упоминается постиндустриальная теория, появляются в 1967 г. Однако содержательных исследований постиндустриальных идей в данных публикациях отмечено не было: авторы, в основном, упоминают теорию «постиндустриального общества» как одну из современных западных футурологических теорий⁵⁹. Однако уже спустя два года в советских научных журналах «Вопросы философии» и «МЭиМО» выходит ряд статей, целенаправленно рассматривающих и критикующих постиндустриальные идеи, а не только отмечающих постиндустриальную теорию среди прочих.

В 1969 г. журнал «МЭиМО» публикует в рамках специально созданной рубрики «Следующие тридцать лет» ряд статей, посвященных теории «послеиндустриального общества» – их можно считать первыми отечественными исследованиями постиндустриальной теории. Вступительное слово редакции в целом характеризует не только официальное отношение к теории, ну и будущую «программу» исследования постиндустриальной тематики: «более или менее *правильное описание* одних объективных процессов и тенденций общественного развития соседствует... с *поверхностной и зачастую искаженной характеристикой* других, ссылка на реальные факты – с произвольной комбинацией этих фактов и неправомерными обобщениями, из которых конструируются шаткие схемы и ложные выводы (курсов мой. – Д. К.)»⁶⁰. Таким образом, уже после «первого знакомства» с постиндустриализмом была четко сформулирована необходимость *теоретической оценки* его идейного наполнения, отыскания искажений марксистской логики в построениях постиндустриалистов. Вместе с тем, требовалось дать и *марксистскую трактовку* объективных процессов и явлений, описанных постиндустриальной теорией.

Рассмотренные особенности построения постиндустриальной теории, ее претензия на «преодоление» марксизма определяет и *схему «обратной реакции»* со стороны марксизма, а значит и *внутреннюю логику* советской критики как воплощение такой реакции. *Первая фаза* – общетеоретическое сопоставление схем общественного развития в постиндустриализме и марксизме, по итогам которого требуется ответить на вопрос: «удалось ли постиндустриализму преодолеть марксизм?». Хотя для советской науки ответ на этот вопрос был известен заранее, компаративный анализ все-таки имел место. *Вторая фаза* – со-

⁵⁹Так Н. Гаузнер, рассматривая теорию «кибернетической революции» Р. Тиболда, отмечает ее идейное сходство с постиндустриальной теорией Д. Белла. Стоит отметить, что на момент выхода обозначенных публикаций, постиндустриальная теория еще не существовала в законченном виде, а Д. Белл озвучил лишь некоторые из тезисных положений будущей теории на научных конгрессах и в ряде публикаций. Поэтому подобные упоминания «вскользь» вполне закономерны (Гаузнер Н. Социальные последствия научно-технической революции в капиталистических странах // Мировая экономика и международные отношения. 1967. № 1. С. 3-17). См. также: Дворкин И. Научно-техническая революция: критика буржуазных теорий // Мировая экономика и международные отношения. 1967. №2. С. 16-29.

⁶⁰Следующие тридцать лет // Мировая экономика и международные отношения. 1969. №7. С. 109.

поставление постиндустриализма и марксизма на методологическом уровне через детальное исследование становления постиндустриальных идей. Поскольку постиндустриализму де-факто не удалось «преодолеть» марксизм, то и искажение марксистского метода в постиндустриализме вряд ли может считаться обоснованным. И, наконец, логическим завершением этого процесса должно было стать «обогащение» марксизма через исследование постиндустриальных тенденций на основе неискаженной марксистской методологии, уточнение выводов и прогнозов о будущем человечества. Как будет показано ниже, советский период завершился на втором этапе, не успев перейти к третьему в силу исторических причин, что во многом и задавало направление дальнейшего развития постиндустриального направления в российской науке.

Уже в первых советских публикациях (конец 1960-х – начало 1970-х гг.) большинство положений постиндустриальной теории, сформулированных Д. Беллом в виде известных тезисов⁶¹, подверглось *марксистской* критике (см. табл. 1). Обозначенные утверждения являются основой восприятия постиндустриальных идей советскими учеными – в дальнейшем к ним обращаются как при углубленной критике постиндустриализма (здесь раскрывается место постиндустриализма в процессе «отрицания марксизма»), так и при идеологическом «осуждении» теории в различных брошюрах и статьях популярного толка (историческая специфика отечественной науки, для которой был характерен процесс «институционализации» критики – повторение уже озвученных аргументов без их углубления, а, зачастую, и их вульгаризация). Таким образом, их можно назвать **«базовыми» содержательными контраргументами** советской критики.

Среди приведенной контраргументации следует выделить сомнения советских ученых в соответствии реальному положению дел постулата «(постиндустриальное) общество будущего – в первую очередь, общество услуг». Эти сомнения советские ученые обосновывали с позиций марксистской логики общественного развития, подкрепленной статистическими выкладками.

Е. Громов⁶² критикует американскую статистику за отнесение деятельности к материальному производству или сфере услуг на основе вещности продуктов труда. Согласно приведенным расчетам, при использовании более корректной классификации нельзя говорить о преобладании сферы услуг в экономике США, т.е. материальное производство остается преобладающим и ведущим. Однако, несмотря на увеличение роли услуг в экономике передовых стран нельзя отождествлять изменение *отраслевой структуры* и структуры занятости с переходом на новую стадию экономического развития, считает он⁶³.

⁶¹ Белл Д. Указ. соч. С. 18.

⁶² Громов Е. Сфера услуг и «новое общество» американских социологов // Мировая экономика и международные отношения. 1969. №7. С. 121-127.

⁶³ Хавинсон Я. Двухтысячный год и некоторые пророки // Мировая экономика и международные отношения. 1969. №7. С. 121

Критическая аргументация советских ученых в адрес постиндустриальной теории

Характерная черта постиндустриального общества ⁶⁴	Позиция советских ученых	Аргументация советских ученых ⁶⁵
<i>Формирование сервисной экономики, ведущая роль сектора услуг</i>	Рост сферы услуг не означает становление принципиально нового типа общественной системы	- Роль материального производства не снижается, ускоренный рост сферы услуг необходим для дальнейшего развития материального производства в условиях НТР (Я. Хавинсон). - Классификация отраслей экономики США «ненаучна»; согласно «научной классификации», 3/4 занятых приходится на материально-вещественное производство (Е. Громов).
<i>Центральное место теоретического знания</i>	Абсолютизация роли ПС и игнорирование роли ПО недопустимо	- Без учета системы ПО невозможно построить подлинно научную теорию общественного развития (Я. Хавинсон). - Ни в одной капиталистической стране наука не командует экономикой и политикой. В области экономики она обеспечивает экспансию крупнейших монополий (А. Галкин). - Мотив прибыли остается главным в хозяйственной деятельности (Ю. Островитянов).
<i>Ведущая роль профессионального и технического класса</i>	Классовые антагонизмы сохраняются в «постиндустриальном обществе»	- Лишь небольшая часть элиты ученых может примкнуть к слою капиталистов (Ю. Островитянов). - Большая часть «белых воротничков» являются наемными работниками (Н. Гаузнер).
<i>Особая роль технологии и технологических оценок</i>	Технократические надежды беспочвенны: неревolutionный приход к власти ученых в капиталистическом обществе невозможен	- «Рациональная» организация общества интересуется господствующий класс только в той мере, в какой она способствует упрочнению его власти. Власть, построенная на иррациональных началах, не совместима с рациональной организацией общества, к которой стремится наука (А. Галкин).
<i>Создание новой «интеллектуальной технологии»</i>		

Я. Хавинсон также критикует *отраслевой* подход к определению постиндустриальной стадии, прежде всего, с позиций содержания экономической деятельности: материальное производство и сфера услуг не «противостоят» друг другу, но взаимодействуют, а их пропорции в структуре экономики определяются потребностями общества, а не наоборот. Поэтому «количественное соотношение числа занятых в обеих сферах... вовсе не определяет особый тип, характер экономики, а тем паче особый тип, *характер* целой общественной системы (курсив мой. – Д. К.)»⁶⁶. Стоит отметить обоснованность позиции советских ученых, подчеркивавших поверхностный характер «отраслевого критерия» постиндустри-

⁶⁴ Белл Д. Указ. соч. С. 18.

⁶⁵ См.: Громов Е. Сфера услуг и «новое общество» американских социологов // Мировая экономика и международные отношения. 1969. №7. С. 121-127; Островитянов Ю. К. «Постиндустриальная цивилизация», или капитализм в 2000 году? // Вопросы философии. 1969. №7. С. 30-41; Хавинсон Я. Двухтысячный год и некоторые пророки // Мировая экономика и международные отношения. 1969. №7. С. 109-121.

⁶⁶ Хавинсон Я. Двухтысячный год и некоторые пророки // Мировая экономика и международные отношения. 1969. №7. С. 117.

ализма – даже на уровне производительных сил капитализма изменение структуры производства и занятости не может быть самообусловленным⁶⁷. Хотя этот тезис, по сути, и не является наиболее содержательным, сложно недооценить его важность – именно критика «отраслевого подхода» в «неоиндустриальной парадигмы» С. С. Губанова демонстрирует преемственность советского и российского постиндустриального направления (подробнее об этом в п. 1.3.3).

Основой теоретического анализа постиндустриализма в советской науке стало сопоставление марксовской концепции *способов производства*, рассматривающей общественное развитие с позиций диалектического единства производительных сил и производственных отношений, и белловской концепции *«осевых принципов»*. Согласно Беллу, «проблема» марксовской концепции заключается в том, что «... такие категории, как общественные отношения и технология, нераздельны; однако анализ изменений, которые претерпевает способ производства с течением времени... показывает, что между этими двумя категориями нет ярко выраженной или последовательной связи». По этой причине Белл предлагает «разделить» их и выбирает в качестве основы своей теории технологическую «ось», на которой можно мысленно расположить доиндустриальные, индустриальные и постиндустриальные общества⁶⁸.

Советские ученые были единодушны в качественной оценке такой трактовки идеи Маркса. По их мнению, именно умозрительное отделение производительных сил от производственных отношений показывает полное непонимание Беллом марксовской схемы и позволяет ему утверждать о переходе экономической сферы общества на новую, «постиндустриальную» стадию⁶⁹. Действительно, Белл выносит «общественные отношения» за пределы своего анализа, а значит и капиталистическая природа западных обществ не учитывается им при описании постиндустриальных тенденций.

Белловская схема общественного развития, по мнению самого автора, смогла преодолеть «экономический детерминизм» марксовской схемы. Однако капиталистическая форма общественных отношений как объективная основа постиндустриальных тенденций оказалась неявно воспроизведенной в построениях западных теоретиков, несмотря на желание абстрагироваться от ее рассмотрения – именно на это указывают аргументы советских ученых. Например, Ю.К. Островитянов одним из первых акцентировал внимание на механиз-

---

⁶⁷ Белл хотя и выдвигает в «Грядущем постиндустриальном обществе» ряд критериев постиндустриальной стадии развития, начиная с нового места человека в системе общественного производства («игра между людьми») и заканчивая изменением содержания трудовой деятельности («ключевая роль теоретических знаний»), итоговое определение постиндустриальной стадии дается им через те самые «пять характерных черт». Такой подход больше соответствует факторной, нежели системной модели общественных изменений. И поэтому можно утверждать, что постиндустриальная теория прошла стадию обобщения эмпирических фактов, и перешла на стадию их теоретического анализа, но не прошла ее до конца – не дала системного, политэкономического понимания описанных фактов и тенденций.

⁶⁸ Белл Д. Указ. соч. С. ХСVIII-ХСIX.

⁶⁹ См, напр.: Хавинсон Я. Двухтысячный год и некоторые пророки // Мировая экономика и международные отношения. 1969. № 7. С. 115.

мах *извлечения прибыли* в постиндустриальном обществе и указал на их полное сходство с аналогичными механизмами в капиталистической системе. На основании данного факта им был сделан закономерный вывод, который в дальнейшем стал общепринятым для советских критиков: «„постиндустриальное общество“ – усовершенствованный, реорганизованный государственно-монополистический *капитализм*, приспособленный к новому уровню научных исследований и производства»⁷⁰.

Итогом сопоставления марксизма и постиндустриализма в советской науке, по сути, стал вывод о неадекватности объяснения процессов *социально-экономического* развития исключительно с помощью *социологического* подхода⁷¹, узости постиндустриальной модели по сравнению с марксистской.

В последующих работах советских ученых (1970-1980-е гг.) анализ постиндустриализма перешел из общетеоретической плоскости в методологическую – требовалось доказать, что постиндустриалисты приходят к неверному пониманию современных процессов, прежде всего, из-за искажения марксистской методологии. А для того, чтобы выявить методологические установки, которых придерживаются теоретики рассматриваемого подхода, требовалось *установить* социальные и научные *основания* постиндустриализма в соответствии с диалектическим методом познания.

Анализ *оснований* постиндустриализма пошел по двум направлениям: в рамках первого преобладал *релятивистский* подход, для второго было характерно сочетание *релятивизма* и *абсолютизма*. Релятивисты, как уже было отмечено выше, смотрят на прогресс теоретического знания с позиций исторической обусловленности – это, как правило, позволяет им установить социальный контекст анализируемых теорий. Поскольку советские ученые придерживались марксистского тезиса об объективных корнях идей⁷², такой подход был особенно близок им. Поэтому уже на стадии теоретического анализа в работах А. Галкина, Н. Гаузнера, Ю. Островитянова и др., отмечалась «ангажированность» некоторых

⁷⁰ Островитянов Ю.К. «Постиндустриальная цивилизация», или капитализм в 2000 году? // Вопросы философии. 1969. № 7. С. 31

⁷¹ Претендуя на продолжение подходов Маркса и Веблена к изучению общественных закономерностей, Белл выводит *тенденцию к социологизации* экономического знания на качественно новый уровень. Если у Маркса социальное фундировано экономическим – имеет место их диалектическое единство, общность и особенность, у Веблена экономическое имеет неэкономическую природу – а значит, происходит размывание предмета экономического знания, исчезает его специфика, то у Белла, и вовсе, экономическое отождествляется с социальным – собственно экономическая составляющая вообще не берется в расчет при построении схемы развития сферы «экономики», более «широкий» социальный аспект полностью поглощает экономический.

По мнению В. А. Логачева, тенденция к социологизации, наряду с «экономическим империализмом», является свидетельством кризиса современной экономической науки. Поэтому использование постиндустриальных идей в экономической политике, особенно в их «упрощенной» форме, зачастую, не приносит желаемых результатов (см.: Кочергин Д. Г., Логачев В. А. Постиндустриальный контекст стратегий социально-экономического развития России: национальный и региональный аспекты // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2013. № 2. С. 130-133).

⁷² Согласно Марксу, «производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением материального отношения людей» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 24).

идей постиндустриалистов (прежде всего, идеи о ведущей роли «класса профессионалов» в постиндустриальном обществе).

На наш взгляд, вряд ли возможно говорить о социальной нейтральности идей, особенно когда речь идет о прогнозировании будущего человеческого общества⁷³. Поэтому следует признать важность анализа социальных корней постиндустриализма – релятивистского анализа. Однако любая абсолютизация одного из методов анализа закономерно приводит к схематизации, упрощению анализируемого объекта, в результате чего упускается из виду его важная сторона. В случае крайнего релятивизма в историко-экономическом анализе в качестве этой «стороны» выступает внутренняя логика теории⁷⁴. Это и проявилось в рассматриваемом направлении советской критики.

Сторонники релятивистского подхода весьма точно указывали на *социальные* основания постиндустриальных идей – развертывающуюся научно-техническую революцию⁷⁵, признавая существование многих постиндустриальных тенденций (возрастание роли науки в процессе производства, увеличение занятости в сфере услуг и др.). Однако особенность постиндустриальной трактовки этих тенденций, на их взгляд, связана исключительно с социальной ангажированностью теоретиков, которые якобы понимают объективно-антагонистическое содержание общественного развития на современном этапе, но отказываются это признавать из-за желания «услужить» капиталу. Например, по мнению Ю. А. Красина, постиндустриалисты отказываются от марксистской (диалектической) методологии в пользу методологии «технологического детерминизма» для того, чтобы «уклониться от анализа производственных отношений» и, таким образом, «скрыть» капиталистический характер описываемого ими общества будущего⁷⁶. К схожим выводам приходит и Ю. Чаплыгин, отмечая, что западные футурологические теории, по сути, являются «попыткой буржуазных идеологов приспособиться к новой исторической обстановке в условиях ус-

---

⁷³ Подобная оценка согласуется с исследованиями К. Маннгейма, считавшего, что все идеи подвержены влиянию социальной или исторической ситуации, из которой они возникают. Сам факт, что каждый мыслитель связан с конкретной группой в обществе, что он имеет определенный статус и исполняет конкретную социальную роль, определяет его интеллектуальный кругозор. Люди не рассматривают мировые события с абстрактных позиций созерцающего разума вообще, не делают этого исключительно как отдельно взятые личности. Напротив, они действуют, объединяясь или противостоя друг другу в разных организованных группах, и пока они так поступают, они и мыслят одинаково или различно (см.: Mannheim K. *Ideology and Utopia*. N.Y., 1936. P. 3).

Однако интересен тот факт, что сам Д. Белл был не согласен с идеей социальной обусловленности, за что и критиковал советскую критику: «...Э. Араб-Оглы рассматривает США как некое зеркальное отражение советского общества с его четко организованными социальными группами, у которых имеются «официальные представители», выражающие классовые интересы и в данном случае пытающиеся стать «младшими партнерами» Большого бизнеса и поделить с ним власть и влияние в «системе государственно-монополистического капитализма». «Советским теоретикам сложно было представить себе, что могут существовать свободные, подвижные коалиции групп по интересам, а уж тот факт, что есть независимые ученые и научные учреждения, которые стремятся понять природу сложного общества, просто не укладывалось в их сознании» (см.: Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования* / Пер. с англ. М., 1999. С. XC).

⁷⁴ Блауг М. Указ. соч. С. 9.

⁷⁵ См, напр.: Чаплыгин Ю. П. «Технотронные» иллюзии. М.: Политиздат, 1972. С. 21.

⁷⁶ Красин Ю. В. Апологетическая сущность теории «постиндустриального общества» // Вопросы философии. 1974. № 2. С. 57.

губляющегося общего кризиса капитализма», цель которой – «создать побольше мифов о беспрепятственном прогрессе капитализма»⁷⁷. Другими словами, в рамках релятивистского подхода советской критики произошел переход от тезиса о социальной *обусловленности* идей к тезису об их социальной *детерминированности*⁷⁸, не позволив изучить методологическую специфику постиндустриализма.

Абсолютизация релятивистского метода наиболее заметна в работах Э. А. Араб-Оглы, рассматривавшего постиндустриальные концепции с позиции интересов *трех групп*: «Большого бизнеса», «Большого государства» и «Большой науки». Концепцию Г. Кана и Э. Винера, а также З. Бжезинского он относит к группе интересов «Большого бизнеса» – их общей чертой является представление о «постиндустриальном обществе» как о государственно-монополистическом капитализме, спроецированном в будущее. Взгляды Белла в рамках данной классификации относятся к группе «Большой науки»: обстоятельно характеризуя новые тенденции в современном капиталистическом обществе, Белл объективно выражает интересы, надежды и опасения широких кругов университетской и академической интеллигенции, связанные с будущим⁷⁹. Возникает вопрос, в чем специфика каждого из подходов, если они формально игнорируют сферу социально-экономических отношений и постулируют возрастание роли науки и научно-технической интеллигенции в обществе будущего?⁸⁰

При попытке детализации социальной позиции теоретиков постиндустриализма, предпринятой Араб-Оглы, методология выявления социальных корней была применена слишком формально, недиалектично – обозначенная принадлежность к разным «группам» не позволила выявить теоретических отличий этих подходов, не создала научной основы для объяснения причин деэкономизации представлений об общественном развитии, а лишь констатировала факт наличия «трех групп», а не одного класса. Как отмечал Г. Х. Шахназаров, исследовавший постиндустриальные теории после Араб-Оглы, «Кан не скрывает, что в качестве теоретической парадигмы им взята идея «постиндустриального общества» в

⁷⁷ Чаплыгин Ю. П. «Технотронные» иллюзии. М.: Политиздат, 1972. С. 30 ; 83.

⁷⁸ См.: Мамчур Е. А., Овчинников Н. Ф., Огурцов А. П. Отечественная философия науки: предварительные итоги. М.: РОССПЭН, 1997. С. 316-323.

⁷⁹ Араб-Оглы Э. А. В лабиринте пророчеств. Социальное прогнозирование и идеологическая борьба. М.: Молодая гвардия, 1973. С. 71.

⁸⁰ С точки зрения политэкономического понимания класса, классификация постиндустриальных подходов, предложенная Араб-Оглы, не вполне точна. Речь идет о том, что класс – это группа людей, объединенная, прежде всего, по критерию отношения к собственности на средства производства (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 15). Поэтому в самом широком социальном контексте было бы вернее говорить об отражении в работах обозначенных постиндустриалистов интереса класса капиталистов – владельцев средств производства, поскольку производственные отношения на «новом» общественном этапе остаются капиталистическими, и научно-техническое развитие осуществляется именно в капиталистической форме. Реформистский посыл концепций постиндустриалистов де факто не ставит под сомнение главенство капитала, хотя на теоретическом уровне экономический характер отношений между людьми ими даже не рассматривается. Такое понимание широкого социального контекста постиндустриализма было едино для всех советских критиков, поскольку оно основывалось на марксистском анализе «черт» «постиндустриального общества» и не требовало глубокого теоретического обоснования – это была своего рода «самоочевидная» истина для ученого-марксиста.

том виде, как она описана... Беллом»⁸¹. А если значимые теоретические отличия отсутствовали, то и предложенная классификация, по сути, является умозрительной, не основанной на научном анализе. Таким образом, теоретические отличия индивидуальных взглядов разных ученых не всегда могут быть объяснены с помощью исключительно их социальной позиции, исторического аспекта, а значит, в историко-экономическом анализе следует избегать крайнего релятивизма, дополняя его абсолютистским подходом.

Соединение абсолютизма и релятивизма характерно для работ Г. И. Иконниковой. Она придерживается рассмотренной выше трактовки социальных корней постиндустриализма и признает социальную ангажированность западных теоретиков, но ее анализ не ограничивается этим. Иконникова проводит теоретико-методологический анализ идей и концепций, по ее мнению, повлиявших на взгляды постиндустриалистов, и в итоге отмечает «эклектизм, смешение различных идей и взглядов, отсутствие последовательности, логической стройности (курсив мой. – Д. К.)»⁸² постиндустриальной теории. Хотя обращение к теоретическим корням постиндустриализма встречалось и в более ранних работах, например у Хавинсона и Островитянова, эти авторы не придавали значения «логическому аспекту», а теоретическую преемственность объясняли исключительно социальной ангажированностью.

При всей кажущейся очевидности вывода о «теоретической эклектичности» постиндустриальной теории для экономиста-теоретика в XXI в., для советских критиков он, видимо, казался *несущественным* на фоне определения социальных корней. Это и объясняет «однобокость» советского восприятия постиндустриализма: многие отечественные ученые не могли увидеть в теоретических несовершенствах критикуемой теории отражение господствующей интеллектуальной традиции плюрализма, невозможность кардинального разрыва с ней – т.е. специфику научного восприятия, или *научные основания*.

Иконникова отмечает, что научным основанием большинства буржуазных теорий общественного развития является приверженность методологическому принципу «*технологического детерминизма*». Специфика постиндустриальной теории в обращении к данному принципу, по ее мнению, проявляется в гиперболизации роли науки и наделении ее несвойственными функциями: «постиндустриалисты справедливо *усматривают* способность *науки* воздействовать на самые различные сферы общественной жизни... Однако... социально проникающую силу *науки* они *интерпретируют* как социально определяющую, т.е. все общественные изменения, сам ход общественного развития *выводят* только из внутренних возможностей *самой науки* (курсив мой. – Д. К.)»⁸³. Таким образом, согласно

⁸¹ Шахназаров Г. Х. Куда идет человечество (Критич. очерки немарксистских концепций будущего). М. : Мысль, 1985. С. 101.

⁸² Иконникова Г. И. Теория «постиндустриального общества». Будущее человечества и его буржуазные толкователи (Критический анализ). М. : Мысль, 1975. С. 52.

⁸³ Иконникова Г. И. Указ. соч. С. 71.

Иконниковой, теоретики постиндустриализма не могли в принципе учесть общественную форму научной деятельности, сосредоточив внимание исключительно на содержательных аспектах ее развития. «Как и все сторонники... «технологического детерминизма», постиндустриалисты подменяют социально-экономические явления техникой, общественные производственные отношения – процессом производства в технологическом смысле»⁸⁴.

Именно научно-техническое развитие становится предметом анализа постиндустриалистов, а следование методологии «технологического детерминизма» позволяет им отойти от поиска «двигателя» общественного прогресса в области социально-экономических отношений, перенеся его в сферу научно-технического прогресса (НТП), как бы имеющую необщественную природу. Поэтому метод исследования «исторического» развития постиндустриалистов был охарактеризован Иконниковой как «метафизический», не учитывающий диалектику общественных явлений⁸⁵. Поскольку НТП для сторонников техндетерминизма приобретает метафизический характер, то и процесс общественного производства фактически теряет социально-экономическую размерность, экономическое взаимодействие отождествляется с взаимодействием институтов. Этот вывод неявно подтверждает и сам Белл, отмечая, что «...немногие общества... могут быть определены исключительно исходя из единственного *института*, как это полагал К. Маркс; вряд ли возможно охарактеризовать систему как капиталистическую и полагать, что все ее *взаимоотношения*... вытекают из этого базового принципа (курсив мой. – Д. К.)»⁸⁶.

Основной теоретический постулат Белла – стремление к максимально полному описанию социальной реальности. Абсолютистский анализ в работах Иконниковой позволяет заключить, что этот постулат на фоне следования методологии техндетерминизма приводит одновременно к *необходимости учета* социально-экономического аспекта общественного бытия и *невозможности* его *учета* как относительно самостоятельного, а уж тем более детерминирующего общественное развитие. Поэтому возникает необходимость в отыскании связи «метафизического» НТП и социально-экономического развития – в качестве референта такого рода в теории Белла выступает наука, соединяющая в себе социально-экономический (понимаемый как институциональный) аспект и детерминированность объективной логикой НТП. Белл во многом повторяет марксову схему, однако при попытке отразить многообразие аспектов общественного бытия в теории вместо *диалектики* приходит к «буржуазному» *объективизму*, означающему односторонность, узость объективности, на что указывала Иконникова⁸⁷.

Таким образом, следование принципу технологического детерминизма придает формальную стройность постиндустриальной теории, позволяя трактовать *социально-*

⁸⁴ Там же. С. 117.

⁸⁵ Там же. С. 154.

⁸⁶ Белл Д. Указ. соч. С. 153.

⁸⁷ Иконникова Г. И. Указ. соч. С. 157.

экономическое взаимодействие как *институциональное*, а не классовое – к таким выводам приходит Иконникова. На этом принципе строилось большинство западных концепций общественного развития первой половины XX в., и он же оказался воспроизведенным в теоретических построениях постиндустриализма. Нам представляется, что именно подход Иконниковой во многом позволяет реконструировать логику построения постиндустриальных схем развития западными учеными, вскрывая их *центральный* методологический принцип.

Логическим завершением критического исследования постиндустриализма в советской науке представляются работы Э. В. Деменчонка, соединившего достижения логико-методологического анализа Иконниковой с поиском социального контекста постиндустриальных идей, присутствовавшего в работах многих советских ученых. В качестве базы исследования он принимает тезис о том, что «теория Белла остается в границах технодетерминистского мировоззрения», а значит «пять тенденций», формирующих постиндустриальную структуру, фиксируют лишь различные *проявления* научно-технического развития в экономической (создание экономики услуг), социальной (господство класса профессионалов) и политической (новые формы принятия политических решений и управления обществом) сферах⁸⁸.

У обществоведов, придерживающихся технодетерминистского мировоззрения, Деменчонк отмечает наличие единого взгляда на общественно-политическое устройство общества – «*технократической идеологии*». Для отыскания научных корней технократизма, советский ученый обращается к анализу взглядов Т. Веблена, обосновывавшего неэффективность рыночно-капиталистической системы и необходимость рационального управления обществом инженерами – единственными обладателями тех знаний, которые необходимы для эффективной реорганизации системы общественного производства. По мнению Деменчонка, вебленовские инженеры выступают прообразом класса «профессионалов» в постиндустриализме, и воплощают в себе *надежды* научно-технической интеллигенции на переустройство общественного порядка в соответствии с духом времени.

Поскольку объективная логика научно-технического развития предполагает возрастание роли науки в общественном производстве, то симметричным должно быть изменение роли ее представителей в общественной жизни – считают постиндустриалисты. Технократические воззрения, таким образом, становятся неотделимыми от методологии технологического детерминизма, однако со временем содержание первых меняется: технократы после Веблена встают на *реформистские* позиции – отказываются от идеи революционного изменения общественного устройства. Превращение постиндустриализма в ведущую доктрину, по мнению Деменчонка, представляет собой своеобразный *итог* полувековой *эволюции* технократической идеологии. «Если индустриализм 50-60-х годов предал забвению

⁸⁸ См.: Деменчонк Э. В. Современная технократическая идеология в США. М. : Наука, 1984. С. 81.

умеренно-критические традиции технократизма 30-40-х годов, то появление постиндустриальной теории ознаменовало окончательное апологетическое перерождение технократической идеологии и превращение ее из одного из буржуазно-оппозиционных идейных направлений в официальную идеологию правящей верхушки»⁸⁹.

В данном сюжете нас интересует не социологический аспект, а указание на *объективные* социально-экономические, т.е. политэкономические, корни появления и возвышения постиндустриальной теории на Западе. «Основная функция прогностической концепции Белла – это привлечение научно-технической интеллигенции на сторону капитала... Белл прельщает научно-техническую интеллигенцию перспективой «фактической власти над обществом», которой она достигнет более или менее автоматически...»⁹⁰. Советский ученый приходит к выводу, что идеология классово-исторической исключительности научно-технической интеллигенции и лозунги политического господства отражают скорее амбиции технократической элиты, а не коренные интересы основной массы профессионально-технического слоя⁹¹.

Таким образом, технократическая идеология соединяет в себе особенности социальной позиции теоретиков постиндустриализма как представителей технократической элиты и научных традиций восприятия общественного развития в немарксистской общественной науке XX в. Вера постиндустриалистов в неизбежную рационализацию управления обществом покоится на фундаментальных теоретических основаниях, и *формально* отражает взгляды и интересы научно-технической интеллигенции как таковой. Однако изучение логики постиндустриальных идей, обнаружение их методологической базы позволило советским ученым научно *обосновать* отражение в постиндустриальной теории интересов, прежде всего, верхушки научно-технической интеллигенции, приближенной к монополистической верхушке капитала и государственного аппарата – *технократической элиты*.

Хотя возрастание роли науки в общественном производстве и будет объективно способствовать увеличению доли научно-технической интеллигенции, сохранение капиталистической формы отношений, несущественной для постиндустриальных теоретиков, приведет к «возвышению» лишь немногих из них, сохранив на уровне всего общества *разделение* на совокупного капиталиста – владельца средств производства, и совокупного работника – владельца рабочей силы. Методология технологического детерминизма, таким образом, исключая социально-экономический аспект из сферы анализа, *препятствует* осознанию утопичности технократических надежд представителями научно-технической интеллигенции, и, соответственно, выработке более объективных взглядов на логику обществен-

⁸⁹ Деменчонок Э. В. Указ. соч. С. 82.

⁹⁰ Там же. С. 117.

⁹¹ Там же. С. 136.

ного развития – именно так можно интерпретировать итоги изучения социальных и научных корней постиндустриализма советскими учеными.

Капиталистическая форма, будучи «ненаблюдаемой» на эмпирическом уровне, закономерно проявляет себя в сфере научного познания, тем более, когда речь идет о его социально-экономической отрасли – она закрепляется и воспроизводится в виде господствующих традиций восприятия общественного бытия, придавая научному познанию дискурсивный характер. Следование такого рода традициям при создании постиндустриальной теории, на что обратили внимание советские ученые, привело ее авторов к неявному подтверждению идеи о вечном характере капитализма; что, в свою очередь, стало возможным за счет фактического вынесения социально-экономических (капиталистических) отношений за пределы области научного анализа в форме их отождествления с технико-экономическими отношениями. Фактически, западные постиндустриалисты провели анализ «постиндустриальных» тенденций с якобы «нейтральной» позиции, а советские ученые указали на ключевые черты именно капиталистической формы тенденций, описанных постиндустриалистами.

Несмотря на значительную глубину анализа, советские ученые практически не рассматривали связь постиндустриализма с марксизмом (в лучшем случае упоминался лишь факт обращения постиндустриалистов к трудам классиков марксизма⁹²). По всей видимости, такое «умалчивание» решало задачу по «разведению» марксизма и постиндустриализма, демонстрации их принципиальной несхожести. Но решение подобной задачи *ограничило* и глубину анализа постиндустриальных идей советскими учеными. Из-за исторической специфики восприятия они не смогли обнаружить *истоки* социологического подхода к восприятию экономической деятельности за пределами традиции технологического детерминизма и воспринять постиндустриальную теорию как попытку «отрицания» марксизма.

После фактического «обобщения» критических выводов в первой половине 1980-х гг., требовалось дальнейшее развитие «постиндустриальной» тематики внутри марксизма – системный *политэкономический анализ* «постиндустриальных» тенденций, отделение социально-экономической формы тенденций от их материального содержания, анализ формы этих тенденций в условиях социализма. Однако неявная приверженность советских ученых противоположным историко-экономическим подходам стала одним из препятствий для перехода на следующий «некритический» этап: (1) в рамках *релятивистского подхода* имело место признание реальности постиндустриальных тенденций, но они не подвергались осмыслению через анализ постиндустриальной теории; (2) сторонники подхода, соединив-

---

⁹² Например, среди описания идейных предшественников постиндустриализма у Иконниковой, марксизму посвящен лишь один абзац: «постиндустриалисты часто обращаются к трудам Маркса, Энгельса, Ленина, но, пользуясь старым ревизионистским приемом, они искажают содержание проблем, разработанное классиками марксизма-ленинизма. Делается это для того, чтобы показать, что эти проблемы в наше время устарели и решаются иначе» (Иконникова Г. И. Указ. соч. С. 52).

шего *абсолютизм* и *релятивизм*, наоборот, сосредоточились на анализе теории, в результате чего социальные основания постиндустриализма показались им несущественными по сравнению с доскональным исследованием его методологических несовершенств.

В результате сам объект исследования (постиндустриалистов) – современная общественно-экономическая трансформация, ее содержание – оказались фактически непонятыми советской наукой из-за «разрыва» теоретического и эмпирического уровней анализа. Такой результат был во многом предсказуем для советского догматического марксизма, сторонники которого, зачастую, умахали степень изменения общественных отношений в процессе развития производительных сил. Поэтому единственно возможной формой осмысления постиндустриальных тенденций в отечественной науке стало *отрицание* научных *достижений* критики как чисто догматических.

На подобное развитие постиндустриального направления в отечественной науке указывает спад количества *критических публикаций* с середины 1980-х гг. Знаковым является и выход антологии «Новая технократическая волна на Западе»⁹³, содержащей, в частности, статьи признанных авторитетов постиндустриализма: Г. Кана, О. Тоффлера, Д. Белла и других. Таким образом, все желающие смогли *познакомиться* с трудами *теоретиков* постиндустриального общества, пусть и в ограниченном объеме (сборник содержит две статьи О. Тоффлера и по одной статье Г. Кана и Д. Белла).

Обращаясь к содержанию рассматриваемой книги, стоит особо выделить вступительную статью П.С. Гуревича. В ней помимо описания принципа компоновки текстов западных авторов приводится и краткий обзор постиндустриальных идей. В первую очередь, следуют отметить незначительный объем критики по отношению к описанию постиндустриальных идей. Во-вторых, содержательный аспект критических высказываний крайне слаб – была отмечена лишь несостоятельность метода «осевых принципов» Белла.

Завершение статьи еще раз подтверждает *нейтральное* отношение автора к рассматриваемым идеям: «Западные ученые и философы пытаются понять существо современного этапа в развитии научно-технического прогресса, выявить богатый потенциал информатизации общества. Обретенное экспертное знание отражает подчас *реальные* процессы развертывания научно-технической революции, ее возможности и дальнейшие тенденции развития. Исследователи-марксисты найдут в сборнике разносторонние и важные сведения, которые *могут быть использованы* при разработке *позитивной концепции* компьютеризации общества (курсив мой. – Д. К.)»⁹⁴.

Таким образом, советская наука осознала острую необходимость в позитивном осмыслении постиндустриальных тенденций лишь на закате существования СССР. Однако

⁹³ Новая технократическая волна на Западе / сост. и вступ. ст. П. С. Гуревича. М., 1986. 453 с.

⁹⁴ Гуревич П. С. Закономерности и социальные перспективы научно-технического прогресса // Новая технократическая волна на Западе. С. 30.

к этому моменту уже четко проявился кризис в двух взаимосвязанных плоскостях: (советской) марксистской теории и советской экономической практики.

Сильно и влияние практики на теорию, во многом оно и является ключевым для понимания причин кризиса советского марксизма. О содержании советского социально-экономического развития в послевоенные годы уже многое сказано, и изучение этого исторического аспекта вряд ли возможно в рамках настоящей работы⁹⁵. Однако можно с уверенностью утверждать, что организация советского хозяйства не способствовала форсированной утилизации достижений НТП. Значит и социалистическая форма «постиндустриальных» тенденций оставалась в зачаточном состоянии, тогда как их капиталистическая форма проявилась достаточно четко, учитывая успехи развитых капиталистических стран в этой области. Поэтому западные постиндустриалисты смогли дать их осмысление на основе *индуктивного* метода, тогда как для советской науки требовалось их *дедуктивное выведение* из марксистской теории, а затем и создание *модели* их плановой реализации. Хотя подобные теоретические разработки существовали⁹⁶, они так и не получили внедрения в масштабах Союза (причины этого факта также требуют отдельного исследования). Поэтому можно утверждать, что излишне «критическая» ориентация «основного течения» отечественного марксизма связана с (исторической) спецификой отечественной экономической «практики», не дававшей «эмпирических» оснований для совершенствования марксизма по аналогии с западными «постиндустриальными» тенденциями.

Фактический отказ большинства сторонников марксизма от развития «некритического» аспекта и обоснования необходимости социалистической «постиндустриализации», планомерное отстаивание «критической» ориентации, в свою очередь, связаны со спецификой организации советской общественной науки, в которой влияние «идеологического» аспекта со временем начало препятствовать совершенствованию марксизма. На наш взгляд, теория не смогла адекватно воспринять тенденции развития НТП и их влияние на социалистическое общество во многом именно из-за подобных идеологических причин: в эпоху «развитого социализма» признание *эволюции* капиталистических отношений под воздействием НТП и ее сопоставление с *инерционным* характером развития социализма было невозможным. Закономерным следствием догматизации советского марксизма стала его теоретическая косность, проявившаяся не только в умалении значения «постиндустриальных» тенденций либо их полном отрицании, но и в отсутствии (или фактическом неприятии, если говорить о направлении В. Я. Ельмеева) анализа социалистической формы «постиндустриальных» тенденций. А в связи с отсутствием теоретического понимания (признанного

---

⁹⁵Особенно интересным является мнение о «капиталистической» направленности развития советской экономики после косыгинских реформ, поддерживаемое С. С. Губановым (см.: Губанов С. Неиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. 2008. № 9. С. 3-7).

⁹⁶ См.: Ельмеев В. Я. Социальная экономия труда: общие основы политической экономии. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. 576 с.

советской научной и партийной элитами) и на уровне экономической практики отсутствовал курс на планомерное использование плодов «информационной революции», способный освободить работников от выполнения трудоемких рутинных операций и привести к становлению *подлинно* постиндустриальной экономики как экономики *развития человека*. Таким образом, **логическая необходимость позитивного политэкономического анализа постиндустриальных тенденций приняла конкретную историческую форму – кризис советского догматического марксизма.**

Не случайно при анализе постиндустриальных процессов на рубеже тысячелетий было высказано мнение о крахе СССР как невозможности разрешения постиндустриальной трансформации (из-за неэффективности информатизации производства в условиях заниженной стоимости рабочей силы)⁹⁷. Как показывает анализ логики отечественного постиндустриального направления, подобная оценка недалека от истины, даже несмотря на ее излишне «популярную» формулировку. Поскольку кризис практики неотделим от кризиса теории, то можно говорить и о *кризисе марксизма* как невозможности «преодоления» постиндустриальной теории, точнее говоря, о кризисе догматической *формы* марксизма как невозможности *выявления* социалистической формы «постиндустриальных» тенденций.

Предельно четко необходимость третьего, «некритического» этапа в развитии марксистского анализа постиндустриальности, освобождения марксизма от догматики выразил В. Л. Иноземцев. По его мнению, советской науке на тот момент (1989 г.) была необходима «концепция, описывающая современное капиталистическое общество», которая не должна была «приходить в противоречие с положениями марксистской теории, отбрасывая часть из них как устаревшие, а должна являться формой *развития* марксистского учения, рассматриваемого в совокупности всех его теоретических положений, равно как должна быть основана на марксистской методологии (курсив мой. – Д. К.)»⁹⁸. Таким образом, помимо всего прочего, прослеживается связь кризиса догматической формы марксизма и с постиндустриальной теорией, т.к. задача теоретического осмысления современной трансформации, ее экономического содержания и общественной формы, а, точнее, общественных *форм*, поставленная в постиндустриализме (и решенная в отношении капиталистической формы), не нашла решения в рамках советского марксизма (в отношении социалистической формы).

В ранних работах Иноземцева находит свое отражение и обозначенная нами *форма разрешения* кризиса первого этапа развития отечественного постиндустриального направления: *отказ* от его теоретических достижений. Хотя в критических работах советских ученых был дан марксистский анализ многих «постиндустриальных» тенденций (даже не-

⁹⁷ См.: Трансформации в современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общество (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2000. № 1. С. 26-32.

⁹⁸ Иноземцев В. Л. Специфика современной стадии развития капитализма // Некоторые проблемы исследования современного капитализма : сб. / под ред. В. А. Борисова. М., 1989. С. 23.

смотря на идеологизированность многих выводов и аргументов), Иноземцев не обращается к ним при исследовании состояния современных западных обществ, а, фактически, начинает «с нуля», рассматривая стадии общественного развития в трудах Маркса и эволюцию капитализма с позиции ленинской концепции империализма. «Современные западные общества в точки зрения процесса мирового развития представляют собой сложную структуру, историческое место которой сейчас невозможно определить однозначно, – пишет он. – Терминологический и теоретический аппарат нашей обществоведческой науки сейчас не готов к тому, чтобы однозначно определить, являются ли эти общества проявлением нового способа производства или могут все же быть представлены как модификация капиталистического способа производства»⁹⁹. Свою роль в фактическом «отказе» от достижений советского этапа сыграла и уже обозначенная методологическая оппозиция отечественных ученых в историко-экономическом аспекте – она препятствовала суммированию результатов исследования западного постиндустриализма, четкому разделению содержания тенденций (развитие производительных сил) и их социально-экономической (капиталистической) формы. В итоге абсолютизация методологической силы марксизма на фазе критики постиндустриализма сменилась умалением теоретических достижений советской политэкономии как таковой у Иноземцева и других сторонников «нового курса».

Если советская наука 1970-х – начала 1980-х гг. не могла встать на новый уровень анализа, перерасти «критическую» традицию восприятия реальных тенденций, то советская наука времен перестройки не смогла (и, по всей видимости, не могла в принципе) сохранить связь с этой традицией. В итоге диалектическое противоречие между марксизмом и постиндустриализмом оказалось неразрешенным, а развитие марксизма приняло форму не отрицания западного постиндустриализма, а отрицания его отечественной критики, и, шире, всего опыта советской политэкономии. Однако крах СССР не позволил разрешить и это противоречие, не привел к формированию «обновленного» марксизма. В 1990-е гг., проходившие под знаком «развенчания» марксизма, сместились и акценты в понимании общественного развития отечественными учеными – вместо марксистского анализа постиндустриальных тенденций мы получили «марксистский» (по форме) постиндустриализм в концепции «постэкономического общества» Иноземцева. Противоречие в развитии политэкономических исследований постиндустриальной трансформации, де-факто, осталось неразрешенным, а значит, оно с логической необходимостью будет воспроизводиться на «новом» уровне, где его формой будет выступать современная критика постиндустриализма с позиций марксистской политэкономии. Поэтому для понимания современного этапа развития отечественного постиндустриального направления будет необходимо ответить на вопрос: разрешено ли это противоречие?

---

⁹⁹ Там же. С. 50.

Таким образом, корни полного забвения достижений советской критики постиндустриализма, отсутствия сведений о «советском» этапе отечественного постиндустриального направления в современных историко-экономических исследованиях – в невозможности завершения диалектического развития марксизма без отрицания его советской формы. В этом соединяются исторические и логические закономерности развития как советского (критического) анализа постиндустриальных тенденций, так и советского (догматического) марксизма, а точнее, их взаимосвязанного, диалектического развития.

Вслед за распадом СССР и переходом пореформенной России к капиталистическим отношениям разрешение противоречий в развитии марксизма вновь оказалось невозможным по идеологическим причинам. Несмотря на декларативный плюрализм взглядов и подходов, марксистская парадигма попала под шквал научной (и околонучной) критики, а «некритическое» обращение к ней находилось под неявным запретом. На первый взгляд, здесь и произошло то самое «преодоление» марксизма, на которое претендовала западная постиндустриальная теория, однако далеко не за счет теоретического превосходства последней, а в связи с научной и политической конъюнктурой, требовавшей такого «преодоления».

Для отечественного обществоведения в это время теряет актуальность и вопрос развития в широком смысле: сторонники либеральных идей были воодушевлены становлением капитализма, поскольку это якобы доказывало фукуямовский тезис о «конце истории»¹⁰⁰, остальные не могли открыто усомниться в верности либерализма. На таком историческом фоне появление «постэкономических» идей В. Л. Иноземцева, обращавшегося в своих работах к не особо «актуальным» темам (труд, собственность, эксплуатация), может показаться странным. Однако с точки зрения логики развития отечественного постиндустриального направления такой отголосок марксизма в его идеях вполне закономерен.

Как было рассмотрено выше, Иноземцев был одним из тех ученых, кто понял «центральный вопрос», стоявший перед марксистской теорией: необходимость ее совершенствования через теоретическое осмысление экономических форм общественного развития (капиталистической и социалистической). Вместе с тем, он успел познакомиться с основами постиндустриализма и опытом решения этого «вопроса» западными теоретиками. И наконец, он, по всей видимости, не был хорошо знаком с критикой постиндустриализма в советской науке, или не считал полученные в ее рамках результаты важными. Мы не беремся судить, по каким причинам постиндустриальная теория показалась ему «лучше» марксизма для описания общественного развития – чисто «идеологическим» или научным

---

¹⁰⁰ См.: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М. : АСТ, 2010. С. 7.

(или, возможно, благодаря сочетанию первого и второго), однако как будет показано ниже, именно она становится базой его исследования.

Появление «постэкономических» идей указывает на существование «*побочной*» линии отечественного постиндустриализма, которая не была заметна на фоне «основной» критической линии в советской науке. Речь идет о процессе «*ознакомления*» научной общественности с постиндустриальными идеями, имевшем место в советском периоде. Наиболее явно он был замечен в первых публикациях по постиндустриальной тематике (конец 1960-х – начало 1970-х гг.), авторы которых прибегали к объемному цитированию Белла, Кана и других классиков постиндустриализма. Конечно, цель такого цитирования была вполне очевидна – не имело смысла критиковать теорию, с которой не был знаком никто, кроме самих критиков, ведь доступ к первоисточникам отсутствовал у широкой научной общественности. Поэтому советские ученые и приводили выдержки из работ постиндустриалистов, чтобы дать возможность читателям оценить правомерность выдвигаемых критических контраргументов. На успешность процесса «*ознакомления*» указывает то, что в 1970-х – начале 1980-х условные «*объемы*» цитирования в критических работах уменьшаются, а обращение к постиндустриализму происходит уже на уровне центральных идей (общество услуг, осевые принципы, класс профессионалов), что говорит о знании критиками структуры постиндустриальной теории. Таким образом, постиндустриальные идеи в процессе их критического анализа *инкорпорируются* в представления советских ученых, воспринимаются ими как своего рода «искаженный» *буржуазный марксизм*.

В канун социально-экономического и идеологического кризиса в СССР происходит уже рассмотренный отказ от строго критического восприятия западных теорий, тогда же, на наш взгляд, и проявляется формально отрицаемая связь постиндустриализма и марксизма. Не случайно в «Новой технократической волне на Западе» указывается на возможность позитивного использования разработок западных теоретиков для совершенствования марксистской парадигмы, и именно такая возможность привлекает внимание молодых ученых к постиндустриальной теории. Как признавался сам Иноземцев, «именно то издание [«Новая технократическая волна на Западе». – Д. К.], вызвавшее столь живой и неподдельный интерес у меня и многих моих друзей и коллег, рассматривалось мною как ориентир, которого надлежало держаться и который хотелось превзойти»¹⁰¹. Таким образом, основой для модификации постиндустриальных идей в пореформенной России и выдвижения их на авансцену отечественного обществоведения является формальное *теоретическое сходство* постиндустриализма с марксизмом, что стало основой для «*ознакомления*» отечественных ученых с основами западного подхода, и в последствии привело к «идеологической» *переоценке* постиндустриальных идей (от негативного в советское время через нейтральное во

---

¹⁰¹ Иноземцев В. Л. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая постиндустриальная волна на Западе / под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. С. 3-4.

время перестройки к либерально-одобрительному в постсоветской России). Таким образом, отечественный постиндустриализм уходит корнями в марксизм, но отрицает «основную» (логическую) линию развития советских постиндустриальных исследований. Он меняет «полярность», в качестве теоретического идеала выбирая уже не марксизм, а западный постиндустриализм, реализуя скрытый потенциал «побочной» (исторически обусловленной) линии развития, фактически подготовившей отечественную научную среду к восприятию постиндустриальных идей. Проследим генетическую связь отечественного постиндустриализма с марксизмом, а также процесс смены «полярности» по ряду ключевых публикаций Иноземцева.

Если в статьях 1989 г. утверждается, что отечественная наука не может ответить на вопрос, возник ли в западных обществах новый способ производства или произошла лишь модификация капиталистического способа производства¹⁰², то в статье 1991 г. Иноземцев четко указывает на посткапиталистический характер западных обществ: «...из того кризиса капитализма, который очевидно прослеживался в начале XX века, вышла не коммунистическая система, которая пришла на смену капитализму, а две альтернативные системы – социалистическая, явившаяся осуществлением революционного пути развития, и *посткапиталистическая*, которая представляет собой олицетворение *пути эволюционного* (курсив мой. – Д. К.)»¹⁰³. Для такого общества, по его мнению, характерно существование наемного труда, товарный характер производства, извлечение прибавочной стоимости как основной цели производственного процесса (капиталистический аспект), а также частичное преодоление отчуждения непосредственных производителей от средств производства, высокой автоматизацией производительных сил, регулированием общественного производства, отход от поляризованной классовой структуры («коммунистический» аспект)¹⁰⁴. Важно отметить тот факт, что посткапиталистическое общество по Иноземцеву остается в рамках экономической общественной формации, т.е. «царства необходимости», также как и социалистическое общество. Другими словами, отечественный постиндустриалист, фактически, указывает на *две* общественные *формы* «постиндустриальных» тенденций и *единое содержание*, связанное с развитием производительных сил – это преимущественно марксистское понимание логики общественного развития¹⁰⁵.

¹⁰² См.: Иноземцев В. Л. Специфика современной стадии развития капитализма // Некоторые проблемы исследования современного капитализма : сб. / под ред. В. А. Борисова. М., 1989. С. 19-51.

¹⁰³ См.: Иноземцев В.Л. Альтернативность общественного развития // Вестник Московского государственного университета. Серия 6. Экономика. 1991. № 2. С. 7.

¹⁰⁴ Там же. С. 8-10.

¹⁰⁵ В связи с этим можно отметить и закономерность критического отношения Иноземцева к «перестройке» отечественной экономики на капиталистический лад: «в нынешней ситуации возможна реализация различных путей исторического развития, и нет оснований считать одни из них заведомо предпочтительнее других, - отмечает он. Все они имеют сегодня перспективу, за исключением тех, которые ориентированы на копирование способов прогресса с ранее имевших место в других условиях. И это обстоятельство, вытекающее из марксовской теории общественных формаций, вызывает значительную обеспокоенность перспективами перестройки, которая нередко обнаруживает склонность к слепому подражательству при отсутствии четких ориентиров». Для описания хроноло-

Вместе с тем, в работах Иноземцева появляется и важное отличие от ортодоксального марксистского подхода – специфическое понимание категории «труд», на основании которого и делается вывод о переходе к новой общественной формации. Для обоснования подобной трактовки Иноземцев обращается к ранним работам Маркса, который отмечал, что «...«труд» по своей сущности есть несвободная, нечеловеческая, необщественная, обусловленная частной собственностью и создающая частную собственность деятельность»¹⁰⁶. Однако здесь имеет место лишь формальная «ссылка на авторитет»¹⁰⁷, тогда как, по сути, этим обосновывается немарксистская позиция: «несмотря на то, что покупка и продажа рабочей силы сохраняются в системе отношений западного общества, *мотивация деятельности* более не сводится к утилитарной цели получения материального вознаграждения...*Западные философы и социологи отмечают, что новый, надутилитарно мотивированный тип деятельности следует рассматривать уже не как труд, а как творчество* (курсив мой. – Д. К.)»¹⁰⁸.

При этом имеет место *синкретизм* восприятия постиндустриальных тенденций – лишь *формально* непротиворечивое сочетание марксизма и немарксистского подхода, основой которого выступает марксизм (несмотря на особую трактовку понятия общественной формации¹⁰⁹). По сути же возникает логическое противоречие между марксистской идеей о всестороннем развитии личности как цели непосредственно-общественного хозяйства и идеей западных ученых о самосовершенствовании как о цели индивидуальной деятельности, и оно разрешается неявным отождествлением первого со вторым, что как бы и подтверждает становление коммунистической формации по Марксу в современных западных обществах.

гии становления отечественного постиндустриализма интересно и название статьи Иноземцева, процитированной выше – фактически, именно в 1991 г. он впервые обращается к постиндустриальной теории для характеристики современного этапа общественного развития, хотя подобное обращение было не содержательным, а чисто терминологическим (см.: Иноземцев В. Л. Капитализм, социализм или постиндустриальные общества? // Коммунист 1991. № 4. С. 32-40).

¹⁰⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 242.

¹⁰⁷ В цитируемой работе Маркса речь идет о низведении человека до товара особого рода – рабочей силы – в системе капиталистического производства. Слово труд используется Марксом в кавычках, и означает капиталистическую, т.е. *общественную* форму использования рабочей силы как источника создания стоимости, тогда как *индивидуальное* восприятие рабочим своего труда как чужого, противостоящего ему, является закономерным следствием действия механизма капиталистического (общественного) производства, но никак не исторической причиной воспроизводства этого механизма. В поздних работах Маркса труд трактуется менее «двусмысленно» как процесс расходования рабочей силы, тогда как по рабочей силе есть «совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 178).

¹⁰⁸ Иноземцев В. Л. Капитализм, социализм или постиндустриальные общества? // Коммунист 1991. № 4. С. 33.

¹⁰⁹ Иноземцев проводит анализ текстов Маркса и утверждает, что Маркс выделял не пять *общественно-экономических формаций*, а три *общественные формации*: «первичную», соответствующую раннему бесклассовому обществу; «вторичную» (экономическую), в рамках которой выделяются дополнительно азиатский, античный, феодальный и буржуазный способы производства; и «третичную», коммунистическую, воспроизводящую бесклассовую организацию на новом уровне (см.: Иноземцев В. Л. К теории постэкономической общественной формации: Научное издание. М.: Таурус, 1995. 336 с.; Иноземцев В. Л. Экономическая общественная формация: границы понятия и значение теории // ПОЛИС. 1991. № 4. С. 35-46).

В дальнейших работах Иноземцева вследствие инкорпорации идеи о надутилитарной мотивации творческой деятельности в марксистские представления прослеживается *деструкция* содержания последних. Это отмечает и сам отечественный постиндустриалист, признавая важность марксизма лишь для анализа прошлого, капиталистического общества, но не настоящего, посткапиталистического: «...замещение труда творческой деятельностью вообще кладет конец использованию... теории [стоимости и прибавочной стоимости. – Д. К.]. Более того, с этого же момента оказывается весьма сомнительной и марксистская концепция эксплуатации... *Марксова экономическая модель справедлива только в тех пределах, в каких сегодня человеческая деятельность выступает как труд, а производство – как создание массового, неиндивидуализированного продукта*»¹¹⁰.

В 1992 г. Иноземцев выступает с докладом в Институте экономики РАН¹¹¹, обосновывая необходимость *отказа от марксизма* в пользу западной постиндустриальной теории при исследовании современных тенденций общественного развития. Он отмечает, что «постиндустриалисты успешно *развивают* концепцию совершенствования форм человеческой деятельности, весьма сходную с марксовой, причем *преодолевают* те сложности и *противоречия*, которые стали серьезной преградой на пути прогресса марксовой доктрины (курсив мой. – Д. К.)»¹¹². Прогрессивность постиндустриальной теории по сравнению с марксизмом, по его мнению, связана с: (1) анализом индивидуализированного производства; (2) рассмотрением творческой деятельности как непосредственного взаимодействия между личностями; (3) отказом от трудовой теории стоимости в связи с невозможностью исчисления стоимости знаний и информации; (4) обоснованием возможности преодоления эксплуатации с субъективной стороны. Таким образом, идея о становлении творческой деятельности как сущности современной общественно-экономической трансформации смогла непротиворечиво вписаться в концепцию западного постиндустриализма, в отличие от марксизма. На наш взгляд, во многом благодаря этому Иноземцев и рассматривает постиндустриальную теорию как «преемницу марксовой социологии»¹¹³.

Окончательное оформление теории «постэкономического общества»¹¹⁴ (1995 г.), наметившееся в рамках рассмотренной тенденции перехода от марксизма к постиндустриализму (1991-1992 гг.), является значимым этапом в формировании постэкономического течения – происходит признание прогрессивности постиндустриальных идей по сравнению с

¹¹⁰ Иноземцев В. Л. Понятие творчества в современной экономической теории // ПОЛИС. 1991. № 4. С. 184.

¹¹¹ Иноземцев В. Л. Марксистская теория исторического прогресса: истоки и преемники : Репринт доклада (М., Институт экономики РАН, 1992 г.) // Иноземцев В. Л. За десять лет. К концепции постэкономического общества. М., 1998. С. 161-211.

¹¹² Там же.

¹¹³ Иноземцев В. Л. Марксистская теория исторического прогресса: истоки и преемники : репринт доклада (М., Институт экономики РАН, 1992 г.) // Иноземцев В. Л. За десять лет. К концепции постэкономического общества. М., 1998. С. 210.

¹¹⁴ См.: Иноземцев, В. Л. К теории постэкономической общественной формации. М. : Таурус, 1995. 336 с.

марксизмом, дается теоретическое обоснование «преодоления» марксизма в построениях западных постиндустриалистов. Этап советской критики с точки зрения отечественного постиндустриализма воспринимается уже как этап «внешней» критики постиндустриальной теории, являющейся неотъемлемой частью отечественного обществоведения (или явно претендующей на такой статус). Политэкономическое понимание сущности постиндустриальных тенденций, ставшее одним из оснований постэкономического течения, фактически, заменяется трактовкой этих тенденций в рамках научной традиции постиндустриализма. Это позволяет говорить об **отечественной постиндустриальной теории как превращенной форме так и не сформировавшейся марксистской концепции «постиндустриальной трансформации»**, отразившей как ее потенциальный предмет – экономическую форму постиндустриальных тенденций¹¹⁵, так и специфику его возникновения – через взаимодействие с западным постиндустриализмом. В этом заключается *логическая составляющая* становления постэкономического течения

С точки зрения *исторической составляющей* также наблюдается преемственность советского и постсоветского этапов развития постиндустриального направления. В результате выхода постиндустриальной теории на авансцену *меняются* (на противоположные) и *качественные оценки*, свойственные советскому периоду: советская критика постиндустриальной теории критикуется (без приведения контраргументации), а постиндустриальная теория, наоборот, восхваляется. Таким образом, отечественной постэкономическое течение «унаследовало» не только отдельные элементы марксизма (его теоретическую форму), но и особенность восприятия постиндустриальной теории, характерную для советской науки (его институциональную форму) – *отсутствие* научной «нейтральности» восприятия.

Об исторической преемственности (также в инвертированном виде) говорит и процесс «переознакомления» широкой научной общественности с основами постиндустриальной теории (1995-1999 гг.). Его необходимость была четко обозначена Иноземцевым: «Сегодня... не остается сомнений, что усвоение идей постиндустриализма в современной России находится на гораздо более примитивном уровне, нежели в советский период, – отмечал он. – Даже идеологизированная критика 70-х годов имела под собой понимание того, что же именно хотели сказать западные исследователи, и основывалась на противоречии этих положений марксизму»¹¹⁶.

Обозначенная задача по «переознакомлению» российской научной общественности, на наш взгляд, была успешно решена. Так, именно в 1999-2000 гг. в свет выходит ряд публикаций, во многом заложивших основу для «правильного» понимания постиндустриальных идей отечественными учеными. Во-первых, стоит отметить первое русскоязычное из-

¹¹⁵ Как отрицание объективной составляющей экономических отношений (см. п. 2.2.3, 3.2).

¹¹⁶ Иноземцев В.Л. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая постиндустриальная волна на Западе / под редакцией В. Л. Иноземцева. М., 1999. С. 39.

дание ключевого труда Белла¹¹⁷ (1999), включающего разъясняющую статью Иноземцева «Постиндустриальный мир Даниела Белла»¹¹⁸. Кроме того, приводится и предисловие самого Белла к русскому изданию, содержащее как описание классических и новых тенденций «постиндустриального мира», так и попытку «диалога» с отечественной наукой через обращение к марксизму и советской критике.

Другой ключевой работой того времени стала антология «Новая постиндустриальная волна на Западе»¹¹⁹ (название по аналогии с «Новой технократической волной на Западе»¹²⁰ 1986 г.), содержащая знаковые труды постиндустриальной тематики последних десятилетий. Важно отметить тот факт, что, несмотря на то, что в антологии содержатся труды многих авторов, ряд из которых отходит от «ортодоксальной» постиндустриальной теории, ключевое (концептуальное) положение, по мнению Иноземцева, все-таки сохраняется за последней¹²¹.

Наконец, третьим знаковым изданием является учебное пособие Иноземцева «Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы», призванное, по всей видимости, донести постиндустриальные идеи до молодых ученых и специалистов. В этой книге рассматриваются как «классические» постиндустриальные тенденции (экономика услуг, повышение роли знаний и технологий, новая социальная стратификация и т.д.), так и отечественные наработки, в частности, идеи самого Иноземцева (постэкономическое общество, дихотомия труда и творчества, переход к личной собственности, деструкция стоимости, креативная корпорация и др.). Таким образом, системное описание этих тенденций должно было сформировать «постиндустриальное восприятие» у отечественной молодежи.

Институциональное оформление постэкономического течения в качестве самостоятельной научной школы осуществляется на базе «Центра исследований постиндустриального общества», организованного в 1997 г. Иноземцевым и его единомышленниками (учредителями центра также выступили Институт социологии РАН, журнал «Вестник Российской Академии наук» и Московско-Парижский банк). Центр строит свою работу на контрактной основе и во взаимодействии с другими специализированными организациями (такими, например, как издательства «Европа», «Academia», «Логос», «Экономи-

¹¹⁷ Белл Д. Указ. соч.

¹¹⁸ См. Иноземцев В. Л. Постиндустриальный мир Даниела Белла // Белл Д. Указ. соч.

¹¹⁹ Новая постиндустриальная волна на Западе / под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. 640 с.

¹²⁰ Новая технократическая волна на Западе / сост. и вступ. ст. П.С. Гуревича. М., 1986. 453 с.

¹²¹ «Анализ... подходов приводит к пониманию того, что концепции, рассматривающие формирующийся строй как отрицание второй из трех глобальных стадий общественной эволюции [постиндустриальное общество], являются более комплексными, нежели теории, подчеркивающие одну из сторон становящегося социума [информационное общество, общество знаний, новая экономика]» (Иноземцев В. Л. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая постиндустриальная волна на Западе / под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. С. 64). Этим главный отечественный постиндустриалист в явной форме рекомендовал отечественным ученым в качестве базы исследования тенденций современного общества использовать именно постиндустриальную теорию, а не ее частные «аналоги».

ка; Совет по внешней и оборонной политике, Экономический факультет МГУ, Горбачев-Фонд и др.). За годы существования Центра было опубликовано множество статей и издано несколько книг, при этом значительная доля материалов размещалась на официальном сайте Центра¹²². В 2010 году в рамках работы Центра был подготовлен аналитический доклад «Принуждение к инновациям: стратегия для России»¹²³, в котором известные российские экономисты и специалисты в области инновационных технологий предприняли попытку верификации адекватности существующих управленческих структур задачам модернизации отечественной экономики и предлагали свое видение предстоящей модернизации.

Таким образом, если в рамках этапа генезиса постиндустриального направления в недрах советской науки процесс «ознакомления» с основами постиндустриализма считался «необходимым злом», то на этапе дивергенции он принимает форму блага, жизненно необходимого российской науке в связи с идейным доминированием западного постиндустриализма над марксистской политэкономией. Закономерным результатом советского «ознакомления» стал тезис о необходимости совершенствования марксизма с использованием элементов постиндустриализма, его зеркальным отражением для постсоветского «переознакомления» стал тезис о необходимости перехода российского обществоведения к постиндустриальной парадигме, т.е. совершенствования постиндустриализма с использованием элементов марксизма («оставшихся» после фактического распада советской марксистской парадигмы)¹²⁴. Таким образом, имеет место *единство содержания* этих тенденций: обоснование важности постиндустриальных идей для отечественной науки; однако *различна их форма*, т.е. предполагаемое место постиндустриализма в отечественном обществоведческом дискурсе.

Популяризация постиндустриальных идей и создание отечественной постиндустриальной теории – теории «постэкономического общества», претендовавшей на преодоление марксизма, наметили и тенденцию дальнейшего позитивного развития постэкономического течения. Но вместе с тем, активность сторонников данного течения вызвала и ответную реакцию ученых, несогласных с указанным видением содержания постиндустриальных тенденций. В конце 1990-х появляются публикации, авторы которых скептически оценивают эвристический потенциал постиндустриальной теории. Например, в работе коллектива авторов под руководством А. Колганова «Социум XXI века: рынок, фирма, человек в инфор-

---

¹²² Центр исследований постиндустриального общества [Электронный ресурс]. URL: <http://www.postindustrial.net>.

¹²³ См.: Принуждение к инновациям: стратегия для России. Сборник статей и материалов / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2009. 288 с.

¹²⁴ По мнению Иноземцева, «именно через освоение и развитие теории постиндустриального общества наследники советской школы политической экономии смогут наиболее естественным образом обрести свое место в спектре западных экономических концепций» (см.: Иноземцев В. Л. Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения // Вопросы философии. 1997. № 10. С. 31-32).

мационном обществе»¹²⁵, помимо обобщения западных исследований последних лет по постиндустриальной тематике, высказываются критические аргументы в адрес ключевых положений западной теории. В частности, отмечается двойственное отношение идеологов нового профессионального класса к интеллектуальной собственности, капиталу и труду.

В этой работе обозначается как реальность постиндустриальных их тенденций, так и важность их теоретического анализа: «Россия вошла в мировую экономику, и *понимание реальностей* последней есть и будет для нас насущной необходимостью, сколь бы сильным не было бы наше отставание от передовых государств (курсив мой. – Д. К.)»¹²⁶. В контексте теоретических взглядов авторов данной работы обозначается важность именно марксистского анализа современной социально-экономической трансформации. Анализ проблематики советского этапа указывает на то, что вновь актуализируется именно задача *исследования* социально-экономической *формы* этих тенденций, традиционно важная для политэкономов.

Вместе с тем, критические высказывания в адрес постиндустриально-постэкономического дикурса на данном этапе немногочисленны, что указывает на зачаточное состояние нарождающегося политэкономического течения. Асинхронность формирования постэкономического и политэкономического течений, выделения их из теоретического наследия западного постиндустриализма и советской политэкономии имеет вполне определенные причины. В первую очередь, для концепции «постэкономического общества» характерен своего рода теоретический синкретизм (марксизма и постиндустриализма) в понимании постиндустриальных тенденций – а значит, она формально претендовала на выражение взглядов постсоветских марксистов, таким образом, создавая определенные препятствия в кристаллизации их подлинной позиции. Как показывает практика, такое «сочетание несочетаемого» не способствовало не только формированию «новой» марксистской трактовки постиндустриальных тенденций, но и развитию постиндустриализма, многих сторонников которого тяготили его марксистские корни. Кроме данного логического аспекта, вполне очевидны и исторические причины более позднего оформления политэкономического течения – наличие неявного идеологического запрета на использование марксистской методологии после крушения советской системы. Только к концу 1990-х гг. ситуация в науке несколько стабилизировалась, что создало возможности для выражения постсоветскими марксистами своего подлинного мнения.

Одним из фактов, указывающих на завершение процесса дивергенции и начала конкурентного взаимодействия течений, является обсуждение постиндустриальных идей в

---

¹²⁵ Социум XXI века: рынок, фирма, человек в информационном обществе / под ред. А. И. Колганова. М., 1998. 279 с.

¹²⁶ Там же. С. 269.

рамках различного рода конференций и круглых столов в начале 2000-х гг. На круглых столах в МГУ, посвящённых различным аспектам становления информационного и постиндустриального обществ¹²⁷, а также на конференции в ИМЭМО РАН «Постиндустриальный мир: Центр, Периферия, Россия»¹²⁸ были высказаны весьма *противоречивые* мнения о характере процессов современной трансформации и их влиянии на общественное развитие – это указывает на тенденцию отхода от исключительно «*некритического*» восприятия как постиндустриальной теории, так и «практики». Примечательна и дискуссия в рамках круглого стола журнала «Вопросы философии» «Трансформации в современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общество»¹²⁹, затронувшая преимущественно общетеоретические аспекты становления нового общества. Начавшееся обсуждение отечественного постиндустриализма, прежде всего, способствовало проявлению критических взглядов на его достижения (ведь в начале и середине 1990-е гг. критика теорий, «пришедших» в российскую науку с Запада, была зачастую невозможна по идеологическим причинам).

Четкие свидетельства в пользу наличия конкуренции течений в рамках отечественного постиндустриального направления получает именно вначале 2000-х гг., когда происходит «кристаллизация» критической позиции отечественных ученых-марксистов. Здесь, в первую очередь, стоит обратить внимание оформление идейных основ политэкономического течения, происходившее через критику постиндустриализма с позиции постсоветского марксизма¹³⁰ А. В. Бузгалиным и А. И. Колгановым.

Согласно Бузгалину, *главная тенденция*, благодаря которой будет возможен переход к «царству свободы» – переход к доминированию *творческого содержания* деятельности в отличие от репродуктивного труда. Конечно, любая человеческая деятельность на любой стадии будет включать как репродуктивный, так и творческий компонент, так что речь идет об их соотношении. Превращенными формами творческой деятельности стали «производство» профессионалов и развитие информационных технологий, которые выступают в роли субститутов творческого потенциала человека и мира культуры. Соответственно, «революция знаний» и т.п. становятся подходящими определениями для превращенных социально-

¹²⁷ См., напр.: Что мы знаем об информационном обществе // Вестник Московского государственного университета. Серия 6. Экономика. 2001. № 4. С. 109-119; Проблемы генезиса постиндустриального общества // Вестник Московского государственного университета. Серия 6. Экономика. 2001. № 5. С. 93-119.

¹²⁸ См.: Малышева Д. Научная жизнь. Постиндустриальный мир и проблемы глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 1. С. 90-97.

¹²⁹ См.: Трансформации в современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общество (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2000. № 1. С. 3-32.

¹³⁰ «Постсоветский марксизм в России - это пока что достаточно аморфная школа, его сторонники существенно различаются в трактовке тех или иных конкретных явлений современной действительности. Значительная часть авторов, работающих в марксистской парадигме, по-прежнему тяготеет к постулатам классической ее версии и вряд ли согласится с... критическим отношением к опыту реального социализма» (Бузгалин А., Колганов А. Политическая экономика постсоветского марксизма (тезисы к формированию научной школы) // Вопросы экономики. 2005. № 9. С. 36).

экономических форм, *механизмов утилизации* растущего творческого потенциала человечества, используемого преимущественно для прогресса материального производства¹³¹.

Критика положений постиндустриальной теории для отечественных марксистов имеет форму не отрицания происходящих изменений (постиндустриальных тенденций), а их иной трактовки, полностью отрицающей «благостную картину» грядущего постиндустриального общества. В их понимании в рамках постиндустриального общества воспроизводятся *антагонизмы*, характерные и для индустриального общества¹³².

Следует отметить, что авторы обращаются к основной идее концепции «постэкономического общества» – становлению творческой деятельности как содержанию постиндустриальных тенденций. Однако в отличие от Иноземцева, считавшего новое общество неантагонистическим по своей сути в связи с невозможностью экономической эксплуатации творческого индивида, Бузгалин и Колганов указывают на *двойственный характер* общественной формы постиндустриальных тенденций – реальный, антагонистический (капиталистический) и будущий, неантагонистический («новый социализм»). В этом аспекте можно говорить о наметившемся разрешении «основного вопроса», который был обозначен в процессе кризиса советских исследований постиндустриализма, но так и не получил разрешения.

Логический аспект в развитии политэкономического течения заключается в том, что новая критика претендует на разрешение противоречия в развитии марксизма, в свое время препятствовавших возникновению марксистской концепции «постиндустриальной трансформации». В результате данное течение наследует потенциальный *предмет* исследования этой гипотетической концепции (обозначенный еще в советском периоде) – общественную форму постиндустриальных тенденций. Характерно марксистской является и цель исследования – совлечь превращенные формы с рассматриваемых тенденций, выявить их подлинное содержание. Бузгалин и Колганов, на наш взгляд, верно указывают на превращенную форму реального экономического развития – становление превратного сектора, и в соответствии с этим, на уровне теории явно критикуют превращенную форму (гипотетической) марксистской концепции «постиндустриальной трансформации» – концепцию «постэкономического общества».

Однако помимо логических закономерностей развития постиндустриального направления, в подходе Бузгалина и Колганова находят свое отражение и *исторические* традиции, а именно, отсутствие «нейтральности» восприятия. Следуя «жесткой» критической линии исследования, они, как и советские критики 1960-1980-х гг., умаляют важность самого *содержания* постиндустриальных тенденций – развития трудовой деятельности, ко-

¹³¹ Там же. С. 36.

¹³² См.: Бузгалин А., Колганов А. Политическая экономия постсоветского марксизма (тезисы к формированию научной школы) // Вопросы экономики. 2005. № 9. С. 36-55.

торое и создает основы для преодоления капиталистических антагонизмов. Поэтому постиндустриальное общество воспринимается ими исключительно как «паразитическое», тогда как его прогрессивный характер с точки зрения развития производительных сил не рассматривается. В этом проявляются *крайности восприятия* в постиндустриализме и марксизме – сторонники первого акцентируют внимание на аспекте производительных сил, но не рассматривают общественные отношения, многие сторонники второго, наоборот, «увлекаются» исследованием общественных отношений, но «забывают» о важности производительных сил. Таким образом, в рамках обозначенных подходов присутствует тенденция к описанию и анализу лишь определенного среза действительности, препятствующая формированию целостного восприятия постиндустриальных тенденций.

Институционализация политэкономического течения происходит, прежде всего, в рамках зарегистрированного в 2000 г. общественного движения «Альтернативы», объединяющего сторонников социализма, демократии и интернационализма¹³³. Одноименный общественно-политический и теоретический журнал начал издаваться значительно раньше – с 1991 г. В рамках движения осуществляется организация общественных слушаний, форумов и конференций, издаются публикации по проблемам современного марксизма, социализма, рабочего движения. Наиболее активную роль в развитии данного движения играет один из его основоположников – уже упомянутый выше А. В. Бузгалин. Также широка поддержка идей политэкономического течения и на экономическом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Следует отметить, что в отечественном постиндустриальном направлении прослеживается преемственность проблематики исследований. В рамках этапа генезиса данного направления в советской науке была критически исследована капиталистическая форма постиндустриальных тенденций, но отсутствовали позитивные исследования развития производительных сил и коммунистических (неантагонистических) отношений – единый предмет исследования (условно «постиндустриальный способ производства») был «расщеплен», что стало одной из причин кризиса советского марксизма. На этапе дивергенции постэкономическое течение унаследовало проблематику исследования советского марксизма, но через использование западного постиндустриализма Иноземцев и его единомышленники пришли к теоретическому синтезу некогда разделенных составляющих нового способа производства – исследуется взаимосвязь производительных сил и общественных отношений. Однако поскольку в качестве теоретической основы используется именно западный постиндустриализм, то в концепции «постэкономического общества» постулируется отсутствие объективной составляющей социального-экономического взаимодействия в новом обществе (что будет детально рассмотрено в главах 2 и 3), в результате чего общественные отношения, фактически, «выпадают» из сферы анализа. Наконец, в критических

¹³³ См.: Альтернативы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alternativy.ru>.

работах Бугалина и Колганова, которые апеллируют, прежде всего, к концепции Иноземцева, исследуется этот ранее не охваченный срез общества, но вместе с тем не рассматривается постиндустриальная трактовка развития производительных сил, не выдвигается альтернативного видения по этой части. Таким образом, последовательное *разделение* диалектически единых аспектов является одним из источников кризисов отдельных течений, а также двигателем развития отечественного постиндустриального направления.

Попытки возврата к диалектическому единству категорий производительных сил и общественных отношений прослеживаются в работах В. А. Логачева и его последователей. Современные тенденции, согласно его представлениям, нельзя оценивать однозначно, поскольку они являются *противоречивыми* по сути, содержащими в себе «опечаток» антагонистического характера господствующей формы общественных отношений. Применительно к содержанию ключевой постиндустриальной тенденции – изменению содержания трудовой деятельности, такого рода антагонизмы проявляются в противоречии и таких общественных форм труда как свободный и отчужденный труд.

Таким образом, во взглядах сторонников политэкономического течения происходит постепенный отход от разделения на «свой–чужой», выразившийся в полном непринятии постиндустриальных идей советской наукой – здесь признается реальность изменений современных обществ (т.е. постиндустриальных тенденций), но отмечается их противоречивый характер. Это вполне закономерное явление, поскольку нам представляется бесспорным тот факт, что диалектика развития различных течений отечественного постиндустриального направления завязана на разрешении общего для направления вопроса: в чем *сущность* постиндустриальных тенденций? Но вместе с тем, на фоне сглаживания этого центрального теоретического противоречия возникает и другое противоречие.

Имеющиеся политэкономические трактовки не дают описания изменений общественных отношений в процессе становления новой формы труда, а лишь обозначают «крайние точки» континуума «капитализм–постиндустриальное общество», не предлагают моделей построения неантагонистического общества. Чем более глубокое, диалектичное понимание постиндустриальных тенденций демонстрируют его сторонники, тем дальше они уходят от анализа специфики отечественных социально-экономических реалий. Главной чертой политэкономического течения становится сугубо *теоретический* характер исследований. Поэтому в процессе разрешения теоретических противоречий (по линии развития марксистских исследований) возникает разрыв теории и «практики». Это указывает на незавершенность развития исследований в рамках политэкономического течения, поскольку специфическое понимание тенденций должно быть дополнено нормативной моделью, обосновывающей формы перехода от антагонистических (капиталистических) общественных отношений к неантагонистическим (постиндустриальным, постэкономическим, коммунистическим). Ведь «нет ничего практичнее, чем хорошая теория».

Следует отметить, что в процессе конкуренции представлений о сущности постиндустриальной трансформации, существующих в двух течениях постиндустриального направления, происходит не только кристаллизация теоретической позиции сторонников политэкономического течения, но и мутация постэкономического течения, связанная с изменением восприятия постиндустриализации как таковой. Более детально рассмотрим особенности последнего аспекта развития отечественного постиндустриального направления

Так, на рубеже 2000-х гг. Е. Майминас оценивал «перспективы» постиндустриальной теории в мажорных тонах, настаивая на отказе от марксистского монизма в пользу методологического плюрализма при анализе общественного развития¹³⁴. Однако вместе с обоснованием несостоятельности марксистской теории для концептуального осмысления современных процессов («... вряд ли правомерно продолжать настаивать на «примате материального производства» в эпоху перехода к информационному обществу»¹³⁵), он указывал и на необходимость замены *mainstream economics*, в то время безраздельно господствовавшего в отечественной экономической науке, более актуальной теорией («... *mainstream* современной западной экономической мысли также обходит методологическую проблему «исходных основ» экономического анализа»¹³⁶).

Но вопреки подобному прогнозу, а также несмотря на наличие всех условий для дальнейшего совершенствования постиндустриальных идей в рамках постэкономического течения, в начале 2000-х гг. не появляются новые теоретические разработки постэкономической тематики. Вместо этого, к постиндустриализму обращаются именно отечественные сторонники экономического мейнстрима. Постиндустриальная парадигма была понята многими из них как своего рода новый «конец истории» в форме перехода к постиндустриальному обществу, единому для всех: если будущее человечества за сферой услуг, то сфера материального производства теряет значение. Следовательно, для выдвижения в мировой экономической авангард требуется развитие не материального производства, которое со дня на день окончательно исчезнет, а сферы услуг – таким образом, внимание ученых акцентируется на наиболее практически применимой постиндустриальной идее. Казалось, такое толкование общественного развития отражает и всем известную логику К. Маркса, согласно которой «страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего»¹³⁷. Само собой, следование подобной логике требовало скорейшего построения «постиндустриального/информационного/основанного на знаниях общества» в России. Обозначенный способ толкования постиндустриальных идей стал основой их превращения в универсальный рецепт экономического успеха.

---

¹³⁴ См.: Майминас Е. Информационное общество и парадигма экономической теории // Вопросы экономики. 1997. № 1. С. 92.

¹³⁵ Там же. С. 93.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 9.

Например, Л. С. Демидова отмечает, что в условиях перехода к постиндустриальной экономике «важнейшее значение имеют глубокие научно-технические, качественные изменения в самих отраслях услуг, которые повышают их вклад в развитие постиндустриального общества и создают необходимые предпосылки для дальнейшего прогресса»¹³⁸. По ее мнению, форсированный переход России к постиндустриальному обществу возможен при создании соответствующих условий для ускоренного развития сферы услуг, при наличии которых изменения произойдут автоматически, вследствие функционирования рыночных механизмов.

По мнению отечественного экономиста В. Мау, «на рубеже XX-XXI вв. Россия столкнулась с вызовами, схожими с теми, которые стояли перед ней на рубеже XIX-XX вв. Впрочем, в отличие от ситуации столетней давности в настоящее время поднимается вопрос не о догоняющей индустриализации, а о догоняющей *постиндустриализации*. Именно в этом ключевая долгосрочная проблема развития российского общества»¹³⁹. Таким образом, с его точки зрения, претензии постиндустриальной теории на парадигмальный статус вполне оправданы, причем не столько из-за, собственно, теоретической ценности, сколько из-за практической – сам термин «догоняющая постиндустриализация» указывает на это. Автор сразу же отмечает, что примеры догоняющего развития в постиндустриальном мире отсутствуют. Тем не менее, по его мнению, требуется идти к постиндустриальной экономике на основе неолиберальных методов экономической политики, поскольку «...либеральные подходы в большей мере отвечают вызовам постиндустриальной эпохи»¹⁴⁰.

В рамках теоретической позиции, сторонниками которой являются Демидова и Мау, не происходит развитие постиндустриальных идей, особенно «постэкономической» их части, усердно разрабатываемой Иноземцевым и его сторонниками¹⁴¹. Постиндустриальная теория, фактически, перестала рассматриваться здесь как *целостная* концепция социально-экономического развития, а наибольшее признание получили трактовки понятия «постиндустриальное общество» как «современное западное общество» и «постиндустриальная экономика» как «экономика услуг». Поэтому отвергается не только марксистская составляющая постиндустриальной теории, но и ее собственное содержание, происходит переход от теоретического к чисто лингвистическому заимствованию. Другими словами, имеет место лишь *формальное завершение* цикла развития западных постиндустриальных идей –

¹³⁸ Демидова Л. Сфера услуг в постиндустриальной экономике // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 2. С. 24.

¹³⁹ Мау В. Посткоммунистическая Россия в постиндустриальном мире: проблемы догоняющего развития // Вопросы экономики. 2002. № 7. С. 5.

¹⁴⁰ Там же. С. 21.

¹⁴¹ Как отмечает И. Рудакова, «...базовые принципы и методы исследования теорий основного течения устанавливают отправные точки для движения теоретической мысли, остаются источником появления новых и совершенствования старых научных версий в направлении, подсказанном не в последнюю очередь критикой» (Рудакова И. Основное течение экономической теории: потенциал и научная критика // Вопросы экономики. 2005. № 9. С. 35).

полный отказ от его марксистских корней, тогда как, в сущности, происходит *«отторжение»* постиндустриальных идей сторонниками основного течения, признание их незначительности по сравнению с «проверенными» экономическими моделями. Парадоксален тот факт, что, несмотря на отказ от постиндустриальных идей на теоретическом уровне, в рамках рассмотренного подхода была признана их применимость в экономической политике.

Таким образом, налицо признаки кризиса постэкономического течения, и более того, его «вырождения» как научного направления. На это, в первую очередь указывает значительное сокращение эвристических, объяснительных и предсказательных возможностей теории в связи с популяризацией трактовки постиндустриальной экономики исключительно как «экономики услуг» сторонниками экономического мейнстрима. Во-вторых, после публикации основных трудов Иноземцева в конце 1990-х – начале 2000-х постэкономическая концепция не получила позитивного развития, что указывает на ее фактические отторжение отечественной экономической наукой. В-третьих, имеет место и фактический распад научной школы «постэкономического общества» несмотря на сохранение ее организационной структуры (в частности, Центра исследований постиндустриального общества). Об этом свидетельствует красноречивый факт: ее основатель – В. Иноземцев, – публично отказался от дальнейшей актуализации постиндустриальной теории, утверждая, что «... сегодня парадигма постиндустриализма вообще не для нашей страны»¹⁴².

Результаты анализа развития отечественного постиндустриального направления на третьем этапе позволяют сделать вывод, что **итогом развития становится очередной кризис**. В нем соединяются *теоретический* кризис постэкономического течения (неприемлемость его синкретического содержания как для сторонников основного течения, так и для политэкономов) и кризис *практического* аспекта политэкономического течения (невозможность его разработки в текущих социально-экономических реалиях).

Первый из «срезов» кризиса указывает на необходимость теоретического развития постиндустриализма и марксизма через отказ от синкретического восприятия, второй – на важность понимания тенденций не только глобального, но и локального экономического развития. В результате оформляется *центральное противоречие* этого этапа: экономисты основного течения, формально являясь сторонниками постиндустриализма, но не развивают его теоретический аспект как из-за концептуальной неприемлемости широкой социально-экономической проблематики в исследованиях (особенно ее околomarксистской части), так и из-за преимущественно практической направленности собственных исследований; сторонники марксистской теории, наоборот, совершенствуют теоретический аспект, но из-за подобной «специализации» не могут предложить практических рекомендаций для перехода к новому обществу.

---

¹⁴² Иноземцев В. Будущее России – в новой индустриализации // Экономист. 2010. № 11. С. 3-4.

Кризис постэкономического течения не получает (и, по сути, не может найти) разрешения – как было отмечено выше, с момента выхода работ Иноземцева и его единомышленников не было предложено новых теоретических подходов, развивающих постиндустриальные идеи в позитивном ключе, а экономисты основного течения переняли лишь одну из немногих постиндустриальных идей, при этом уйдя от общетеоретического анализа в практическую плоскость. Поэтому приращение знаний о постиндустриальной трансформации происходит, в настоящее время, прежде всего, в рамках политэкономического течения. Поэтому можно вполне обоснованно утверждать, что постэкономическое течение стало частью истории отечественного постиндустриального направления, фактически прекратив существование к настоящему времени – симметрично этому теряет свою значимость и восприятие постиндустриальных тенденций в рамках западной научной традиции. Постиндустриализм в работах либеральных экономистов уже не является постиндустриализмом по своей сути, т.к. утрачивается его теоретическое содержание; постиндустриализм в представлениях постсоветских марксистов также лишается теоретической целостности, поскольку «некритически» воспринимается лишь само направление постиндустриальных тенденций, но не способ их концептуального осмысления.

Определенная популяризация идей политэкономического течения в отечественной науке обостряет и потребность в разрешении второй составляющей кризиса через разработку «практической» составляющей политэкономического подхода. Одним из первых ответов на подобный научный запрос является концепция неоиндустриализации (или «неоиндустриальная парадигма») С. С. Губанова и группы ученых, организационно объединяющихся на базе журнала «Экономист».

Отечественный ученый обосновывает становление технотронных производительных сил, которые отрицают старый индустриальный базис не с позиций деиндустриализации (что, как правило, ассоциируется с постиндустриализацией), а с позиций неоиндустриализации. На основе количественной оценки технотронных производительных сил США Губанов в общем виде подтверждает общий постулат нарождающейся «неоиндустриальной парадигмы» – современное общество идет не по пути де(пост)индустриализации, его индустриальный характер сохраняется, хотя и претерпевает изменения под влиянием научно-технической революции.

Тезисы, обозначенные Губановым в 2002 г. подтвержденные многими учеными¹⁴³, получили развитие в 2008 г. в статье «Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция

---

¹⁴³ Например, С. Любимцева и Ю. Чуприк опровергают весьма популярную идею о самоподдерживающемся росте «постиндустриальной экономики», объясняя подобную иллюзию «перекосяком» мировых цен, отрывом их от реальной основы, в частности к завышению на продукты креативного производства и занижению на природные ресурсы, что позволяет перераспределять значительную по размерам неучтенную стоимость. Вместе с тем, на основании статистических исследований опровергается и независимость развитых стран от природных ресурсов. По их оценкам, потребление природных ресурсов развитыми странами растет ускоренными темпами (Любимцева

(о формуле развития России)»¹⁴⁴, ставшей альтернативной постиндустриальному видению современной общественной трансформации.

Еще раз следует отметить, что подход к критике постиндустриальной теории с позиций статистического развенчания реальности «сервисной экономики» не нов для отечественной общественной науки¹⁴⁵. Однако постиндустриальные тенденции не отрицаются автором как таковые. Скорее имеет место их верификация и последующая реинтерпретация. Так, отмечается, что «реальный прогресс несомненен, но он состоит в другом – в изменении пропорции между занятыми собственно трудом и занятыми обеспечением *функций целесообразности труда...*»¹⁴⁶. Это уточнение понятий в типично марксистском стиле (и – *уточнение* как процедура, и – сама терминология). На основании обозначенных аргументов в пользу несостоятельности «постиндустриального видения» изменения производительных сил Губанов развивает ранее высказанную им мысль о «неоиндустриализации» как о характеристике современных изменений.

Уже наиболее общий анализ содержания «неоиндустриальной парадигмы» указывает как на ее политэкономический характер, так и на наличие практической ориентации. Губанов, фактически, возвращается к рассмотрению производительных сил и отходит от проблематики общественных отношений, которой занимаются многие постсоветские марксисты. Можно утверждать, что Губанов решает одну из задач, которая была сформулирована отечественными учеными при завершении этапа советской критики (анализ производительных сил условно «постиндустриального способа производства»), но так и не была решена в процессе выделения двух течений отечественного постиндустриального направления. В «неоиндустриальной парадигме» отражается как этот «старый» теоретический запрос, так и «новая» потребность (т.е. по сути всё та же, но актуализированная в новых

С., Чуприк Ю. Концепция неоиндустриализма и экономическое развитие России // Экономист. 2005. № 4. С. 21-32).

¹⁴⁴ Губанов С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. 2008. № 9. С. 3-27.

¹⁴⁵ В этом отношении С. Губанов демонстрирует своеобразную идейную преемственность, например, по отношению к работам советского ученого Е. Громова, оспаривавшего адекватность американской статистики по отношению к определению услуг (см.: Громов Е. Сфера услуг и «новое общество» американских социологов // Мировая экономика и международные отношения. 1969. № 7. С. 121-127.). Сходную методологию использует и С. Губанов, отмечая, что «в секторах добывающей и обрабатывающей индустрии, строительстве и прочих [секторах экономики США] числятся исключительно рабочие, тогда как весь административно-управленческий персонал и инженерно-технические работники разнесены по различным отраслям услуг вроде «профессиональных» и т.п. По такой методе, получается, промышленные предприятия и корпорации США обходятся без управленцев, без инженеров, специалистов... С помощью принятого способа группировки сектор услуг превращается в доминирующий искусственно, чисто статистическими приемами... Цель его сугубо идеологическая и кроется в том, чтобы вычеркнуть из статистики рабочий класс. Но если исключить приемы манипуляции, то, как показывает расчет по... официальным данным за 2006 г., в секторах материального производства США насчитывалось 81374 тыс. человек... или 60,3%...» (Губанов С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. 2008. № 9. С. 14).

¹⁴⁶ Губанов С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. 2008. № 9. С. 14.

условиях). Это задача дополнения сугубо теоретических марксистских исследований постсоветского периода практическими разработками.

Вместе с тем, теоретические особенности «неоиндустриальной парадигмы» указывают на тот факт, что в ее рамках пока только намечаются пути решения проблемы политэкономического течения. При этом дальнейшее направление развития этого течения пока не определено. С одной стороны, появление «неоиндустриальной парадигмы» закрепляет фактический отказ ряда отечественных ученых от постиндустриальной теории, и может свидетельствовать о возможности дальнейшего развития политэкономического течения – исследования процесса формирования нового общественного способа производства, основанного на развитии новых производительных сил. С другой стороны, авторы «неоиндустриальной парадигмы» не разделяют критической позиции многих постсоветских марксистов в отношении перспектив капиталистического развития – эта особенность может, фактически, привести к формированию нового течения отечественного постиндустриального направления через разделение политэкономического течения.

По результатам содержательного анализа отечественного постиндустриального направления, формирование и развитие которого происходило на протяжении свыше сорока лет, можно выделить ряд логических закономерностей. Во-первых, советская критика представляет собой ответную реакцию сторонников марксистской теории на попытку «переосмысления» формационной модели общественного развития теоретиками постиндустриализма. Результатом критического анализа теории «постиндустриального общества» в советской науке стало понимание ее «сильных» (то, что заимствовано из марксизма) и «слабых» (то, что отброшено в марксизме) сторон. При этом, с одной стороны, имело место формирование представления об объективном существовании постиндустриальных тенденций, но их позитивный анализ не получил развития. С другой стороны, вместе с отрицанием теоретической правильности постиндустриальных идей в советском периоде, происходила их рецепция, неявная инкорпорация в дискурс отечественного обществоведения как «постмарксистских» по форме и «антимарксистских» по содержанию. Затем, в пореформенной России, наблюдается закономерное развитие обозначенных тенденций: с одной стороны, на фоне идеологического развенчания марксизма имеет место обращение ученых к постиндустриальным тенденциям и их (около-)постиндустриальному анализу как к «легальной» части марксистского научного дискурса – так формируется политэкономическое течение; с другой – в качестве ответа на советскую критику постиндустриальные идеи получают запоздалую «модификацию» (например, в работах Иноземцева), происходит обоснование их теоретического превосходства над политэкономической теорией и методологией – в этом логика становления постэкономического течения. Наконец, на современном этапе вновь происходит столкновение политэкономического видения постиндустриальных

тенденций с «модифицированной» постиндустриальной традицией, по-прежнему претендующей на его «преодоление».

Таким образом, в рамках диалектической логики развитие постиндустриального направления в отечественной науке может быть описано двумя триадами (см. рис. 5)

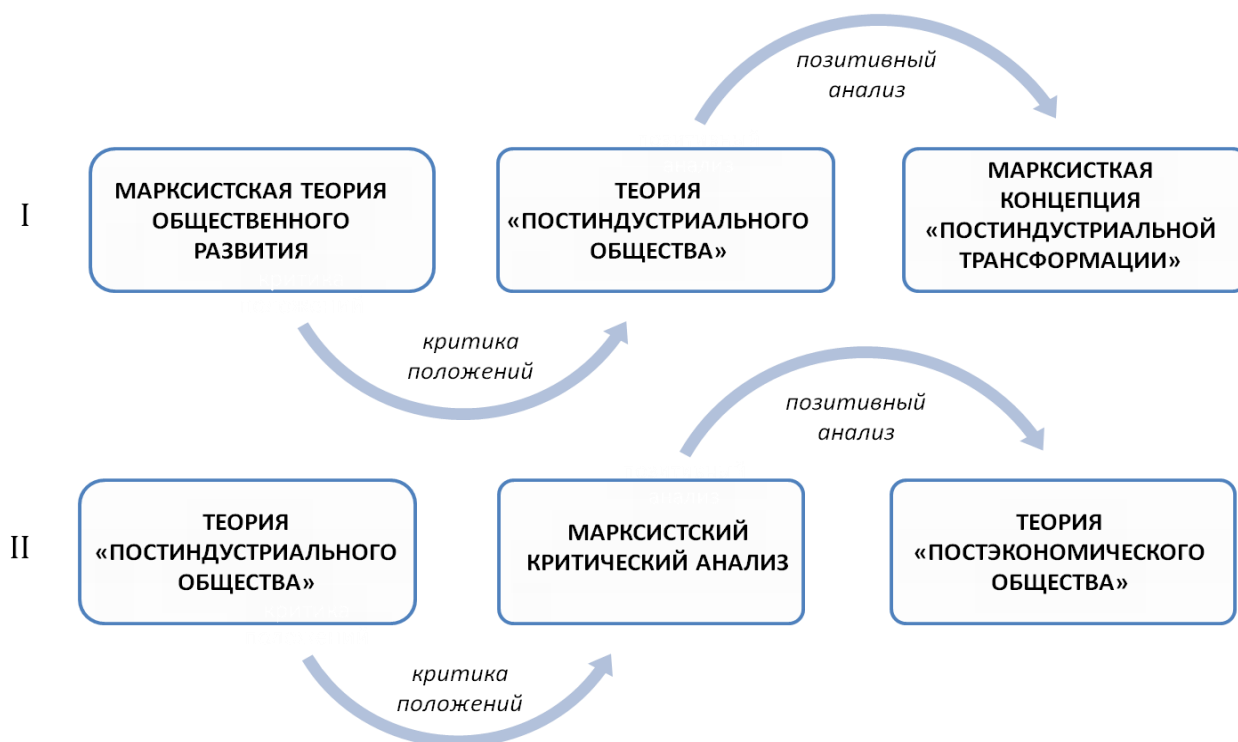

Рис. 5. Логика развития отечественного постиндустриального направления в рамках двух основных течений – политэкономического (I) и постэкономического (II)

Первая триада описывает логику исследования постиндустриальных тенденций на основании политэкономической методологии. Западная постиндустриальная теория, описав указанные тенденции на научном языке, фактически, включила их в систему марксистских категорий (особая форма рецепции), создав основания для их дальнейшего политэкономического анализа через критику постиндустриалистской формы их теоретической интерпретации.

Вторая триада характеризует логический аспект в формировании и развитии постэкономического течения. Марксистская политическая экономия здесь играет роль, схожую с ролью постиндустриальной теории в первой триаде: она создает основы для совершенствования постиндустриальных идей, однако предлагая не новые эмпирические факты, а новые формы их теоретического осмысления. Соответственно, имеет место обогащение постиндустриализма через исследование постиндустриальных тенденций в рамках всё той же научной традиции, но на основании использования элементов более стройного методо-

логического аппарата политэкономии. В результате этого постиндустриальная теория теряет характер «заемной», инкорпорируется в отечественную общественную науку.

Наличие двух рассмотренных «линий развития» исследований указывает на неразрывную связь исторического и логического аспектов отечественного постиндустриального направления. Переход от критического восприятия постиндустриальных идей к некритическому в процессе распада Союза, как и появление «отечественной» «модифицированной» версии постиндустриализма обусловлен, прежде всего, сменой идеологических парадигм, т.е. *историческими* причинами. Логический аспект проявляется в постоянном обращении отечественных ученых (прежде всего, критического) к постиндустриальной тематике, в результате чего продолжается ее экспоненциальный рост, и его причинах – необходимости теоретического осмысления постиндустриальных тенденций на основании системных представлений об общественном развитии.

Таким образом, проведенный в первой главе анализ становления и развития постиндустриального направления в отечественной науке показал следующее:

1) Экспоненциальный характер роста накопленного количества публикаций по постиндустриальной тематике за период 1967-2010 гг. является эмпирическим обоснованием существования постиндустриального направления отечественной экономической мысли как самостоятельного объекта историко-экономического исследования. Отклонение эмпирических данных от линии экспоненциального тренда свидетельствует о наличии определенных, исторически обусловленных стадий в развитии отечественного постиндустриального направления.

2) Ключевая роль западной теории «постиндустриального общества» в формировании отечественного постиндустриального направления связана с реализацией синтетической функции – объединения отдельных эмпирических фактов в первое целостное описание современных тенденций социально-экономического развития, которые, соответственно, могут быть названы постиндустриальными тенденциями. В свою очередь, постиндустриальные тенденции являются общим предметом для исследований в рамках рассматриваемого научного направления.

3) В теории «постиндустриального общества» предложена конкретная концептуальная схема общественного развития, а также введены в научный оборот специфические понятия («общество услуг», «интеллектуальная технология», «класс профессионалов» и т.д.), характеризующие особенности постиндустриального общественного состояния, что составило основы соответствующей научной традиции восприятия постиндустриальных тенденций. Следование отечественных ученых данной традиции в анализе мировых и российских тенденций экономического развития, реализующееся через рецепцию постиндустриальных идей

в отечественную науку, формирует одно из основных течений отечественного постиндустриального направления, которое названо «постэкономическим».

4) Генетически элементы общности между западным постиндустриализмом и отечественной общественной наукой концентрируются в ряде марксистских положений. Марксистская политическая экономия – обладает аналитическим аппаратом (формационная теория, модель общественного производства, идеи об абстрактном и конкретном труде, отчуждении, превращенных формах и т.д.) к которому обращается ряд отечественных ученых при исследовании постиндустриальных тенденций. На этой методологической базе формируется второе основное течение отечественного постиндустриального направления – политэкономическое течение.

5) В рамках отечественного постиндустриального направления и двух его основных течений формируются различные, во многом противоположные представления о сущности постиндустриальных тенденций, в то или иное время господствующие в отечественной экономической науке.

6) Развитие отечественного постиндустриального направления осуществляется в рамках трех исторических этапов: этап генезиса (1967 г. – 1980-е гг.), этап дивергенции (1990-е гг.), этап конкуренции (2000-е гг.)

7) На этапе генезиса формируется единое проблемное поле отечественного постиндустриального научного направления – постиндустриальные тенденции, а также зарождаются теоретико-методологические основы их исследования в рамках двух течений, однако сами течения отсутствуют как таковые. Исследования постиндустриальных тенденций осуществляются через критику постиндустриализма на основании использования политэкономической методологии, проходя три фазы: (1) сопоставление общетеоретических схем общественного развития в постиндустриализме и марксизме (1960-е гг.); (2) сопоставление методологических принципов постиндустриализма и марксизма (1970-е – первая половина 1980-х гг.); (3) исследование постиндустриальных тенденций на основе аутентичной марксистской методологии, уточнение выводов и прогнозов о будущем человечества. Советские исследования были прерваны на второй фазе, подготовив понятийную базу для логического перехода к третьей.

8) Рассмотрено два подхода к анализу постиндустриальных идей на этапе генезиса: релятивистский (Араб-Оглы, Красин, Чаплыгин и др.) и абсолютистско-релятивистский (Деменчонок, Иконникова и др.). В рамках первого подхода имело место признание фактологической реальности постиндустриальных тенденций, но они не подвергались осмыслению на теоретическом уровне; в рамках второго подхода проведен критический анализ методологии постиндустриализма, но отсутствовал позитивный анализ объективных постиндустриальных тенденций.

9) Установлено, что логическая необходимость и неспособность осуществить переход на третью фазу (позитивное исследование постиндустриальных тенденций) воплотилась в конкретной исторической форме кризиса советского догматического марксизма. Социальные основания этого кризиса заключаются в отсутствии четко выраженных постиндустриальных тенденций в советской экономике, научный аспект кризиса – в отсутствии анализа социалистической формы постиндустриальных тенденций. Формой разрешения кризиса стало «пустое отрицание» – отказ от достижений советских ученых как догматических, что является содержанием перехода от этапа генезиса к этапу дивергенции (конец 1980-х – начало 1990-х гг.).

10) Политэкономическое течение возникает на этапе дивергенции как фрагмент «легальной части» марксистского дискурса, сторонники которого оппонировали западной традиции анализа постиндустриальных тенденций, однако его институционального оформления на данном этапе не происходит.

11) На этапе дивергенции постэкономическое течение вычленяется из «первичного хаоса» марксистских и постиндустриальных идей, происходит кристаллизация теоретических основ восприятия постиндустриальных тенденций в теории «постэкономического общества» (Иноземцев и др.), а затем и институциональное оформление данного течения – создается Центр исследований постиндустриального общества (г. Москва). Постэкономическое течение «наследует» элементы марксизма (прежде всего, его теоретическую форму). Развитие течения осуществляется в рамках процесса «переозакомления» широкой научной общественности с основами постиндустриальной теории (это дублирование процесса «ознакомления» в СССР, но в иных социально-экономических условиях). К концу 1990-х гг. данное течение становится господствующим в рамках отечественного постиндустриального направления.

12) На этапе конкуренции политэкономическое течение развивается на основании критики основных положений как западной постиндустриальной теории, так и отечественной теории «постэкономического общества» и институционализируется в рамках научной школы постсоветского марксизма и движения «Альтернативы». Сторонники данного течения (Бузгалин, Колганов и др.) рассматривают объективное экономическое содержание постиндустриальных тенденций (становление творческой формы труда) и их социально-определенную форму (капиталистический постиндустриализм).

13) На этапе конкуренции в рамках постэкономического течения происходит гипертрофированное развитие прогностико-практических исследований (Демидова, Мау и др.), для которых характерен полный отказ марксистских корней постиндустриализма. В результате этого постэкономическое течение вырождается: (1) наблюдается значительное сокращение эвристических, объяснительных и предсказательных возможностей теории в связи с популяризацией трактовки постиндустриальной экономики исключительно как

«экономики услуг» сторонниками экономического мейнстрима; (2) постэкономическая концепция не получает позитивного развития, что указывает на ее фактическое отторжение отечественной экономической наукой; (3) не наблюдается приращения числа последователей, происходит фактический распад научной школы «постэкономического общества» несмотря на сохранение ее организационной структуры.

14) Этап конкуренции завершается кризисом отечественного постиндустриального направления: одновременно наблюдаются теоретический кризис постэкономического течения (отрицание его синкретического содержания как для сторонников mainstream economics, так и для политэкономов) и кризис практического аспекта политэкономического течения (невозможность его разработки в текущих социально-экономических реалиях).

15) Кризис постэкономического течения не получает разрешения, в связи с чем данное течение фактически прекращает существовать к настоящему времени; по времени это совпадает с утратой западной научной традицией восприятия постиндустриальных тенденций непреложного характера в отечественной научной среде. Пути разрешения кризиса политэкономического течения намечаются в рамках «неоиндустриальной парадигмы». При этом тенденция развития данного течения пока не определена. С одной стороны, присутствует возможность дальнейшего развития политэкономического течения через исследование процесса формирования нового общественного способа производства, основанного на развитии новых производительных сил. С другой стороны, возможно разделение политэкономического течения на теоретико-политэкономическое и неоиндустриальное (технико-организационное) и их последующую конкуренцию.

ГЛАВА II ДИХОТОМИЯ ТЕХНИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ КАК ОСНОВА ВОСПРИЯТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В КОНЦЕПЦИИ «ПОСТЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА»¹⁴⁷

2.1 Специфика трактовки рациональности в концепции «постэкономического общества»

Несмотря на утрату былой популярности постэкономическим течением на современном этапе развития отечественного постиндустриального направления, научная традиция восприятия постиндустриальных тенденций, заложенная в западной науке и развиваемая в рамках данного течения, остается значимой для многих отечественных исследователей. Причина этого в гибкости аналитического инструментария данной традиции, что подтверждается, в частности, принципиальной возможностью использования ее отдельных концептов для описания и анализа постиндустриальных тенденций (например, «экономика услуг»). Кризис постэкономического течения как формы системной рецепции западного постиндустриализма, а также наметившаяся в отечественной науке тенденция к рецепции лишь некоторых постиндустриальных идей и положений (особенно характерной для ученых, близких основному течению экономической мысли), сопровождающаяся деконструкцией ее как целостной научной *теории*, создает опасность для недопустимой в объективном научном познании «догматизации» ряда рецептированных положений. Этим подтверждается необходимость последовательного теоретико-методологического анализа оснований западного постиндустриализма, а также специфики первичной рецепции постиндустриальных идей в отечественную экономическую науку, приведшей к возникновению концепции «постэкономического общества».

Постиндустриальная теория сочетает в себе целый ряд авторитетных научных идей (марксистских, неоклассических, институционалистских и т.д.), а значит, при рецепции ее ключевых положений в отечественную науку происходит и закономерная актуализация данных идей. Одной из ключевых идей, развиваемых данной теорией, является идея научного управления обществом («интеллектуальная технология» по Д. Беллу). По этой причине, в рамках настоящей главы в качестве основы теоретико-методологического анализа западного постиндустриализма и его рецепции в рамках постэкономического течения мы обратимся к наиболее фундаментальному пласту рассматриваемой научной традиции – специфике представлений о принципах рационально-

¹⁴⁷ В главе использован материал следующих публикаций диссертанта:

1) Кочергин Д. Г. О влиянии технократического мышления на становление постиндустриальной теории // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2011. № 3. С. 107-110;
2) Кочергин Д. Г. Трансформация категории стоимости в концепции «экономики знаний» // Становление экономики знаний: от теории к практике региона / под общ. ред. Н. В. Осокиной, Е. Е. Жернова. Кемерово, 2012. С. 111-137.

го поведения индивида, которые, как будет показано, лежат в основе анализа постиндустриальных тенденций.

Вполне очевидно, что идея рационального управления обществом приобретает особое значение при разработке концептуальных оснований и конкретных схем социально-экономического развития страны, что подтверждается содержанием современных научных дискуссий о месте России в постиндустриальном мире. Поскольку принцип рационализма (в двух его аспектах: «экономическом» и «техническом») связывает не только западный и отечественный постиндустриализм, но и постиндустриальную теорию с *mainstream economics*, без его детального исследования вряд ли возможно создать адекватную основу для научного анализа существующих концепций социально-экономического развития России, разрабатывающихся преимущественно на основе экономического мейнстрима.

Рациональность как фундаментальное понятие философской мысли не получила детальной разработки на первом этапе существования самостоятельной экономической науки, после «отделения» политической экономии от моральной философии. Но именно специфика модели «экономического человека» создала проблемное поле экономической науки как таковой, в дальнейшем поставив вопрос о *характере поведения* индивидов в хозяйственной деятельности и *степени* его рациональности.

Базовой особенностью «экономического человека», обозначенной в трудах классиков английской политической экономии, была *специфическая мотивация* его деятельности. Основные положения этого подхода были сформулированы А. Смитом, согласно которому, существуют *свойства* человека, налагающие свой отпечаток на все виды его хозяйственной деятельности¹⁴⁸. Речь идет в первую очередь о «склонности к обмену одного предмета на другой», а также о собственном интересе, «одинаковом у всех людей постоянном и неисчезающем стремлении улучшить свое положение»¹⁴⁹. Обозначенные свойства человека организуют осуществляемую им экономическую деятельность. Не менее важной особенностью экономической природы человека по А. Смигу является и то, что *каждый* человек более всего *компетентен* в том, что затрагивает его собственные интересы. Это позволяет каждому конкретному человеку находить «*оптимальный*» вариант, когда речь идет о решении хозяйственных задач в рамках его собственного интереса.

Д. Рикардо также придерживался представлений о мотиве собственного интереса как о важнейшей составляющей экономического поведения индивидов. Однако в отличие от Смита, Рикардо утверждал, что мотив собственного интереса является доминирующим лишь для *капиталистов*, хотя и он *модифицируется* различными *привычками* и *предрассудками*. Деятельность рабочих в значительной мере подчинена привычкам и инстинк-

¹⁴⁸ См.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1969. С. 27-29.

¹⁴⁹ Там же. С. 253.

там¹⁵⁰, а землевладельцы представляют собой праздных получателей ренты, невластных над своим экономическим положением. Как отмечает В. С. Автономов, Рикардо понимал мотив собственного интереса как образец рационального экономического поведения¹⁵¹.

Таким образом, в рамках английской классической политической экономии было предложено решение вопросов о характере экономического поведения индивидов, мотивах принятия решений и их иерархии, а также было неявно обозначено тождество экономического и рационального. Однако вопрос о природе мотива собственного интереса и степени его рациональности так и остался неразрешенным. Классики ограничились лишь описанием этого мотива и постулированием его имманентности природе человека. Идея рациональности, лишь вскользь затронутая классиками, получила детальную разработку в рамках маржинализма (Л. Вальрас, У. Джевонс, К. Менгер и др.). Вместе с тем, значительное влияние на формирование маржиналистских представлений об экономическом человеке как о рациональном максимизаторе оказали работы И. Бентама и Г. Госсена.

У Бентама, основоположника английского утилитаризма, маржиналисты переняли представления о *гедонистической природе человека*. «Природа поставила человечество под управление двух верховных властителей, страдания и удовольствия, – писал И. Бентам. Им одним предоставлено определять, что мы можем делать, и указывать, что мы должны делать...»¹⁵². По Бентаму удовольствия и страдания могут быть измерены количественно и сопоставлены друг с другом. «Кто не станет подсчитывать, когда речь идет о таких важных материях, как страдания и наслаждения? Люди считают, одни менее, другие более точно, но считают все»¹⁵³. Таким образом, Бентам указывает на *счетный рационализм* человека – наличие у него определенных интеллектуальных способностей для арифметического подсчета удовольствий и страданий, и, соответственно, максимизации суммы первых и минимизации суммы последних.

Модель человека, максимизирующего полезность, предложенная Бентамом, получила развитие в трудах немецкого экономиста Г. Госсена. Им были сформулированы принципы, которым подчиняются человеческие наслаждения. Это закон убывания наслаждения по мере его продолжения или повторения; вытекающее из него наличие оптимального уровня наслаждения; равенство «последних атомов» каждого из наслаждений в том случае, если время, которое человек может им посвятить, ограничено. На наш взгляд, именно с концепцией Госсена следует связывать *возникновение* понятия *экономической рациональности*, поскольку в ней наиболее явно, четко и последовательно были обозначены те положения, которые в дальнейшем (пусть и в несколько видоизмененной форме) приобрели статус парадигмальных в основном течении экономической мысли.

¹⁵⁰ Рикардо Д. Соч. Т. 1. М., 1955. С. 86.

¹⁵¹ Автономов В. С. Модель человека в экономической науке. СПб. : Экономическая школа, 1998. С. 68.

¹⁵² Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М., 1998. С. 14.

¹⁵³ Там же. С. 16.

Маржиналисты разделяли представления Бентама и Госсена о поведении экономического человека, ставящего целью своей деятельности исключительно максимальное удовлетворение собственных потребностей. Использование гедонистических принципов в анализе экономического поведения позволило маржиналистам, в частности Дживонсу и Вальрасу, применить к экономической теории математический аппарат. Новые экономические модели представляли собой оптимизационные задачи, предполагающие возможность достижения равновесного состояния.

Необходимость математического расчета оптимального поведения значительно увеличила *требования* к информационной осведомленности и *счетным способностям* индивида. Маржиналистская рациональность является *полной и неограниченной*. Рациональность поведения свойственна всем индивидам, участвующим в экономической деятельности, что указывает на ее *всеобщий характер*, не учитывающий классовую или любую другую принадлежность индивидов. Кроме того, маржиналистская рациональность имеет свойство *нормативности*, поскольку для достижения экономической системой общего равновесия необходимо оптимизационное поведение каждого из ее участников.

Разумеется, излишне абстрактная и нереалистичная трактовка рациональности в рамках основного течения не могла не вызвать попыток переосмысления понятия рациональности со стороны гетеродоксальных теорий. Наиболее авторитетной здесь считается теория «ограниченной рациональности» Г. Саймона, ставшая основой бихевиористской экономической теории.

Теория Саймона была призвана дать *более широкую* трактовку рациональности по сравнению с неоклассической. Речь идет, прежде всего, об *ограниченности интеллектуальных способностей* индивида. Саймон настаивает на *невозможности максимизации полезности* в процессе поиска, на чем настаивал Стиглер, поскольку для этого нет необходимой информации¹⁵⁴. Индивид не сможет определить оптимальный объем необходимой ему информации для последующего принятия решения, поскольку, во-первых, реальная экономическая ситуация характеризуется неопределенностью, а не риском, и во-вторых, для вычисления оптимума требуются и без того ограниченные счетные способности. Как отмечает Дж. Ходжсон, «проблема саймоновского субъекта заключается не столько в том, что он владеет неполной информацией, сколько в том, что информации слишком много для ограниченных возможностей ее обработки»¹⁵⁵.

Несмотря на то, что содержательно саймоновская трактовка рациональности не выходит за рамки проблемного поля неоклассики, не позволяет преодолеть крайнюю абстрактность ее предпосылок, нельзя не признать важность его критики. Однако кри-

¹⁵⁴ Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. № 3. С. 28-33.

¹⁵⁵ Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. М., 2004. С. 101.

тиковать максимизационную модель поведения индивида, ставшую одним из ключевых постулатов неоклассики, начали еще задолго до Саймона. Особо здесь стоит выделить работы Т. Веблена и У. Митчелла, заложивших основы институционализма и оказавших значительное влияние на современные гетеродоксальные трактовки рациональности, которые будут рассмотрены ниже.

Для работ Веблена характерна сокрушительная критика принципа рационального поведения, основанного на маржиналистской теории предельной полезности. Он считал, что маржиналисты заимствуют «традиционную психологию гедонистов начала XIX в., которая расценивается как нечто само собой разумеющееся, общеизвестное и воспринимается весьма некритически»¹⁵⁶. Именно выбор гедонистической модели в качестве фундамента модели экономического человека стал причиной редукции маржиналистами всех возможных направлений экономического поведения до единственного, «подлинно экономического» рационалистического расчета удовольствий и страданий. В представлении Веблена экономический субъект маржиналистской теории представляет собой одномерный механизм¹⁵⁷. Таким образом, Веблен отмечает (1) явно *нереалистичные требования* к индивиду в рамках маржиналистской теории, а также (2) *несоответствие* равновесной модели реальной экономической обстановке – претерпевающей постоянные изменения, эволюционной по сути.

Однако отказ Веблена от понятия экономической рациональности имеет немаловажную особенность: отвергая рациональность целей экономической деятельности человека и средств их достижения и подчиняя их инстинктам и институтам, он вряд ли мог отрицать рациональность мышления и поведения человека вне экономической деятельности. «Экономический человек» представляется составной частью «человека как такового», а значит и рациональность, исключенная Вебленом из перечня ключевых черт «экономического человека», становится характеристикой «неэкономической части» человека. Другими словами, Веблен отрицает именно «экономическую рациональность», но не рациональность человека как таковую.

Данный структурный подход нашел свое отражение в ряде работ Веблена, посвященных дихотомии индустрии и бизнеса¹⁵⁸. В его трактовке бизнес выступает воплощением экономических институтов, основанных на привычном образе мышления; а индустрия

¹⁵⁶ Веблен Т. Ограниченность теории предельной полезности // Вопросы экономики. 2007. № 7. С. 88.

¹⁵⁷ По его словам, «гедонистическая концепция уподобляет человека быстродействующей машине для исчисления ощущений наслаждения и страдания, которая вибрирует как некая однородная глобула стремления к счастью и приходит в движение под воздействием стимулов, оставаясь при этом неизменной. У него нет ни прошлого, ни будущего. Он представлен изолированным субъектом, находящимся в устойчивом равновесии, которое нарушается лишь под ударами внешних сил, перемещающих его то в одном, то в другом направлении...» (Веблен Т. Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной? // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: ГУ-ВШЭ, 2006. С. 25).

¹⁵⁸ См.: Веблен Т. Теория делового предприятия. М.: Дело, 2007; Veblen T. Instinct of Workmanship. N.Y., 1918; Veblen T. The Place of The Science in Modern Civilization. N.Y., 1919; Veblen T. The Engineers and the Price System. N.Y., 1936.

стрия воплощает поведение, основанное на действительном знании, подлинно рациональное. Соответственно, индустрия является источником прогресса и изменений, а бизнес – сдерживающим фактором прогресса. При проекции этой модели на уровень индивида возникает дихотомия рационального и иррационального – поведение человека может иметь черты как первого, так и второго. А поскольку экономический аспект является одним из ключевых в общественной жизни человека, то возникает своего рода «классовая» дихотомия – «капитаны бизнеса» ведут себя нерационально, поскольку в их деятельности (экономической) определяющую роль играют институты, а инженеры – рационально. По Веблену, именно последние способны непредвзято оценивать текущий технологический уровень общества и изменять институты адекватно этому уровню.

Другой видный представитель традиционного институционализма, У. Митчелл, также придерживался критической линии в отношении модели «экономического человека» и экономической рациональности. По его мнению, «человек, созданный воображением ученых-экономистов, в действительности является неубедительным, формальным образом в сравнении с реальным индивидом, являющимся потомком предшествующих поколений, с его богатым национальным наследием в виде инстинктов, социальных концепций и многочисленных привычек. Характер той самой рациональности человека формируется именно *в результате действия институтов*, под влиянием которых он вырос (курсив мой. – Д.К.)»¹⁵⁹.

Рассматривая роль денег в экономической жизни и ее отражение в экономической науке, он приходит к заключению, согласно которому неоклассики недооценивают влияние института т.н. «денежной экономики» на поведение индивида. Митчелл отмечает, что «...экономическая рациональность... представляет в основном продукт денежной экономики»¹⁶⁰. Именно использование денег в качестве всеобщего эквивалента создает «правдоподобную основу» для модели гедонистического (рационального) человека, производящего вычисление собственной функции полезности в единицах, по сути эквивалентных денежным.

Хотя подобная аргументация методологически небезупречна¹⁶¹, стоит отметить тот факт, что Митчелл одним из первых указал на *социальные основания* идеи экономи-

¹⁵⁹ Митчелл У. Рациональность экономической деятельности // TERRA ECONOMICUS. 2010. Т. 8. № 1. С. 104.

¹⁶⁰ Там же. С. 102.

¹⁶¹ Речь идет о том, что Митчелл отрицает «реальность» абстрактных категорий, стоящих за ценой (в частности, предельную полезность): «большинство положений теории ценности содержат явный элемент нереалистичности с психологической точки зрения...» (Митчелл У. Рациональность экономической деятельности // TERRA ECONOMICUS. 2010. Т. 8. № 1. С. 96). Действительно, достаточно сложно представить поведение реального человека как гедонистического максимизатора. Однако эмпиризм Митчелла представляется нам другой крайностью – в таком понимании экономической деятельности не остается места собственно экономическим законам (например, закону стоимости или полезности), а экономическое исследование сводится к описанию совокупности влияния институтов на индивида. Если человек не воспринимает абстрактные категории на чувственном уровне, это не означает их отсутствие. Такой подход, связанный с отказом от ключевых экономических категорий, получил широкое признание в современной экономической науке, что является одним из признаков ее социологизации.

ческой рациональности – *специфику общественных* (в частности, капиталистических) *отношений*. Если ранее экономическая рациональность воспринималась как имманентная черта человеческой природы, то у Митчелла она характеризуется как продукт институтов именно капиталистического общества, в котором денежные отношения распространяются на большинство сфер жизни человека¹⁶². Рациональность становится ключевым институциональным условием осуществления экономической деятельности, детерминирующим экономическое поведение. Чем большую роль в общественной жизни начинают играть экономические отношения, тем большее распространение получает идея рациональности. Причем речь идет именно об экономической рациональности – рациональном расчете удовольствий и страданий – а не об общефилософской рациональности как некой «разумной» характеристике деятельности.

Хотя у Митчелла и Веблена трактовки экономического поведения сходятся в оценке влияния на него привычек и институтов, на наш взгляд, более точным является характеристика экономической рациональности как института капиталистического общества, чем полное отрицание ее как таковой.

Исследования рациональности характерны и для современных представителей институционального направления (в частности для О. Уильямсона¹⁶³, Дж. Бьюкенена¹⁶⁴, Р. Нельсона и С. Уинтера¹⁶⁵, Дж. Ходжсона¹⁶⁶ и др.), однако они выходят за пределы исторического контекста, определившего трактовку рациональности в западной постиндустриальной теории. В связи с этим, в рамках настоящей работы мы не будем обращаться к исследованию обозначенных институциональных трактовок рациональности.

Подводя итог рассмотренных форм рациональности в экономической науке следует отметить магистральную линию эволюции понятия «рациональность»: движение от идеальных трактовок (полная рациональность) к все более реалистичным (ограниченная и институциональная, названная Уильямсоном, «органической»¹⁶⁷, трактовки), все большее «ослабление» неоклассических критериев рациональности, зачастую, сопровождающееся выходом за обозначенное проблемное поле. Речь идет не только об учете все большего количества факторов на поведение индивидов, но и о кардинальном смещении акцентов сначала со средств

---

¹⁶² Однако не следует забывать, что денежная форма не является наиболее фундаментальной чертой экономических отношений. В соответствии с концепцией превращенных форм К. Маркса, денежные отношения предоставляют собой поверхностный, наиболее конкретный уровень восприятия экономической действительности. В свою очередь, данный уровень основан на стоимостных отношениях, являющихся базой капиталистических общественных отношений. Таким образом, митчелловские денежные отношения представляют собой превращенную форму стоимостных отношений, а стоимостные отношения основываются на трудовых (производственных) отношениях специфического (капиталистического) типа.

¹⁶³ См.: Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, отношенческая контрактация. СПб., 1996. 702 с.

¹⁶⁴ См.: Бьюкенен Дж. М. Сочинения. Конституция экономической политики. Расчёт согласия. Границы свободы / Нобелевские лауреаты по экономике. Т. 1. М.: Таурус Альфа, 1997. 560 с.

¹⁶⁵ Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. М., 2002. 536 с.

¹⁶⁶ Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. М., 2004. 464 с.

¹⁶⁷ Уильямсон О. И. Указ. соч. С. 283.

достижения целей на сами цели, а затем и на более широкий «когнитивный» уровень. Гетеродоксальные экономические теории, критикуя представления ортодоксальных экономистов, все дальше отходят от самого понятия экономической рациональности.

Однако именно экономическая рациональность пока остается не только наиболее авторитетной идеей в рамках экономической науки, но и получает все большее распространение в смежных дисциплинах благодаря «экономическому империализму». *Причина* столь высокой популярности данной, казалось бы, далекой от реальности идеи не столько в ее теоретической силе и объяснительном потенциале, сколько в ее *социальных основаниях*, подмеченных У. Митчеллом. Экономическая рациональность вполне может считаться *институтом*, если определять институт в духе традиционных институционалистов как преобладающий *образ мышления*, ставший общепринятым в качестве нормы, регулирующей поведение. «Экономической рациональностью» выступает в качестве основы стандартизации экономического поведения индивидов, устанавливает единые «правила игры», делая принимаемые решения предсказуемыми. Хотя поведение индивидов в капиталистических реалиях подчинено не только общественному институту рациональности, но его определяющие влияние сложно отрицать.

«Экономический человек» как агент экономической рациональности, таким образом, при всей его нереалистичности, становится нормативной моделью поведения для человека *реального* в рамках капиталистических отношений: чем более рационально ведет себя человек, т.е. чем лучше он понимает правила игры и чем больше приспособлен к ним, тем больших значений достигнет его функция полезности. В итоге, модели предельной полезности и «экономического человека» (и идея экономической рациональности как основа данных моделей) становятся своеобразными концептуальными схемами, мировоззренческими позициями, нормативными для капиталистического общества, т.е. **приобретают черты институтов.**

Коль скоро социальные корни обозначенных моделей лежат в специфике процессов капиталистической стадии общественного развития, то можно предположить, что для постиндустриального общества данные модели должны уступить место новым моделям, наиболее точно отражающим сущность нового этапа общественного развития, и, соответственно, поведение человека в постиндустриальном обществе должно детерминироваться иными привычками, правилами и институтами. Возможно, в том числе, и поэтому постиндустриальная теория и не смогла избежать рассмотрения вопросов рациональности и рационального поведения. Хотя, как будет рассмотрено ниже, это далеко не главный фактор – куда большее значение имеет общепризнанный статус представлений о рациональном поведении в западной общественной науке.

По мнению Д. Белла, одной из ключевых особенностей постиндустриального общества является «создание новой интеллектуальной технологии», которая должна заменить интуитивные суждения алгоритмами. Отличительная особенность такой технологии – попытка определить рациональное действие и предложить средства его совершения. «Во всех ситуациях, – отмечает американский постиндустриалист, – присутствуют ограничители (например, расходы) и альтернативы. Любые действия предпринимаются в условиях определенности, риска или неопределенности... Различные ситуации можно определить как «взаимодействие с природой», где ограничителями являются внешние факторы, или как «игры между людьми», где ход действий человека с необходимостью формируется под влиянием ответных суждений и намерений других лиц. Во всех таких ситуациях под желательными действиями понимается стратегия, которая ведет к *оптимальному*, или «лучшему», решению, то есть такая, которая *максимизирует* результат или... старается *минимизировать* потери. Рациональность может быть определена как выбор из двух альтернатив той, которая способна дать предпочтительный результат (курсив мой. – Д. К.)»¹⁶⁸.

Можно отметить, что Белл трактует рациональность в духе *неоклассики*, понимая под ней *максимизацию целевой функции*. Более того, условия обеспечения рациональности в виде отсутствия неопределенности внешней среды, обозначенные Беллом, также являются частью неоклассической экономической рациональности. Однако внутренний критерий рациональности – неограниченность когнитивных способностей индивида – заменяется у Белла «интеллектуальной технологией», которая по определению должна взять на себя задачи вычисления оптимальных вариантов при принятии решений. В результате в «постиндустриальном обществе» возможность рационального поведения становится чисто *технической проблемой*, заключающейся в необходимости разработки той самой «интеллектуальной технологии».

Объективной предпосылкой технологического оптимизма Белла, очевидно, является начало научно-технической революции во второй половине XX в., ставшей историческим фоном для формирования постиндустриальных идей. Появление первых компьютеров и значительные успехи в области экономико-математических методов (теория вероятности, линейное программирование, теория игр и пр.) предвещали грядущие революционные технологические изменения, которые, по мнению Белла, должны были привести к кардинальным изменениям и в функционировании общества в целом, его рационализации, в т.ч. в области планирования: «Важнейшие решения относительно экономического роста и его сбалансированности будут приниматься *правительством*, но базироваться на финансируемых ими исследованиях и разработках, на сравнительном *анализе издержек и эффективности*; издержек и прибылей, вследствие сложных взаимосвязей принимаемых

¹⁶⁸ Белл Д. Указ. соч. С. 39-41.

решений они все больше будут носить *технический характер* (курсив мой. – Д.К.)»¹⁶⁹. Таким образом, в «постиндустриальном обществе», используя терминологию Веблена, предполагается адекватность институциональных изменений технологическим изменениям. Разумеется, в случае правильности подобного теоретического посыла, разработка «интеллектуальной технологии» может обеспечить полную рационализацию общественных отношений по неоклассической модели, поскольку разум реального человека, опосредованный компьютерами, в таком случае должен стать практически неограниченным.

При всей кажущейся логической простоте подобной идеи, она построена на *приближении* экономических реалий будущего к абстракциям неоклассической модели, что очерчивает и ее границы. Как было отмечено выше, постиндустриальный этап развития характеризуется переходом от взаимодействия между человеком и природой к взаимодействию («игре») между людьми. Но, как известно, аксиоматической базой неоклассической модели является (1) рассмотрение всех факторов окружающей среды как внешних, т.е. влияющих лишь на количество альтернатив, но не само принятие решения, и вытекающее из этого (2) постоянство предпочтений индивида во времени. Здесь возникает явное противоречие между постиндустриальной теорией и неоклассическими аксиомами: отношения между людьми, являющиеся основой постиндустриальной экономики, не могут рассматриваться лишь в качестве внешних ограничителей выбора, поскольку способны изменять предпочтения каждого из взаимодействующих индивидов. Следовательно, по Беллу, экономическая рациональность применима лишь по отношению к индустриальному этапу, основанному на взаимодействии человека с природой.

Поскольку существуют социальные корни экономической рациональности, связанные со спецификой капиталистической формы общественных отношений, следует предположить качественное (т.е. социально-экономическое, а не чисто внешнее, техническое) изменение понятия рациональности в «постиндустриальном обществе». Однако на уровне теории подобных изменений не наблюдается: Белл при рассмотрении «постиндустриальной рациональности» использует все тот же категориальный и методологический аппарат неоклассики. В результате обозначенное противоречие усиливается: с одной стороны, постулируется качественно новый характер «постиндустриального общества», связанный с «игрой между людьми», с другой стороны, продолжается использование понятия рациональности в контексте неоклассической оптимизации. На наш взгляд, данное противоречие отражает конфликт *двух реальностей* – старой (капиталистической, обозначенной в неоклассических представлениях о рациональности) и нарождающейся (постиндустриальной как посткапиталистической). Следовательно это отражение (в теории) капиталистической реальности, но без должной терминологической (методологической) адекватности.

---

¹⁶⁹ Белл Д. Указ. соч. С. 463.

Таков социально-экономический фон «внутренней трагедии» постиндустриальной теории. И, по нашему мнению, средство ее разрешения – переход на другую методологию.

Согласно Беллу, ключом к разрешению данного противоречия должна была стать концепция «общественной рациональности», способная обеспечить переход от «экономизированной» (оптимизационной) модели общественного развития и рациональности к «социологизированной»¹⁷⁰. Основное различие между обозначенными моделями заключается в использовании различных методологических принципов: индивидуализма в «экономизированной» модели и холизма в «социологизированной». Белл отдает предпочтение «социологизированной» модели, поскольку именно она наиболее адекватно способствует развитию общественного сектора экономики, производящего «неделимые» общественные блага, которые «являются в большей мере объектом общинного или политического, чем индивидуального спроса»¹⁷¹.

Предполагается, что «общественная рациональность» должна найти свое воплощение в общественной функции полезности. Однако здесь возникают явные теоретические проблемы: «И. Бентам, – пишет Д. Белл, – предложил понятие «полезности» как элемента модели рационального выбора, в которой люди в определенном порядке ранжируют собственные предпочтения. *Но это не обеспечивает в полной мере сравнения полезностей и не помогает определению оптимального сочетания потребностей различных людей* в тех или иных благах (курсив мой. – Д. К.)»¹⁷². Таким образом, гедонистическая модель *не подходит в качестве основы* для общественной функции полезности: оптимизация каждой из целевых функций индивидов, составляющих общество, не приводит к оптимуму общественную целевую функцию¹⁷³. Придерживаясь линии методологического холизма, Белл приходит к вполне закономерным выводам о том, что сумма индивидов не равна обществу, однако эта мысль не нова для экономической науки, особенно если вспомнить представления К. Маркса об обществе¹⁷⁴.

В результате разработка новой модели рациональности для «качественно новой» системы общественных отношений зашла в тупик, поскольку сочетание экономической и «общественной рациональности» на основе неоклассического принципа оптимизации (мак-

¹⁷⁰ Белл Д. Указ. соч. С. 372-385.

¹⁷¹ Там же. С. 384.

¹⁷² Там же. С. 412.

¹⁷³ Данная мысль прекрасно иллюстрируется на примере так называемой «дилеммы заключенных», согласно которой рациональность коллективного действия не является суммой индивидуальных рациональностей. «Теорема невозможности» К. Эрроу также указывает на проблемы в выявлении общественного интереса при различии интересов членов общества. Это еще раз подтверждает неприменимость неоклассической аксиоматики к рациональности нового общества, в рамках которого учитывается взаимодействие и взаимовлияние агентов. См.: Rational Man and Irrational Society? An Introduction and Sourcebook. Beverly Hills, 1983. P. 11-13, 23-27; Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 155-156.

¹⁷⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 214.

симизации) не представляется возможным: «создать «групповую теорию» экономического выбора, мы, по-видимому, не в состоянии»¹⁷⁵, – был вынужден констатировать Д. Белл.

Более того, «одной из проблем большого общества, которое стремится осознать свои цели, является взаимодействие, если не столкновение, между «рациональностью» и «политикой»¹⁷⁶, – отмечает американский постиндустриалист. Здесь мы видим признание Беллом дихотомии Веблена, которую он отвергал при описании идеи «интеллектуальной технологии». «Политика» у Белла имеет иррациональную природу, поскольку в ее рамках принимаются решения в пользу тех или иных заинтересованных групп; ей противостоят технологии, создающие технические возможности для рационализации общества. Таким образом, Белл не только признает дихотомию Веблена, но воспроизводит и модифицирует ее в своих рассуждениях. Однако если Веблен считал максимизацию индивидуальной полезности (в форме прибыли) институционально обусловленной, а значит тормозящей общественное развитие, то Белл не видит в ней существенных негативных сторон, кроме проблем в учете экстерналий, и таким образом западный постиндустриалист отходит от институциональных традиций восприятия экономических процессов.

Белл придерживается не институциональной (широкой) трактовки рациональности, а неоклассической (оптимизационной), в результате чего возникает еще одна не осознаваемая Беллом дихотомия. С одной стороны, программируемое, просчитываемое и полностью «экономически рациональное» общество должно было стать результатом создания «новой интеллектуальной технологии», с другой – в неоклассической модели максимизационный аппарат распространяется на средства достижения целей, но не на сами цели. Что касается целей капиталистического производства, то Веблен не питал особых иллюзий в этом отношении, признавая таковой «бесстыдную жажду наживы»¹⁷⁷. Для Белла же данный аспект не является существенным на фоне абсолютизации технологических аспектов развития. Подобный «технократический детерминизм» не позволил западному постиндустриалисту заметить фактическое воспроизводство капиталистической формы общественных отношений на основе новой технологической реальности в его теоретических построениях. Институт экономической рациональности, имманентный капиталистическим отношениям, также оказался воспроизведенным в «постиндустриальном обществе», пусть и в специфической, противоречивой форме, что весьма ярко обозначено в рассмотренных выше рассуждениях самого западного постиндустриалиста. Следовательно, Белл не может преодолеть методологических противоречий, т.к. стоит на защите социального идеала – капиталистической модели.

¹⁷⁵ Белл Д. Указ. соч. С. 415.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Veblen T. The Engineers and the Price System. N.Y., 1936. P.84.

Рассмотренные теоретические проблемы при попытке создания «постиндустриального» понимания рациональности заставляют еще раз обратиться к социальным корням данного понятия и соответствующим изменениям «постиндустриальной экономики». Здесь прежде всего стоит отметить основной посыл постиндустриальной теории, связанный с игнорированием роли материального производства. Белл, говоря о «постиндустриальной» стадии общественного развития как об «игре между людьми» исключает из рассмотрения реальный сектор экономики как таковой, «постиндустриальная экономика» становится «экономикой услуг». Следует предположить, что в таком случае человек, освободившись от сил природы, должен получить больше времени для непосредственного общения (социальных отношений), а целью такой экономики должно стать развитие человеческого потенциала в процессе межличностного взаимодействия. Однако, как нам представляется, реальная ситуация отличается от описанной выше: хотя общественные отношения и приобретают черты «игры между людьми», но целью этой «игры» по-прежнему остается извлечение прибыли (самовозрастание капитала), пусть и из новых источников¹⁷⁸, тогда как развитие «играющих» остается средством, дополнением к обозначенной цели (тогда как у Маркса это – самоцель нового типа общественного производства).

Система взаимодействия природы (в виде материального производства) и человека (характеристика «индустриального общества») не исчезает, а наоборот, продолжает развитие в новых технико-технологических реалиях, поддерживая и постоянно воспроизводя свойственную ей систему (институт) экономической рациональности. Наряду с ней возникает система взаимодействия людей¹⁷⁹, предполагающая иную (по сравнению с «экономической») рациональность как в отношении целей, так и средств их достижения. Но, несмотря на самобытность системы взаимодействия людей, она вырастает из системы взаимодействия человека с природой – хозяйственной деятельности, экономики в узком смысле, в результате чего на нее распространяются специфическое капиталистическое целеполагание и господствующая форма рациональности, обеспечивающая реализацию соответствующих целей. В свою очередь, подобное воспроизводство института рациональности препятствует формированию «постиндустриальной рациональности», поскольку неоклассическая методология неприменима даже к «зачаткам» новой экономики, т.к. возникает проблема теоретического объяснения взаимодействия людей, их влияния друг на друга в масштабах общества, с чем и столкнулись многие западные ученые, в том числе и постиндустриалисты.

Рассмотренные теоретические и методологические противоречия позволяют сделать вывод, что проблемы постиндустриального переосмысления рациональности связа-

¹⁷⁸ Здесь стоит упомянуть теорию «человеческого капитала», ставшую широко признанной.

¹⁷⁹ Разумеется, без отношений между людьми существование общества невозможно по определению. Однако «человеческая размерность» приобретает статус одного из ключевых элементов экономики лишь на современном этапе общественного развития.

ны, прежде всего, с пограничным статусом самого «постиндустриального общества», несущего в себе черты капиталистического общества и одновременно создающего основы для его преодоления. При этом господство неоклассической трактовки рациональности, проявившееся и в постиндустриальной теории, указывает на большую близость современного этапа общественного развития к капиталистическому обществу, а не к «посткапиталистическому». Переосмысление понятия рациональности станет возможным лишь вслед за изменением формы общественных отношений, тогда как технические решения могут лишь создать наиболее полные условия для реализации текущей формы рациональности (приблизить реальность к уровню абстракции), но не преодолеть ее.

Классическая постиндустриальная теория, таким образом, заложила *основу восприятия рациональности* в новом обществе с позиции акцентирования внимания на фрагменте (1) *собственно человеческих отношений* и полного (2) *игнорирования плоскости взаимодействия человека с природой*. Подобное восприятие нашло свое отражение и в отечественных постиндустриальных исследованиях.

Хотя классическая постиндустриальная теория и была нацелена на описание «общества будущего», но ей не удалось сформировать системные представления о новом типе рациональности, кардинально отличном от неоклассической рациональности, понимаемой в оптимизационных терминах. И это не удивительно, ведь постоянное обращение к экономической рациональности стало неотъемлемым атрибутом западной экономической науки. Даже авторы большинства «альтернативных» концепций рациональности (за исключением старых институционалистов) в своих рассуждениях отталкиваются от неоклассической модели, пытаясь скорее модифицировать эту модель, а не полностью отказаться от нее. Экономическая рациональность, как уже отмечалось выше, стала не просто теоретической конструкцией, но институтом (в понимании традиционных институционалистов) капиталистического общества, имеющим нормативный характер.

Таким образом, на примере западной экономической науки прослеживается явное влияние экономической реальности и институтов на теорию. Попытаемся проследить подобную взаимосвязь в отечественных постиндустриальных исследованиях и на основании этого определить специфику отечественного понимания рациональности «общества будущего».

Если капиталистические отношения на Западе развивались в эволюционном ключе и уже в середине XVIII в. окончательно стали основой общества, то в России о закреплении основ капитализма стало возможным говорить лишь в конце XIX в. Вместе с тем, к началу XX в. на Западе завершились и теоретические поиски, приведшие к формированию модели экономической рациональности, воплотившей специфику капиталистических отношений, тогда как в России не произошло замещения традиционной моде-

ли поведения (на основе ценностной рациональности¹⁸⁰) моделью поведения на основе экономической рациональности как на практическом, так и на теоретическом уровнях.

Революция 1917 г. и последующий отход от капиталистической модели развития обозначили полный отказ от проблематики экономической рациональности поведения — до начала 1990-х гг. данная тема в советской науке рассматривалась исключительно в критическом ключе как антимарксистская. Вместе с тем, на практике основы для «институционализации» рационального поведения также были подорваны — для этого отсутствовали капиталистические отношения в обществе.

Таким образом, на отечественное постиндустриальное понимание рациональности, с одной стороны, должны были оказать влияние марксистские идеи и представления, поскольку именно на их основе формировалась модель человека в советской науке, с другой — неоклассические представления о рациональности и их специфичная трактовка в классической постиндустриальной теории. Вместе с тем, следует учитывать и более широкую отечественную специфику в отношении рациональности — невнимание к ней на теоретическом уровне.

Так, видный отечественный постиндустриалист В. Иноземцев не уделяет вопросу рационального поведения в «новом обществе» существенного внимания в своих многочисленных трудах¹⁸¹. Подобное невнимание, на наш взгляд, в первую очередь, связано с методологией построения теории «постэкономического общества», совместившей в себе методологический холизм классической постиндустриальной теории и специфический (неиндивидуалистический) подход марксизма.

Общество в классическом постиндустриализме предстает как взаимодействие «трех сфер» — социальной структуры, политики и культуры. В свою очередь социальная структура, с одной стороны, представляет собой «совокупность экономики, технологии и системы стратификации»¹⁸², а с другой — своеобразный «институциональный каркас» общества, «систему ролей, предназначенных для координации человеческих поступков, направленных на достижение определенных целей»¹⁸³. Таким образом, общество у постиндустриалистов рассматривается исключительно на мета- (отдельные институты в рамках каждой из «сфер») и макроуровне (собственно «сферы»), тогда как поведение индивидов, фактически, не попадает в сферу анализа — оно признается рациональным как бы «по умолчанию», следуя неоклассической традиции.

---

¹⁸⁰ Ценностная рациональность — имманентное свойство традиционного общества, предполагающее приоритет ценности над целью. Господство традиции и религиозно-мифологических форм сознания создает этот тип рациональности и поддерживается им. Традиционное общество организовано как целое. Ценностная рациональность — это рациональность целого, где индивид ориентируется на общие ценности, не выделяя себя четко из целого (см.: Федотова В. Г. Модернизация “другой” Европы. М., 1997. С. 150).

¹⁸² Белл Д. Указ. соч. С. 161.

¹⁸³ Там же. С. 16.

Для взглядов К. Маркса также был крайне не характерен методологический индивидуализм, его подход можно скорее назвать холистским¹⁸⁴ или реляционным¹⁸⁵: «общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу»¹⁸⁶, – отмечал он. Более того, объективные (материальные) условия у Маркса оказывают детерминирующее влияние на поведение индивидов, не оставляя места для личных предпочтений, а значит, и для рационального выбора. Так, объективные условия задают рабочему стоимость его рабочей силы, а капиталисту – его стремление к максимизации прибыли. «Главные агенты самого этого способа производства, капиталист и наемный рабочий как таковые, сами являются лишь воплощениями, персонификациями капитала и наемного труда; это определенные общественные характеры, которые накладывает на индивидуумов общественный процесс производства»¹⁸⁷.

Иноземцев при построении теории «постэкономического общества» основывается на неиндивидуалистской методологии марксизма и классического постиндустриализма. В отличие от Белла, отечественный постиндустриалист в рамках своей теории не формулирует специфической структурной модели общества. С одной стороны, при обосновании «объективной (материальной) стороны» «постэкономической трансформации» общество рассматривается им на макроуровне. В рамках данного анализа используются такие агрегированные показатели и макропоказатели как численность работников по секторам экономики, доля различных категорий работников в структуре занятости, ВВП, структура ВВП по отраслям и др.

С другой стороны, Иноземцев рассматривает эволюцию общественных форм через призму эволюции форм индивидуального взаимодействия: «важнейшим методологическим следствием концепции постэкономического общества является тезис о трех масштабных эпохах человеческой истории: *доэкономической, экономической и постэкономической*, – отмечает он. – Такое разграничение осуществляется по двум важнейшим критериям: *типу человеческой деятельности и характеру соподчинения интересов личностей и общества в пределах каждой из эпох*»¹⁸⁸.

Трем обозначенным периодам соответствуют три типа человеческой деятельности: инстинктивная предтрудовая деятельность, труд и творчество. Поскольку в период господства инстинктивной предтрудовой деятельности «человек не ощущает себя отделенным от природы, как не отделен он и от себе подобных», а «индивидуальные интере-

¹⁸⁴ Автономов В. С. Указ. соч. С. 79.

¹⁸⁵ Филатов И. В. Индивидуализм и холизм в экономическом знании // Государство, экономика, общество: аспекты взаимодействия. М.: Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ». 2000. С. 78; Бхаскар Р. Общества // Социологос. Вып. 1. М.: Прогресс, 1991. С. 234.

¹⁸⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 214.

¹⁸⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 452.

¹⁸⁸ См.: Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы: учеб. пособие для студентов вузов. М., 2000. С. 165.

сы в собственном смысле этого понятия отсутствуют»¹⁸⁹, т.е. закономерно можно предположить, что для человека в рамках этого этапа рациональное поведение (как в узком, неоклассическом, так и в широком смысле) нехарактерно. В дальнейшем «человек начинает сознавать свой материальный интерес как нетождественный интересам других людей и сообщества в целом», в результате чего на «экономическом» этапе возникает «множество индивидуальных, взаимодействующих друг с другом интересов», механизм соподчинения таких интересов определяет социальную структуру «экономического общества», имеющую классовый характер¹⁹⁰. При этом, как подчеркивает сам Иноземцев, ключевой чертой интереса на данном этапе является именно его *материалистический характер*, тогда как иных характеристик интереса не выделяется. Как было рассмотрено выше, в рамках экономической науки XIX в. следование мотиву собственного интереса обозначалась в терминах рациональности, а сам этот мотив у классиков английской политэкономии, фактически, включал в себя рациональное поведение. Таким образом, хотя Иноземцев вслед за классиками и отмечает ключевую роль мотива собственного интереса в экономической эволюции, рациональность, по всей видимости, представляется ему несущественной чертой «экономического человека».

Переход к «постэкономическому обществу», в свою очередь, связан с выходом индивидуальных интересов человека из сугубо материальной плоскости и колоссальное усложнение социальной действительности. Важнейшей целью большинства людей становится *развитие их собственной личности*, а их интересы, оказываясь неунифицируемыми, перестают быть взаимоисключающими и потенциально враждебными. Здесь в качестве главного критерия человеческого взаимодействия также выдвигается *степень материальности интереса* – мотив саморазвития, естественно, является нематериальным. Вместе с тем, по мнению Иноземцева, если предшествующие эпохи характеризовались явной оппозицией частного и общественного интереса (в пользу первого на «доэкономическом» этапе, и, соответственно, второго – на «экономическом»), то в рамках «постэкономического общества» может быть достигнуто их непротиворечивое единство. Таким образом, Иноземцев рассматривает социальную эволюцию с позиций дихотомий «индивидуальное-общественное» и «материальное-нематериальное», но не «рациональное-нерациональное».

Воспроизводя идею Белла о смене господствующих типов взаимодействия – человека и природы («доиндустриальное» и «индустриальное общество») на «игру между людьми» («постиндустриальное общество»), Иноземцев, в отличие от западного постиндустриалиста, не исследует изменения поведенческих аспектов индивида, в частности ти-

¹⁸⁹ Иноземцев В. Л. Концепция постэкономического общества: теоретические и практические аспекты : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01, 22.00.03. М., 1998. С. 94.

¹⁹⁰ Иноземцев В. Л. Концепция постэкономического общества: теоретические и практические аспекты : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01, 22.00.03. М., 1998. С. 96.

па рациональности, хотя и отмечает изменение типа мотивации. Более того, тематика «постматериальной мотивации» создает почву для обращения к проблеме рациональности. Фактически, творческий индивид «постэкономического общества» максимизирует собственное личностное развитие, что в рамках неоклассического подхода позволило бы говорить о таком поведении как о рациональном: в рамках «постэкономической трансформации» наблюдается «стремление человека к максимальному удовлетворению своих интересов как субъекта потребления и как свободной личности»¹⁹¹. «Экспансия творчества представляет собой фундаментальный вызов экономическому порядку и рассматривается нами как системообразующий элемент приходящего ему на смену типа общественного устройства»¹⁹², – отмечает Иноземцев. Из этого следует, что он не считает «экономическую рациональность» важной чертой «экономического порядка».

Более того, «постэкономическое общество» по Иноземцеву должно быть основано на *индивидуальном развитии*, а не на развитии личности как главной цели *общественной системы*, поскольку творчество понимается им как, прежде всего, индивидуальный процесс. «Порождаемое внутренними мотивами, стремлением личности к самосовершенствованию и самореализации, оно *социально* по своей *природе*, но *индивидуально* по своему *характеру*»¹⁹³. Даже рассматривая влияние творчества на индивидуальное поведение, Иноземцев не касается темы рациональности, обозначая в качестве основных тенденций лишь уже обозначенную «постматериальную мотивацию» и «стремление к автономизации».

Таким образом, в теории «постэкономического общества» В. Иноземцева весьма четко проявилась специфика отечественного постиндустриального видения рациональности – практически полное отсутствие оригинальных идей и разработок нового типа рациональности. На наш взгляд, *невнимание* к вопросу рациональности в отечественном постиндустриализме, с одной стороны, обусловлено **спецификой дискурса отечественной экономической науки** (и шире, общественной науки) в отличие от западной – вопросы рациональности напрямую связаны с неоклассическим экономическим направлением, которое на протяжении всего советского периода находилось исключительно в поле критики, тогда как о позитивном развитии неоклассической теории, а значит и идей рациональности, не могло идти и речи.

Другими словами, речь идет о наличии социальных и научных предпосылок использования модели рациональности при построении теории: так Белл, будучи социологом, не смог избежать рассмотрения вопросов рациональности, хотя, как было отмечено, рациональность поведения преимущественно исследуется в рамках западной экономи-

---

¹⁹¹ Иноземцев В. Л. Концепция постэкономического общества: теоретические и практические аспекты: дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01, 22.00.03. М., 1998. С. 115.

¹⁹² Там же. С. 117.

¹⁹³ Там же.

ческой науки (экономикса), а не социологии. Для Иноземцева такие предпосылки практически отсутствовали: в рамках марксизма как основы отечественной экономической традиции, как уже было отмечено, вопросы рациональности не рассматривались в виду наличия тезиса о социальной детерминированностью индивидуального поведения, неоклассическая теория вошла в оборот лишь в начале 1990-х гг. и не успела оказать существенного влияния на концепцию «постэкономического общества», а в работах Белла аспект рациональности был напрямую связан с неоклассической традицией, а значит, понимание его специфики требовало знания основ последней. Таким образом, игнорирование Иноземцевым модели рационального поведения согласуется со спецификой «постмарксистско-постиндустриального» дискурса отечественной экономической науки, т.е. является одним из «родовых пятен» марксизма, которыми щедро наделен постсоветский постиндустриализм Иноземцева.

2.2 Теоретико-методологические основы технократизма и форма их рецепции в концепцию «постэкономического общества»

Понятие «технократия» (от греч. *techno* – ремесло, мастерство и *kratos* – власть) имеет 3 общеупотребляемых значения: 1) прослойка технических специалистов, входящих в число высших функционеров управления; 2) характеристика реальных политических режимов, практически реализующих идеи технократического управления, руководствующихся его принципами; 3) теоретическая концепция или идеология, отводящая ведущие роли в жизни общества технике как основе современного промышленного производства и техническим специалистам.

В XX в. технократические идеи получили широкое распространение в западной научной мысли вслед за стремительным прогрессом науки и техники. Однако социальные и научные предпосылки формирования технократизма были заложены задолго до XX в. Переплетение идей философского рационализма и научного управления обществом характерно для работ А. де Сен-Симона, которого можно смело назвать одним из первых «технократов». Он представлял себе «общество будущего» («индустриальное общество») как общество *производителей* – инженеров и предпринимателей, противопоставляя его военному строю, где главными фигурами были священники, военные и феодалы – потребители общественного богатства. Сен-Симон отмечал четыре признака индустриального общества: оно заботится о производстве; в нем преобладают порядок, уверенность и четкость; оно опирается на «новых людей» (инженеров, промышленников и проектировщиков); и оно опирается на знания.

Научной основой идеи о рациональности «индустриального общества» является именно механистическое мировосприятие. Согласно Сен-Симону, только общество, построенное вокруг сферы производства, управляемого на научной основе – «промышленно-научная система» – способно функционировать по достаточно четким, механистическим законам, поскольку целеполагание в его рамках носит общественный характер. Планирование общественного развития в такой системе должно осуществляться наиболее компетентными в этом вопросе лицами: «Решения должны быть результатом научных доказательств, ни в коей мере не зависящих от воли человека, а в их обсуждении должны принимать участие все, кто достаточно образованы для этого, – отмечает французский мыслитель. – Как все общественно-важные вопросы будут решаться с обязательным использованием самых последних научных достижений...»¹⁹⁴. Как отметил Д. Белл, «управление вещами, заменяющее политическую рациональность, является отличительным признаком технократии»¹⁹⁵.

Именно в рамках такого восприятия и формируется представление о *технической рациональности* как о форме механистической рациональности. Однако следует отметить, что данное понятие было первоначально введено в научный оборот в ином значении представителями Франкфуртской школы Т. Адорно и М. Хоркхаймером, и использовалось для критики современной индустрии культуры: «Техническая рациональность сегодня является рациональностью самого господства как такового. Она есть свойство отчужденного от самого себя общества быть обществом принуждения»¹⁹⁶. В дальнейшем это понятие получило позитивную трактовку, что способствовало его распространению как в естественных, так и технических науках, но вместе с тем, оно до сих пор во многом остается неопределенным. С. С. Бескаравайный отмечает, «техническая рациональность не может быть сведена к методу создания технических устройств»¹⁹⁷; А. А. Ивин говорит о «локальных рациональностях», в которых конкретизируется общая рациональность¹⁹⁸; Е. П. Никитин использует понятие «спецрациональность» при анализе рациональности, относящейся к конкретным дисциплинам¹⁹⁹.

В современной философии понятие технической рациональности, зачастую, характеризует одну из форм научной рациональности, а ее специфика связывается с «ка-

¹⁹⁴ Сен-Симон А. Избр. соч. Т. 1. М.-Л., 1948. С. 164.

¹⁹⁵ Белл Д. Указ. соч. С. 102.

¹⁹⁶ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М.-СПб. : Медиум, Ювента, 1997. С. 151.

¹⁹⁷ Бескаравайный С. С. Становление феномена технической рациональности в эпоху Нового времени как объект философской рефлексии: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.09. Днепропетровск, 2007. С. 82.

¹⁹⁸ См.: Обсуждаем статью «Рациональность» / Филатов В.П., Никифоров А.Л., Ивин А.А., Порус В.Н. // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. II. № 2. С. 153-167; Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М. : Гардарики, 2004. С. 719.

¹⁹⁹ См.: Никитин Е. П. Спецрациональность // Исторические типы рациональности / под ред. П. П. Гайденко, В. А. Лекторского, В. С. Степина. М., 1995. С. 56.

чеством технических идей», «их утилитарной полезностью»²⁰⁰. Наиболее точное определение «технической рациональности», на наш взгляд, предлагается в рамках отечественной философии техники – здесь под ней понимается форма осмысления и алгоритмизации технической деятельности, позволяющая рассматривать реальность в качестве объекта целеполагающей воли человека, естественное состояние которого может быть преобразовано на основании планирования. «Техническая рациональность рассматривает объекты окружающего мира как сырье, а возможности человека – как трудовые ресурсы, требующие для своей реализации создания технических систем... Система стратегических ориентиров, задаваемая технической рациональностью, выступает матрицей построения социальных практик как типовых стратегий осуществления человеческой жизнедеятельности. С одной стороны, она воспроизводит сложившуюся в техногенном обществе конфигурацию взаимодействий с естественной средой, а с другой стороны – сама их формирует, пронизывая все уровни и формы деятельности»²⁰¹.

Характерными чертами технической рациональности являются:

1) направленность на системную перестройку естественного в искусственное²⁰², в т.ч. и на уровне общества (естественное состояние общества представляется здесь стихийным, хаотичным, искусственное состояние – рациональным, способным к планомерным изменениям);

2) ориентация на целенаправленное вмешательство в естественные процессы (в т.ч. и общественного развития) на основании следования объективным законам развития науки и техники;

3) силовой характер – готовность к разрушению неэффективных практик, несмотря на их ценностное значение.

Не вызывает сомнения тот факт, что техническая рациональность задает специфические критерии эффективности решений. Разумеется, такого рода эффективность в первую очередь оперирует результатом и затратами в различных натуральных формах (например, объем выпуска в единицах продукции). Экономическая рациональность также непосредственно связана с понятием эффективности и базируется на механистическом восприятии общественной жизни, однако объектом ее внимания становится поведение человека, а мотив собственного интереса провозглашается имманентной чертой человеческой природы, определяющей развитие общества. Техническая рациональность наоборот, обращается к развитию техники в соответствии с законами классической механики, и

²⁰⁰ Бескаравайный С. С. Указ. соч. С. 103.

²⁰¹ Демиденко Э. С., Дергачева Е. А., Попкова Н. В. Философия социально-техногенного развития мира: статьи, понятия, термины. Брянск : БГТУ ; М. : Всемирная информэнциклопедия, 2011. С. 265.

²⁰² См.: Попкова Н. В. Введение в философию техники. Брянск : Изд-во БГТУ, 2006. С. 154.

проецирует специфику организации производства на организацию общества²⁰³. Таким образом, возникает *дихотомия* технической и экономической (понимаемой как «оптимизационной») рациональности: они базируются на единой концептуальной основе, но предлагают взгляд на общество со стороны либо развития производительных сил, либо общественных отношений, и таким образом, игнорируют их диалектическое единство.

При рассмотрении технократического восприятия стоит особо остановиться на воззрениях американского экономиста Т. Веблена. Центральным мотивом его работ является противопоставление институтов и технологий, применительно к капитализму представляющее собой дихотомию «Бизнеса» и «Индустрии». Подобные представления своеобразно отражали объективную реальность конца XIX – начала XX в. – период, когда капиталистические отношения не просто приобрели законченный вид, но, согласно В. Ленину, вступили на новую, империалистическую стадию своего развития²⁰⁴. Если вначале XIX в. первые «технократы» не смогли увидеть оппозицию целей капиталистов и технических работников в связи с неразвитостью капиталистических отношений, то для Веблена она была очевидна.

Противоречие «Индустрии» и «Бизнеса» по Веблену содержится в *различии установок*: инженеры в своей деятельности следуют «инстинкту мастерства», руководствуясь технической рациональностью, бизнесмены подчинены «жажде наживы» и действуют в соответствии с экономической рациональностью. Таким образом, оппозиция технической и экономической рациональности, которая была лишь в общих чертах отражена в воззрениях первых «технократов», становится у Веблена основой его концепции.

На основе технической рациональности Веблен строит и свою идеальную «индустриальную систему», которая представляет собой организацию, состоящую из множества связанных механических процессов, взаимодействующих между собой и имеющих сбалансированный характер. Разумеется, подобной системой могут наиболее эффективно управлять именно инженеры и технические специалисты на основе имеющихся у них компетенций. Бизнесмены же не вполне понимают законы функционирования такой механистической системы, и, более того, руководствуются совершенно другими мотивами, что препятствует нормальному функционированию индустрии.

---

²⁰³ В случае технической рациональности имеет место ее институционализация, «укоренение» в общественном сознании (что характерно и для «экономической рациональности», см. п. 3.1.1). Рассмотрение общественного развития с позиций технической рациональности приводит к неизбежной механизации представлений об обществе, абсолютизации одной из сторон общественного бытия, следствием чего являются представления о возможности устранения социальных проблем и противоречий на основе лишь экономического роста. Если в случае институционализации «экономической рациональности» ее закономерным итогом стали представления в возможности гедонистических расчетов (как модели индивидуальных действий) и концепция «экономического империализма» (как модели общественных действий), то аналогичным итогом для технической рациональности стало формирование технократического мировосприятия и концепций технократизма.

²⁰⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 299-426.

В «Меморандуме о реальном совете техников», представляющем собой политический манифест технократизма, Веблен рассматривает механизмы функционирования будущей «индустриальной системы»²⁰⁵. Он акцентирует внимание на *технико-организационных аспектах* управления (планирование распределения ресурсов и полный учет индустриальных сил общества), при этом игнорируя вопросы *социально-экономической* формы организации технократического общества. На наш взгляд, как и первые «технократы», Веблен проецирует идею о рациональном управлении индустриальным производством на общество в целом, следуя принципу методологического холизма в специфической редукционистской форме. Экономика приравнивается им исключительно к производству, тогда как профессиональные (технологические) отношения проецируются на общественные отношения.

В результате применения подобного подхода диалектика производительных сил и производственных отношений подменяется их оппозицией, а общественное развитие рассматривается исключительно как прогресс техники (точнее ее части в сфере материального производства), тогда как производственные отношения (в образе вебленовской власти институтов) выступают в качестве некой реакционной силы. Другими словами, технократические воззрения неизбежно приводят к технологическому детерминизму. Таким образом, можно отметить определенную научную преемственность методологических установок (техническая рациональность)→(холизм)→(технологический детерминизм), характерную как для первых «технократов», так и для воззрений Т. Веблена.

Стоит отметить и тот факт, что для обозначенной технократической традиции характерен крайний идеализм. И первые «технократы», и Веблен ищут причину противоречивого характера капиталистической системы в области идей. Верно подмечая дихотомию технической и экономической рациональности, частного и общественного блага, они не идут дальше, не исследуют объективную основу этих по определению субъективных идей. В результате возникает своеобразный парадокс технократического восприятия экономической реальности: «технократы» досконально исследуют технико-организационную (материальную) сторону капиталистического производства, но не видят объективной (общественной) основы идей рациональности. Они рассматривают производство в себе, не видят его связи с формой общественных отношений, считая влияние последних на производство субъективными и случайными, а не закономерным. Согласно же К. Марксу, эта «невидимая» для «технократов» связь заключается в специфике формы собственности на средства производства. Бизнесмены могут требовать от инженеров подчинения их («технической») рациональности оптимизационной модели именно на основе этой экономической власти, имеющей объективный характер.

---

²⁰⁵ Veblen T. The Engineers and the Price System. N.Y. 1939. P. 138.

Таким образом, рассмотренное направление технократического восприятия экономической реальности, которое можно назвать «первой волной» технократизма (начиная от Сен-Симона и заканчивая Вебленом), базируется на идее технической рациональности, а его социальной основой является становление капиталистических производительных сил, основанных на машинной технике. Основными особенностями, характерными для работ представителей данного направления, являются: (1) **дихотомия технической и экономической рациональности**; (2) **технологический детерминизм**; (3) **методологический холизм**; (4) **противопоставление** существующей (капиталистической) и идеальной (технократической) **общественных систем**; (5) **закономерный характер перехода** к технократической общественной системе; (6) **необходимость соответствия положения** важнейшей (по мнению каждого конкретного ученого) категории работников в рамках предприятия их роли в управлении технократической общественной системой в целом.

Технократические идеи претерпели значительные изменения во второй четверти XX в. Основной сдвиг произошел в рамках идеи о «революции управляющих», сменившей на технократическом поприще идею «бунта инженеров» Т. Веблена. Данная концепция Д. Бернхэма, возникшая не без влияния идей А. Берли и Г. Минза, воспроизвела главный постулат классического технократизма применительно к новой экономической реальности: обществом управляют (и должны управлять) не капиталисты, а менеджеры. Согласно Д. Бернхэму, «мы переживаем период социального перехода... Это переход от типа общества, который мы называли капиталистическим или буржуазным, к тому обществу, которое мы называем менеджериальным»²⁰⁶.

Однако данная концепция, в отличие от технократических концепций предшествующего периода, строится не на дихотомии технической и экономической рациональности, а на идее разделения отношений собственности на функции владения и управления, и утратой первой функцией определяющей роли. Таким образом, в рамках технократического восприятия экономической реальности, спустя более чем полтора столетия после его возникновения, была обнаружена социальная основа антагонизма капиталистической системы – форма собственности на средства производства, хотя западные экономисты не оценили теоретическую «ценность» своего внезапного открытия именно в таком контексте. Так, по их мнению, обнаруженный антагонизм остался в прошлом, а смена экономической власти уже произошла: менеджер-«технократ» заменил собой капиталиста в качестве главной общественной фигуры.

Стоит отметить, что при внешней схожести, технократические идеи первой и второй волны различны по форме, хотя содержательно все они, если судить с позиций материалистической гносеологии, в *гиперболизированной форме* отражают *реальные* экономи-

²⁰⁶ Burnham J. The Managerial Revolution: What is Happening in the World. N.Y. : JohnDayCo., 1941. P. 6.

ческие *тенденции* развития в сфере производства и науки. Суть различий кроется в глубине восприятия экономической реальности: первые «технократы» приходят к идее рационального управления обществом через построение модели общества в рамках механистической методологии технологического детерминизма, вторые – отмечают один из факторов эмпирической реальности и накладывают его на имеющийся «технократический» идейный фон, без разработки какой-либо специфической модели «общества менеджеров».

В итоге, идея «революции менеджеров», с одной стороны, реактуализировала технократическое мировоззрение, с другой – привела к *пересмотру* технократических идей. В связи с неявным отказом от дихотомии технической и экономической рациональности, технократическое мировосприятие ушло и от противопоставления реальной и идеальной («технократической») систем. На наш взгляд, именно **идея о трансформации собственности становится основой второй волны технократизма** (т.е. технократических концепций после Т. Веблена), замещая идею о дихотомии рациональности. Однако данное изменение не привело к кардинальному пересмотру технократического мировоззрения: большинство содержательных и методологических постулатов первой волны технократизма остались незыблемыми и на втором этапе.

Ярким примером преимущества технократических идей является концепция «нового индустриального общества» Дж. К. Гэлбрейта. Идея о трансформации собственности в современном обществе остается одной из базовых для концепции американского экономиста. «С развитием современной корпорации и появлением организации, которая подчиняется требованиям современной техники и планирования, а также в связи с отделением функции собственности на капитал [точнее, речь идет о функции владения собственностью. – Д. К.] от функции контроля над предприятием предприниматель в развитом промышленном предприятии уже не выступает как индивидуальное лицо»²⁰⁷, – отмечает он.

По Гэлбрейту, власть в современной корпорации переходит от ее собственников к техноструктуре, определяемой как «совокупность людей, обладающих разнообразными техническими знаниями, опытом и способностями, в которых нуждаются современная промышленная технология и планирование. Она охватывает многочисленный круг лиц – от руководителей современного промышленного предприятия почти до основной массы рабочей силы и включает в себя тех, кто обладает необходимыми способностями и знаниями»²⁰⁸. Техноструктура, таким образом, становится *реальным* воплощением технократического управления в рамках отдельно взятой корпорации, а главным критерием принадлежности к ней становится владение не собственностью, а знаниями и информацией.

²⁰⁷ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М. ; СПб., 2004. С. 116.

²⁰⁸ Там же. С. 117.

Американский экономист не избегает рассмотрения и других постулатов технократизма, ставших традиционными. В частности, он возвращается к дихотомии технической и экономической рациональности, постулируя «победу» первой в обществе современных корпораций. Главной целью техноструктуры является уже не максимизация прибыли корпорации, а обеспечение роста: «как только техноструктуре удастся обезопасить себя с помощью минимального уровня прибыли, у нее появляется известная свобода выбора целей... В подавляющем большинстве случаев она [цель] состоит в том, чтобы достичь максимально возможного роста корпорации...»²⁰⁹. Это является еще одним аргументом Гэлбрейта в пользу реальности технократии.

Однако на наш взгляд, вряд ли можно говорить о преодолении дихотомии рациональностей в рамках концепции Гэлбрейта. Речь идет о том, что в конечном итоге рост корпорации преследует своей целью максимизацию прибыли в долгосрочной перспективе. Возникновение техноструктуры можно считать отражением объективных процессов развития капиталистического способа производства – в реалиях НТР простая максимизация прибыли невозможна в связи с усложнением механизмов принятия решений. Таким образом техноструктура, даже преследуя (на первый взгляд) собственные цели, способствует реализации целей собственников предприятий. Это значит, что оптимизационная рациональность не исчезает в «новом индустриальном обществе», а лишь принимает особую форму технической рациональности на поверхностном уровне восприятия экономической реальности.

Для концепции «нового индустриального общества» характерен явный *методологический редукционизм*: современная корпорация у Гэлбрейта представляется как производная техноструктуры, а общество – как совокупность корпораций. Хотя американский экономист уделяет значительное внимание вопросам государственного планирования и регулирования в современном обществе, государство в его представлениях во многом тождественно корпорации. Политические решения в «новом индустриальном обществе» становятся не менее рациональными, чем технические, поскольку в современных реалиях их принятие невозможно без участия экспертов, обладающих должным уровнем знаний и информации. В итоге государственная машина «технократизируется», а совокупность политических и корпоративных техноструктур принимает форму общественной техноструктуры. Целью такого общества становится экономический рост: «поскольку все согласны с тем, что экономический рост является задачей общества, цель техноструктуры получает общественное признание, – пишет Гэлбрейт. – Они [члены техноструктуры] стараются содействовать росту своей фирмы. Это способствует росту экономики»²¹⁰.

²⁰⁹ Гэлбрейт Дж. Указ. соч. С. 251.

²¹⁰ Там же. С. 254.

Подобные представления об обществе свидетельствуют о последовательной приверженности Гэлбрейта методологии технологического детерминизма. Экономический рост «нового индустриального общества» немислим без использования достижений технического прогресса, поэтому «совершенствование техники... безоговорочно признается в качестве цели общества. Оно – свидетельство прогресса. Оно – символ достижений общества»²¹¹.

Таким образом, Гэлбрейт в своей концепции *не отходит* от методологической линии *первой волны* технократизма, переходя от идеи о рациональности техноструктуры к технодетерминистским представлениям об общественном развитии. Идея об отделении функции владения от функции управления, в свою очередь, снимает вопрос о противопоставлении капиталистической и технократической систем, и соответственно, фигур капиталиста и специалиста (инженера, техника, ученого и т.д.), таким образом, модифицируя технократическое мировоззрение. Технократизм второй волны становится *реформистским* по сути.

Несмотря на подобную теоретическую модификацию технократизма, его *социальная основа осталась неизменной*. Технократы связывают развитие общества именно со сферой промышленного производства и в каждой новой технократической теории отражают те или иные факты и тенденции развития капиталистических производительных сил, пусть и в гиперболизированной форме. Наиболее последовательно в технократических теориях отражается именно *процесс концентрации производства* – от мануфактур в работах Сен-Симона к индустриальным предприятиям у Веблена и корпорациям у Гэлбрейта. Это еще раз подчеркивает *специфику* технократического восприятия экономической реальности – акцентирование внимания исключительно на технико-организационных аспектах и игнорирование их социально-экономической формы.

Как было отмечено, наибольшее внимание технократические теории уделяют теоретическому осмыслению технико-организационного аспекта экономических изменений. В этом отношении не является исключением и постиндустриальная теория, центральный мотив которой – влияние научно-технической революции на различные стороны общественного бытия.

Хотя, как отмечают некоторые исследователи, невозможно с доскональной точностью выявить теоретические истоки постиндустриальных идей²¹², на наш взгляд, сложно отрицать ключевое влияние *технократического мировоззрения* на становление постинду-

---

²¹¹ Там же. С. 256.

²¹² Иконникова Г. И. Технологические фальсификации общественного процесса. М., 1986. С. 60.

стриальной теории. Для подтверждения данного тезиса необходимо обратиться к исследованию специфики восприятия технократических постулатов постиндустриалистами.

Последовательное проведение методологической линии «технологического детерминизма» привело теоретиков технократизма к созданию теорий «индустриального общества», «общества всеобщего благосостояния», «общества изобилия», «стадий экономического роста», в которых ключевым стал тезис об автоматическом разрешении социально-экономических проблем с помощью экономического роста, который, в свою очередь, автоматически обеспечивается поступательным развитием науки и техники. Подобный технологический оптимизм и явный редукционизм *не выдержал* «проверки временем»: экономический кризис начала 1970-х гг. (не говоря уже о 2000-х гг.) показал, что неуклонный экономический рост в условиях циклического характера функционирования капиталистической системы невозможен. Опровержение практикой данных теорий привело и к закономерному кризису технократического мировосприятия, проявившемуся в «росте настроений критической саморефлексии, осознании негативных последствий технологического прогресса в условиях капитализма, недостаточности технико-организационного подхода к решению наиболее глубоких социальных проблем»²¹³.

Постиндустриальная теория была призвана реактуализировать технократическое мировоззрение, поставленное под сомнение самой экономической реальностью конца 1960-х гг. Для реализации данной цели, в первую очередь, был необходим отказ от плоского *технизма* в трактовке общественного развития и построение «многомерной» теории общества. Этот посыл нашел свое отражение в работах Д. Белла.

Как уже было отмечено выше, Белл предлагает рассматривать общество как совокупность трех относительно автономных «сфер»: социальной структуры, политического строя и сферы культуры. «Первая охватывает экономику, технологию и систему занятости, – отмечает западный постиндустриалист. – Политический строй регулирует распределение власти и разрешает конфликты, порождаемые притязаниями и требованиями отдельных групп и лиц. Культура есть царство экспрессивного символизма и выразительности»²¹⁴. Нельзя не отметить явное *усложнение общественной структуры* в постиндустриальной теории по сравнению с предшествующими технократическими концепциями. Технологические изменения у Белла меняют общество не напрямую, а опосредованно – через изменение отраслевой структуры, структуры занятости и системы социальной стратификации.

Одним из фактов, указывающих на идейную близость постиндустриализма технократическому мировоззрению, является рассмотрение в постиндустриальной теории дихотомии технической и экономической рациональности. Так, Белл утверждает о суще-

²¹³ Деменчонок Э. В. Указ. соч. С. 77.

²¹⁴ Белл Д. Указ. соч. С. 16-17.

ствовании «осевых принципов» – специфических закономерностей, которым подчинено развитие каждой из сфер общества. В реалиях «постиндустриального общества», по его мнению, происходит изменение «осевого принципа» «социальной структуры» – «центральное значение теоретических знаний и их кодификация» приходит на смену принципу «экономизации».

Под «экономизацией» Белл понимает «способ выделения ресурсов в соответствии с принципами наименьших затрат, заменяемости, максимизации, оптимизации и т.д.»²¹⁵, тогда как новый принцип должен способствовать отходу от *стихийного* экономического развития и переходу в «новую фазу экономической истории – фазу *сознательного, планируемого* продвижения технологических изменений и на основе этого уменьшения неопределенности хозяйственного будущего (курсив мой. – Д. К.)»²¹⁶. В рамках фазы «экономизации» экономические агенты принимают решения на основе сопоставления *индивидуальных* результатов и затрат, т.е. на основе экономической рациональности, тогда как фазе «постиндустриальной» экономики соответствует принятие решений на основе *общественных* результатов и затрат, исчисление которых невозможно без теоретического понимания экономических процессов. Поэтому новой фазе экономического развития и соответствует **техническая рациональность**, трактуемая как принятие решений исключительно на основе теоретических моделей, последовательное применение (теоретической) науки в хозяйственной практике.

Однако, как показал анализ понимания категории рациональности в постиндустриализме, такой вывод *не подтверждается* даже для самой *теории* – постиндустриалисты продолжают оперировать неоклассической моделью экономической рациональности при описании групповых действий. Аналогичная ситуация наблюдается и на *практическом* уровне – в рамках технической рациональности действуют лишь сами ученые (и то не все) и специалисты при осуществлении своей профессиональной деятельности, тогда как экономическая рациональность остается общей гносеологической установкой западного общества, а планирование экономического развития не выходит за рамки корпораций из-за наличия рыночных механизмов регулирования экономики – т.е. в условиях «постиндустриализации» сохраняются *капиталистические* основы общества.

Для наиболее полного описания постиндустриальных тенденций Белл использует и базовую идею второй волны технократизма – отделение функции владения собственностью от функции управления. «Собственность сегодня представляет собой просто юридическую фикцию»²¹⁷, – утверждает он. Постиндустриальная теория воспроизводит

---

²¹⁵ Там же. С. 16.

²¹⁶ Там же. С. 34.

²¹⁷ Белл Д. Указ. соч. С. 397.

узкую трактовку собственности как юридического отношения, характерную в частности для теоретиков концепции «революции управляющих», и, в общем, для немарксистских ученых-экономистов. При этом экономическая сторона собственности остается скрытой от них. По Марксу, отношения собственности – это экономические отношения, взятые в их целостности: «...определить буржуазную собственность, – писал он, – это значит не что иное, как дать описание всех общественных отношений буржуазного производства»²¹⁸. Узкая трактовка собственности как юридического отношения, таким образом, указывает на специфику постиндустриального понимания общественных отношений – акцент делается именно на *техничко-организационных* аспектах, тогда как их *социально-экономическая* форма игнорируется.

Технократический посыл постиндустриальной модели общества предполагает закономерный вопрос: «Кто будет управлять?». Его Белл выносит в название одной из глав своего фундаментального труда. Оставляя «последнее слово» за политиками, Белл всё же отдает определяющую роль технократам: «Важнейшие решения относительно экономического роста и его сбалансированности будут приниматься правительством, но базироваться на финансируемых им исследованиях и разработках, на сравнительном анализе издержек и эффективности, издержек и прибылей; вследствие сложных взаимосвязей принимаемых решений они всё в большей степени будут носить *технический* характер (курсив мой. – Д.К.)»²¹⁹. Здесь вновь проявляется идея дихотомии рациональностей, однако в несколько иной форме. Если при рассмотрении «осевого принципа» «постиндустриального общества» Белл противопоставлял «техническую» рациональность экономической (традиционная для технократизма трактовка), то в данном случае мы видим *противопоставление рациональности иррациональности* в духе дихотомии Веблена – подготовка решений полностью рациональна, тогда как политики могут выбрать, принимать или не принимать конкретное решение на иррациональном, по мнению Белла, основании (хотя очевидно, что их выбор определяется социальной позицией и личным интересом).

В отношении технократии как социальной группы Белл также крайне непоследователен. С одной стороны, он утверждает, что необходимо разграничивать «технического специалиста, который отождествляется с применением знаний, и технократа, который занимается осуществлением власти»²²⁰. С другой стороны, одной из главных черт «постиндустриального общества» является становление нового господствующего класса – «класса» профессионалов. «В постиндустриальном обществе технические знания становятся основой, а образование – средством достижения власти, – пишет Белл. – Если

²¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 168.

²¹⁹ Белл Д. Указ. соч. С. 430.

²²⁰ Там же. С. 104.

доминирующими фигурами последних ста лет были бизнесмен, предприниматель и промышленный администратор, то «новыми людьми» станут ученые, математики, экономисты и социологи, практики новой «интеллектуальной технологии», которая нарождается благодаря появлению вычислительных машин. Основными учреждениями нового общества, поскольку от них будут зависеть творческий поиск и отбор лучших талантов, станут интеллектуальные учреждения»²²¹. Социальной основой данной идеи становится рост доли профессионалов в структуре занятости, но этот факт искажается в постиндустриальной теории в традиционном для технократизма ключе: экспертная «власть» приравнивается к реальной – политической власти, в результате чего «постиндустриальное общество» приобретает черты технократического.

Обращение постиндустриалистов к темам дихотомии рациональностей, трансформации отношений собственности и технократического управления говорит об их явной приверженности технократическому мировоззрению. Хотя в постиндустриальной теории затрагиваются базовые идеи обеих «волн технократизма», общий идейный посыл постиндустриализма соответствует скорее второй, «реформистской» волне технократизма, нежели первой: об этом, в первую очередь, говорит **идеализация капиталистической экономической реальности**. Вывод об изменении «осевого принципа» (и типа рациональности) в «постиндустриальном обществе» основывается на, якобы, уже произошедшем замещении фигуры капиталиста фигурами ученого и специалиста в современном обществе. Социальной основой последней идеи, в свою очередь, является реальный факт – возрастание роли науки в обществе. Разумеется, подобная логика допустима лишь в случае *приверженности методологии технологического детерминизма*, поскольку иначе было бы необходимо обратиться к анализу социально-экономической формы научно-технического прогресса. Однако такая перспектива, по-видимому, не устроила главного теоретика постиндустриализма, поэтому в своих работах он пытался обосновать неактуальность марксовой диалектики производительных сил и производственных отношений.

Американский постиндустриалист отмечает, что «анализ изменений, которые с течением времени претерпевает способ производства (например, при переходе от рабовладельческого строя к феодализму и от феодализма к капитализму), показывает, что между этими двумя категориями нет ярко выраженной или последовательной связи»²²². На основании подобных рассуждений он предлагает рассматривать производительные силы и производственные отношения как две логически независимые переменные.

На наш взгляд, подобная позиция не вполне обоснована, поскольку Белл превратно трактует способ производства, что позволяет ему утверждать об отсутствии взаимосвязи производительных сил и производственных отношений. К. Маркс считал, что «в

---

²²¹ Там же. С. 465.

²²² Там же. С. XXVIII.

общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые *соответствуют* определенной ступени развития их материальных производительных сил (курсив мой. – Д.К.)...»²²³. Разумеется, капиталистические отношения (например, в форме простой кооперации) существовали и во времена средневекового феодализма, однако об их господстве стало возможным говорить только после промышленной революции, создавшей материальную базу, *адекватную* им. Такова аутентичная позиция Маркса, далекая от белловской примитивизации.

При этом, даже после деструкции диалектического единства производительных сил и производственных отношений Белл, следуя технократической традиции, в качестве ключевой оси координат общественного развития выбирает производительные силы, становясь на позиции технологического детерминизма, от которого ему так хотелось отказаться.

Далее Белл утверждает, что «К. Маркс назвал существующий способ производства капиталистическим, но если мы отнесем термин «капиталистический» только к социальным отношениям, а «индустриальный» – к техническим средствам, то сможем понять, каким образом развертываются различные ряды последовательности. В этом смысле возможно существование как социалистических, так и капиталистических постиндустриальных обществ...»²²⁴. И вместе с тем он отмечает, что «марксистская концепция способствует пониманию природы *капиталистического* общества, но... вряд ли пригодна для анализа грядущих *постиндустриальных* процессов (курсив мой. – Д.К.)»²²⁵. Здесь технологический детерминизм проявляется еще четче: постиндустриальное общество приравнивается к посткапиталистическому, поскольку (экономическая) специфика капиталистических отношений игнорируется.

Таким образом, несмотря на ряд непоследовательностей, **технологический детерминизм становится методологической основой постиндустриальной теории**, что позволяет говорить о ней как о технократической. В соответствии с данным принципом искажаются и представления о структуре общественного производства в постиндустриальном обществе. Так, связь между такими сторонами общественного производства, как производство и потребление, материальное и духовное производство, взаимодействие человека с природой и взаимодействие между людьми, разрывается.

Традиционной чертой технократических концепций было акцентирование внимания на процессе производства, абсолютизация его роли в общественной жизни. Такое представление характерно и для постиндустриализма. Белл отмечает, что «индустриальное общество представляет собой совокупность людей и машин, подчиненных производству благ.

²²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 6.

²²⁴ Белл Д. Указ. соч. С. 154.

²²⁵ Там же. С. XXVIII.

Постиндустриальное общество... складывается вокруг знаний, что, в свою очередь, порождает новые общественные отношения и новые институты...»²²⁶. Другими словами, в «постиндустриальном обществе» деятельность сферы *нематериального производства* определяет общественные изменения, а процесс производства и потребления продуктов данной сферы становится ключевым. При этом Белл игнорирует роль материального производства, забывая, что оно создает материально-техническую базу для функционирования и воспроизводства как самого себя, так и сферы нематериального производства.

В результате возникает парадоксальное представление о «постиндустриальном производстве» как о производстве знаний с помощью знаний без какого-либо существенного участия материальной сферы. Разумеется, подобное представление верно, например, для деятельности поэта или философа, однако в корне неверно для общественного производства как такового. В постиндустриальной теории отмечается только прямая связь между производством нематериальной сферы и потреблением общества в целом, что формирует представления об определяющей роли науки в общественном производстве. В свою очередь, механизм обратной связи в данном случае требует учета особенностей экономических отношений, определяющих специфику потребления, и таким образом, влияющих на процесс производства нематериального сектора. Но как было отмечено, постиндустриалисты, следуя методологии технологического детерминизма, абсолютизируют именно технико-организационные аспекты, игнорируя их общественную форму. Поэтому развитие техники представляется экономически нейтральным, а представление об определяющей роли знания – теоретически закономерным и истинным. Таким образом, на основании (1) **абсолютизации процесса производства**, (2) **игнорировании связи производство-потребление**, а также (3) **отрицании связи материального и нематериального производства** формируется представление о том, что «постиндустриальная экономика – это, прежде всего, экономика услуг»²²⁷.

В рамках разделения единства производства-потребления у постиндустриалистов возникает и весьма противоречивое представление о соотношении материального и духовного производства, о воспроизводстве материальной стороны жизни человека и его личности в процессе общественного производства. Так, Белл неявно разделяет нематериальное и духовное производство, исключая последнее из сферы экономики: «воплощение и совершенствование собственной личности» представляется как задача исключительно сферы культуры²²⁸. В результате «постиндустриальное общество» становится системой «производства ради производства», а поскольку развитие техники и технологии в рамках производства отождествляется с общественным прогрессом, то возникает

²²⁶ Белл Д. Указ. соч. С. 25.

²²⁷ См.: Там же. С. 13.

²²⁸ Белл Д. Указ. соч. С. 16.

неявное утверждение о техническом характере общественных проблем и противоречий, свойственное большинству технократических концепций. Однако не следует забывать, что в капиталистической системе рост производства опосредован ростом капитала. В свою очередь, рост капитала становится основной целью капиталистического производства, тогда как цель воспроизводства работника, материальной и духовной сторон его жизни, отходит на второй план, а порою игнорируются и даже подавляются.

«Если рассматривать буржуазное общество в его целом, – писал К. Маркс, – то в качестве конечного результата общественного процесса производства всегда выступает само общество, т.е. сам человек в его общественных отношениях»²²⁹. Приверженность Белла специфическим представлениям о соотношении индивидуального и общественного – крайний **методологический холизм**, мешает ему увидеть влияние общественного производства на индивида, его первоначальную цель и модификацию системы целей в условиях капитализма. Поэтому **воспроизводство общества и воспроизводство индивида рассматриваются как два несвязанных явления**: первое осуществляется в «социально-экономической сфере», второе – в «сфере культуры». Соответственно, и отношения между людьми теряют характер экономических. На этой методологической некорректности впоследствии произрастает и теория «постэкономического общества» В. Иноземцева.

Также следует отметить теоретическое размежевание взаимодействия человека с природой и взаимодействия между людьми. Поскольку постиндустриалисты придерживаются позиции технологического детерминизма, т.е. акцентируют внимание на аспекте производительных сил, то было бы логичным ожидать вынесение в особенности «постиндустриального общества» специфическую трактовку взаимодействия человека и природы. Подобный взгляд мог бы полностью соответствовать традиционному для технократизма восприятию экономической реальности. Однако в действительности мы можем наблюдать обратную картину: Белл отмечает, что «доиндустриальное общество организовано вокруг «взаимодействия с природой»... Индустриальное общество – это «взаимодействие с преобразованной природой»... Постиндустриальное общество основано на «игре между людьми»...»²³⁰. Этот тезис, действительно, представляется крайне противоречивым для традиционной трактовки технологического детерминизма, однако вполне закономерным для постиндустриальной теории. Так, ключевым моментом постиндустриализма становится именно нематериальный характер экономики, требующий акцента на человеческих отношениях. Однако, во-первых, построение концепции в русле технологического детерминизма не позволяет считать такие отношения культурно обусловленными, иначе пришлось бы отрицать определяющее влияние науки на развитие общества; во-вторых, технологический детерминизм опровергает и объективный (экономический) характер обще-

²²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 2. С. 222.

²³⁰ Белл Д. Указ. соч. С. 157.

ственных отношений. В итоге, в постиндустриальной теории межличностные отношения разделяются на технико-производственные («игра между людьми» по принципу технической рациональности), политические («игра между людьми» на основе следования групповым интересам) и культурные («игра между людьми» как общение, процесс духовного развития и саморазвития). Следовательно, **подмена экономических отношений технико-производственными** становится еще одной специфической чертой технократического восприятия общества постиндустриальной теорией.

Рассмотренные теоретические особенности постиндустриализма позволяют характеризовать его как технократическую концепцию, поскольку она (1) **воспроизводит основные технократические идеи** (дихотомия технической и экономической рациональности, трансформация формы собственности, технократическое управление обществом), и (2) **использует базовые методологические принципы технократизма** (методологический холизм и технологический детерминизм). Особенность постиндустриального технократизма, прежде всего, заключается в **изменении социальной основы концепции** – от материального производства к производству нематериальному. Постиндустриалисты в традиционной для технократического мировоззрения манере трактуют реальные экономические процессы, используя эклектичное сочетание (искаженной) марксистской и (видоизмененной) технократической методологий. Это находит свое отражение во множестве теоретических противоречий, рассмотренных выше.

Как показал вышеприведенный анализ, западная постиндустриальная теория может характеризоваться как технократическая, поскольку ее авторы придерживаются как идейных, так и методологических традиций технократического восприятия экономической реальности. Поэтому было бы логичным предполагать, что и отечественное постиндустриальное направление, отталкивающееся от теоретических достижений западного постиндустриализма, не могло избежать рассмотрения ключевых технократических идей.

Однако в работах В. Иноземцева, посвященных концепции «постэкономического общества», достаточно сложно проследить явное обращение к идее дихотомии технической и экономической рациональностей, традиционной для технократического дискурса. Причины невнимания отечественного ученого к вопросам рациональности, рассмотренные в п. 2.1, вероятно, объясняют и отсутствие специфической трактовки рассматриваемой дихотомии применительно к «постэкономическому обществу». Однако мы сталкиваемся с дихотомией труда и творчества – ключевым теоретическим постулатом концепции Иноземцева: «мы говорим о постэкономическом обществе вовсе не как о таком типе социального устройства, где прекращается хозяйственная деятельность человека, а о таком, где она уже не задается традиционно понимаемой *экономической целесообраз-*

ностью (курсив мой. – Д.К.)»²³¹. «Экономическая целесообразность» противопоставляется мотивации человека в «постэкономическом обществе» – развитии его личности в процессе творчества.

«Экономическую целесообразность» Иноземцева можно отождествить с экономической рациональностью, т.к. по сути, в рамках этих понятий конечной целью деятельности индивида становится возрастание капитала. На это, в частности, указывает анализ развития идей рациональности в экономической науке: мотив собственного интереса и экономическая рациональность первоначально связывались лишь с классом капиталистов, однако впоследствии они распространились (на уровне теории, и, частично, практики) на всех индивидов. Это указывает на «экономизацию», или, точнее, «капитализацию» общественного сознания: капиталист, придерживаясь оптимизационного поведения, увеличивает свой (промышленный, финансовый, торговый) капитал, работник – так называемый «человеческий капитал» и другие различные виды капитала – «социальный», «интеллектуальный».

Если «экономическая целесообразность» тождественна экономической рациональности, то формальное тождество между технической рациональностью и поведением творческого «постэкономического» человека вряд ли можно отметить. Однако при более детальном рассмотрении можно увидеть и их некоторые идейные сходства. Обратимся к ключевым чертам рационального поведения в представлении технократов: его основа – 1) следование *объективным* законам науки и техники, противопоставляемое поведению, обусловленному субъективным (как считается) закономерностям функционирования общества; его цель – (2) *оптимизация функционирования и выбор направления развития* системы на основе знания этих механистических законов; оценка деятельности – (3) отождествление поведения в рамках технической рациональности с *общественно* полезным. Для поведения творческого человека, в свою очередь, характерны: (1) следование внутренним, по определению *субъективным* мотивам²³², противопоставляемое материально мотивированному поведению (капиталистическому, экономическому, детерминированному объективно заданной формой общественных отношений); (2) главным направлением для оптимизации функционирования системы является создание среды, обеспечивающей максимально возможное развитие личности; (3) творческая деятельность признается наиболее полезной для развития общества.

Таким образом, техническая рациональность выступает своеобразным аналогом поведения творческого человека, а магистральной линией изменений в данном случае становится *субъективизация*. В рамках технократических представлений техническая

---

²³¹ Иноземцев В. Л. Расколота цивилизация. Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции. М., 1999. С. 30.

²³² Иноземцев В. Л. Расколота цивилизация. Наличествующие предпосылки ... С. 45.

рациональность представляется более высокой, перспективной формой по сравнению с экономической, аналогичную позицию занимает и поведение творческого работника по сравнению с экономически обусловленным поведением. Следовательно, можно отметить, что дихотомия экономической и технической рациональностей, по сути, заменяется в концепции постэкономического общества дихотомией труда и творчества. Речь идет об одних и тех же реальных явлениях, но по-разному обозначаемых, с акцентированием внимания на различных сторонах этих явлений.

Однако, несмотря на наличие определенных идейных сходств, теоретическая аргументация в пользу дихотомии труда и творчества отличается от сходной технократической идеи. Так, механистическая рациональность представляет собой *интернализацию* человеком механистических законов развития, тогда как поведение творческого человека не подчинено никаким законам. Точнее, Иноземцев говорит о преодолении «экономических законов»²³³ в «постэкономическом обществе», но взамен не рассматривает законы этого нового общества (если они вообще существуют). В итоге, мы видим оппозицию объективного и субъективного в рамках рассматриваемых понятий.

При этом можно отметить, что оба понятия выводятся из сходных предпосылок. В. Иноземцев отмечает, что замещение труда творчеством происходит на основе трех фундаментальных изменений: (1) высокой степени удовлетворения материальных потребностей человека в современном обществе; (2) превращения науки и знаний в непосредственную производительную силу; (3) изменения сущности потребностей (от материальных к нематериальным)²³⁴. Вторая особенность представляется нам основной, тогда как остальные изменения, по сути, являются ее следствием и представляют собой соответствующие изменения структуры общественного производства в условиях НТП. «Становление постэкономического общества представляет собой результат медленной общественной эволюции, в ходе которой *технологический* и *хозяйственный* прогресс воплощается не столько в наращивании объема материальных благ, сколько в изменяющемся *отношении человека к самому себе*... (курсив мой. – Д. К.)», – считает Иноземцев.

Из этого следует, что идея дихотомии труда и творчества хотя и является во многом отличной от классической технократической идеи дихотомии рациональностей, первая идея повторяет логику последней: более совершенная, будущая модель поведения противопоставляется предыдущей. Несмотря на противоположный характер двух форм поведения (механистическое рассматривается как объективное, творческое – как субъективное), в теоретическом плане их модели выводятся из одинаковой предпосылки: технический и хозяйственный прогресс обуславливают изменение специфики дея-

²³³ Например, закона стоимости (см.: Иноземцев В. Л. Концепция постэкономического общества: теоретические и практические аспекты : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01, 22.00.03. М., 1998. С. 136-189).

²³⁴ Иноземцев В. Л. Расколота цивилизация. Наличествующие предпосылки ... С. 46.

тельности человека, а значит и его внутренних установок. При этом концепция «постэкономического общества» учитывает те тенденции развития экономической реальности, которые еще не проявлялись во время создания большинства технократических концепций. Это, в частности, интеллектуализация труда²³⁵, которая, на наш взгляд, и приводит к модификации рассматриваемой традиционной для технократизма идеи.

В концепции В. Иноземцева модифицируется и идея о трансформации явления собственности в новом обществе. На смену частной в «постэкономическом обществе» приходит личная собственность, которая характеризуется «соединенностью работника и условий его труда»²³⁶. Иноземцев отходит от трактовки собственности как юридического отношения, характерной для технократических концепций прошлого века, и рассматривает ее как экономическое отношение (что характерно для марксистской теории): «*Частная собственность выступает атрибутом этапа зрелости экономического общества; именно в ней запечатлены его основные закономерности, именно она отражает проникновение экономического типа отношений не только в сферу обмена, но и в сферу производства*»²³⁷. Таким образом, в «постэкономическом обществе» исчезают капиталистические отношения, поскольку, во-первых, *материальные средства производства* перестают играть определяющую роль, а главной производительной силой «постэкономического общества» становится *творческий индивид*, воплощающий в себе прогресс науки и технологий. В рамках данного тезиса предполагается, что знания и информация находятся в *личной* собственности такого индивида. Во-вторых, «возникает реальная возможность распространения собственности работника на материальные условия производства»²³⁸ – приобретение компьютера и необходимых программ не требует масштабных капиталовложений и может быть осуществлено большинством творческих работников.

Таким образом, логика трансформации собственности по В. Иноземцеву отличается от аналогичных представлений западных технократов, однако их выводы во многом сходятся: (1) капиталистическая форма собственности перестает быть определяющим фактором общественного устройства в «новом» обществе; (2) причина изменений формы собственности кроется в изменении специфики хозяйственной деятельности; (3) главной формой собственности в «новом» обществе становится обладание способностями (к управлению производством или осуществлению творческой деятельности) и соответствующими знаниями; (4) работники, владеющие такого рода собственностью, становятся ключевой группой «нового» общества²³⁹.

²³⁵ Логачев В. А., Мартыничук О. И. Противоречия и интегративные тенденции постиндустриализации общественной формы труда. Кемерово, 2008. С. 37.

²³⁶ Иноземцев В. Л. Расколота цивилизация. Наличествующие предпосылки ... С. 71.

²³⁷ Там же. С. 69.

²³⁸ Там же. С. 80.

²³⁹ В. Иноземцев отмечает, что «знания и информация превращаются в важнейший ресурс производства, а основой отнесения людей к господствующему классу становятся контроль над этим ресурсом и возможность рас-

Четвертая особенность идеи трансформации собственности связывает ее с идеей технократического управления: «новым» обществом должны управлять люди, наиболее знакомые с механизмами его функционирования. По сути, данная идея основывается на приравнивании экспертной (производственной) и политической власти. Иноземцев, говоря о «классе интеллектуалов», четко разделяет его политическое и экономическое положение. Акцент, в свою очередь, делается на последнем: «этот класс [интеллектуалов], ставший воплощением разворачивающейся на наших глазах информационной революции, обретает *реальный контроль* над процессами общественного производства (курсив мой. – Д. К.)»²⁴⁰. Таким образом, Иноземцев не делает выводов о необходимости революционного установления политической власти технократов-«интеллектуалов» (в отличие от Веблена или Сен-Симона), а придерживается реформистских представлений о технократическом управлении, характерных как для «второй волны» технократизма, так и для постиндустриальной теории, утверждая, что реальная *экономическая* власть уже находится в руках представителей технократического класса.

В трактовке Иноземцева наиболее отчетливые черты приобретает мысль не о замене капиталистического экономического господства технократическим (механистическим), а о «технократизации» капитализма, проявляющейся и в соответствующем «сращивании» классов капиталистов и технократов-«интеллектуалов». Это подтверждает и сам В. Иноземцев, считая, что «на наших глазах происходит некий противоречивый синтез *научной, предпринимательской и политической элит*, формирующий ту общность, которая названа нами «классом интеллектуалов». Деятельность его представителей движима мотивами, как свойственными научному сообществу, так и присущими предпринимательской и политической элитам (курсив мой. – Д. К.)»²⁴¹. Если учесть, что политическая и предпринимательская элиты традиционно относятся к господствующему классу в условиях капитализма, то основой «постэкономической трансформации» становится всего лишь включение в этот класс элиты ученых. Соответственно, «технократизация» мировоззрения «нового» класса идет за счет распространения мотивов, взглядов и идеалов элиты ученых среди представителей других групп элит, принятия их в качестве базы этого «нового» класса.

Таким образом, можно отметить **идейную близость концепции «постэкономического общества» технократической парадигме**, поскольку в ее рамках в специфической форме нашли *отражение* три ключевые идеи технократизма: дихотомия экономической и технической рациональностей, трансформация формы собственности и тех-

---

поряжаться им» (Иноземцев В.Л. "Класс интеллектуалов" в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 63).

²⁴⁰ Иноземцев В. Л. "Класс интеллектуалов" в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 64.

²⁴¹ Иноземцев В. Л. Наука, личность и общество в постиндустриальной действительности // Российский химический журнал. Том XLIII. 1999. № 6. С. 23.

нократическое управление. Характерной особенностью трактовки данных идей в концепции «постэкономического общества» является ее реформистская позиция и неявный акцент на технологическом развитии: на современном этапе капиталистические отношения разрушаются под воздействием НТП, а им на смену приходит новый, неантагонистический тип отношений, основанный на качественно новом факторе производства – знаниях и информации. Именно из специфических характеристик этого нового фактора производства (таких как неотчуждаемость, уникальность, невозпроизводимость и т.д.²⁴²) выводятся и сущностные черты нового господствующего типа деятельности.

В подобной трактовке можно заметить черты *технодетерминистского восприятия* экономической реальности: из специфики нового типа деятельности человека, распространение которого обусловлено научно-техническим развитием выводится представление об особенностях новой системы общества. Так, если деятельность творческого индивида преследует своей главной целью развитие собственной личности, то, значит и общественное производство нацелено на развитие личности каждого конкретного индивида. Такая логика представляется нам не вполне верной, поскольку она не просто предполагает трансформацию экономических отношений в «постэкономическом обществе» вслед за трансформацией мотивов деятельности индивидов (их «постматериальной мотивации»), но строится на отождествлении общественных отношений и (индивидуальной) мотивации.

Действительно, для работников, занятых творческой деятельностью, верность подобной логики подтверждается реальностью – целью их деятельности становится развитие своей личности, поскольку их материальные потребности не только уже удовлетворены, и вообще, удовлетворяются «автоматически» (но только в развитых странах) в связи с высокой (материальной) оценкой их деятельности обществом. Однако при более широком взгляде мы можем увидеть и связь постматериальной мотивации творческих работников и материальной мотивации капиталистов: чем более работники заинтересованы в осуществлении своей деятельности (поскольку их цель – саморазвитие в процессе деятельности), тем эффективнее они работают, а значит, тем выше будущая прибыль капиталиста.

Более того, в современных экономических реалиях воспроизводство капитала невозможно без предельного внимания к технико-организационной стороне научного прогресса, следствием чего, на наш взгляд, и является рост экономического значения «класса интеллектуалов». Другими словами, если говорить категориями модели «факторов производства», вместо создания нового фактора – знаний и информации, происходит модификация уже существующего – труда. Фактор капитала, в свою очередь, также мо-

---

²⁴² Иноземцев В.Л. Концепция постэкономического общества: теоретические и практические аспекты : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01, 22.00.03. М., 1998. С. 90; Иноземцев В.Л. "Класс интеллектуалов" в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 74.

дифицируется, распространяя цель своего самовозрастания и на относительно новую для него сферу духовного производства. В результате на уровне общественного производства *действительной* целью «постэкономического общества» остается возрастание капитала, а вовсе не развитие личности, как считает В. Иноземцев.

Именно здесь и проявляется ключевое противоречие этого «нового» общества, неочевидное для приверженцев реформистской позиции – противоречие между целями индивида и целями общества. Подобное противоречие характерно и для капиталистической системы, а основное различие между «капиталистическим» и «постэкономическим» восприятием этого противоречия заключается, на наш взгляд, в характере субъективных оценок. Так, для субъектов капиталистических отношений данный антагонизм был достаточно очевиден, в «постэкономическом» же обществе подобная ясность восприятия теряется, поскольку творческие работники не ощущают эксплуатации их способностей капиталистами. Однако это субъективный уровень восприятия экономической реальности, тогда как экономические отношения носят объективный характер, т.е. даже если кто-то не ощущает существование подобного рода антагонизма, это не значит, что он отсутствует как таковой. Конечно, это не умаляет глубины и важности «постэкономической трансформации», однако не следует и абсолютизировать ее значение.

Обратимся к более детальному анализу методологии «постэкономического общества», затронутую при рассмотрении «постэкономических» идей с позиции технократизма. Как было отмечено, в работах В. Иноземцева можно усмотреть черты технологического детерминизма, однако они не столь ярко выражены, как в большинстве технократических концепций. Анализ западного постиндустриального направления подтвердил предположение, что следование методологии технологического детерминизма при построении концепции общественного развития вызывает закономерные «деформации» в понимании структуры общественного производства. Постараемся проследить подобные явления и в отношении концепции «постэкономического общества».

В первую очередь, следует отметить смещение акцентов в постэкономической концепции в сторону потребления: «радикально изменилась сущность *потребления*, вследствие чего новизна и креативность стали важнейшими условиями успеха *производства* (курсив мой. – Д. К.)»²⁴³, – отмечает В. Иноземцев. Мы согласны с позицией отечественного постиндустриалиста в той мере, в какой она отражает реальные экономические тенденции. Потребление, зачастую игнорируемое в технократических концепциях, действительно, занимает важное место в структуре общественного производства. Однако не следует забывать и о роли производства, о неразрывной связи «производство-потребление». В концепции «постэкономического общества» прогресс производительных сил, с одной стороны, представляется материальной основой становления новой

²⁴³ Иноземцев В. Л. Расколота цивилизация. Наличествующие предпосылки ... С. 46.

мотивации деятельности, но с другой стороны – теряет значение по мере приближения данных тенденций к завершенности.

Подобная теоретическая асимметрия основывается на подходе, умаляющем роль материального производства в «новом» обществе, обозначенном в постиндустриальной теории и воспроизведенном в концепции «постэкономического общества». Так, с одной стороны, утверждается, что «на основе технологического прогресса материальное производство получает новые, фактически безграничные возможности»²⁴⁴, и, вместе с тем, «там, где источником хозяйственного развития выступает теоретическое знание, *материальное производство* как таковое утрачивает свою абсолютно доминирующую роль»²⁴⁵. Таким образом, умаление роли материального производства при описании структуры общественного производства «нового» общества постулирует своеобразное «всеобщее материальное благосостояние» его членов, т.е. их материальные потребности, якобы, полностью удовлетворяются, а значит и материальное производство не играет прежней роли в структуре общественного производства. Но, как было рассмотрено выше, подобная аргументация основывается на отождествлении экономического положения представителей «класса интеллектуалов» и всех остальных членов общества, что явно не соответствует реальности. Тем более, сам В. Иноземцев утверждает, что «*границы "класса интеллектуалов" никогда не могут расширяться до масштабов общества в целом*»²⁴⁶. Это указывает **несоответствие «постэкономической» трактовки экономической реальности**, в которой материальное производство все же «имеет значение».

Невнимание к материальному производству обуславливается и крайне непоследовательной позицией теоретиков «постэкономического общества» по отношению к роли материального производства в воспроизводстве и функционировании сферы нематериального производства. Так, с одной стороны в качестве главного фактора производства выдвигаются знания и информация, находящиеся, согласно Иноземцеву, в личной собственности работников, с другой стороны – постулируется снятие антагонизмов капиталистического общества за счет того, что собственность работников в новых реалиях может быть распространена и на материальные условия производства (например, компьютеры). На наш взгляд, не вызывает сомнения тот факт, что нематериальное производство не может функционировать без потребления продуктов материального производства. Однако в концепции «постэкономического общества» подобная связь игнорируется, а материальное производство рассматривается лишь как социальная предпосылка становления нового общества, в котором само материальное производство «обесценивается» для общества.

---

²⁴⁴ Там же. С.51.

²⁴⁵ Там же.

²⁴⁶ Иноземцев В. Л. "Класс интеллектуалов" в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 74.

Позиция отечественных постиндустриалистов по поводу соотношения материального и духовного производства, обеспечивающих, соответственно, воспроизводство материальной стороны жизни человека и его личности соответствует их асимметричным взглядам на структуру общественного производства. Так, материальные потребности признаются несущественными в рамках «постэкономического общества», поскольку предполагается их автоматическое удовлетворение, тогда как значение воспроизводства личности человека абсолютизируется, признается целью как индивидуальной деятельности, так и общественного производства. Однако, как было рассмотрено выше, подобный гуманистический посыл не вполне теоретически корректен, поскольку индивидуальные мотивы узкой группы работников не следует отождествлять с целями общественного производства системы, сохраняющей капиталистические черты.

Также стоит отметить, что трактовка Иноземцевым данного вопроса существенно отличается от трактовки Белла: отечественный постиндустриалист, в отличие от своего западного предшественника, усматривает взаимосвязь между общественными и индивидуальными целями. Однако отождествление индивидуальных целей и цели системы общественного производства привело Иноземцева к (1) поспешным выводам о **«субъективизации»** и **«деэкономизации» общественных отношений** и связанному с этим (2) **игнорированию** важности **воспроизводства материальной стороны** жизни человека и общества.

Если трактовка соотношения материального и духовного производства в работах Иноземцева отлична от западной постиндустриальной трактовки, то по вопросу о соотношении взаимодействия человека с природой и межличностного взаимодействия их позиции совпадают. «Творчество побуждается стремлением человека к самосовершенствованию, его целью выступает сам человек как нечто большее, нежели то, что он представляет собой в настоящий момент, – отмечает отечественный постиндустриалист. – В этом процессе главное значение имеет не деятельность по *преобразованию вещной природы, а взаимодействие между индивидами* (курсив мой. – Д. К.)»²⁴⁷. Разумеется, творческая деятельность в организационном отношении представляет собой, преимущественно, субъект-субъектное взаимодействие, однако в рамках рассмотрения общественного производства нельзя забывать и об экономической сущности такого рода деятельности. В частности, специалист творческой сферы может выступать как в роли лица, только создающего интеллектуальный продукт (наемного работника), так и лица, еще и присваивающего этот произведенный продукт и доход от него (капиталиста). Таким образом, взаимоотношения между людьми в рамках экономики опосредуются продуктами их труда, а сам факт того, что продукт творческой деятельности нематериален, еще не означает деструкцию экономической (объективной) стороны субъект-субъектного взаи-

---

²⁴⁷ Иноземцев В. Л. Концепция постэкономического общества: теоретические и практические аспекты : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01, 22.00.03. М., 1998. С. 100.

модействия, как это представляют отечественные и западные постиндустриалисты. Если для западной постиндустриальной теории было характерно соотнесение экономических отношений с технико-организационными, то в отечественном постиндустриализме мы видим игнорирование экономической природы общественных отношений. Таким образом, в данном аспекте «постэкономическое общество» становится неэкономическим, т.е. преодолевает экономику и погружается в хаотичный (лишенный закономерностей) процесс самосовершенствования индивидов. Подобные прогнозы вряд ли когда-нибудь могут стать реальностью, а на данный момент об этом даже нет смысла говорить. Данное положение тем более противоречиво, поскольку в «постэкономическом обществе» происходит лишь субъективный уход от экономики, а объективная составляющая этого процесса в теории не рассматривается. Поэтому можно отметить **игнорирование экономической стороны межличностного взаимодействия в духовном производстве** в рамках концепции «постэкономического общества».

Рассмотренные особенности понимания структуры общественного производства в концепции «постэкономического общества» позволяют говорить о ее значительном сходстве с западной постиндустриальной трактовкой. Отечественные постиндустриальные исследования В. Иноземцева, хотя и отходят от *технодетерминистской методологии*, все же **заимствуют** из западного постиндустриализма **ряд ключевых постулатов**, построенных на ее использовании: в частности, идеи о (1) несущественности материального производства в структуре общественного производства «нового» общества; (2) отсутствии четкой связи между производством и потреблением; (3) ключевой роли межличностного взаимодействия и отсутствии у него экономической составляющей. При этом как показывает проведенный анализ, для концепции «постэкономического общества» более характерно обращение к политэкономической, нежели технодетерминистской методологии – по факту, здесь предпринимается попытка реинтерпретации рецептированных постиндустриальных идей на ином методологическом базисе. Это еще раз подтверждает синкретический характер данной концепции.

Подводя итоги п. 2.2. еще раз выделим, что рассмотренные теоретические и методологические **особенности отечественного постиндустриального направления позволяют характеризовать его как технократическое**. Так, на идейном уровне, в концепции «постэкономического общества» нашли свое отражение *ключевые постулаты технократизма* – дихотомия технической и экономической рациональности (в форме дихотомии труда и творчества), трансформация формы собственности (от частной собственности к личной) и технократическое управление (в реформистском восприятии: «интеллектуалы»-«технократы» уже управляют современной экономикой). Методологическое сходство основывается на использовании теоретиками «постэкономического общества» идей, полу-

ченных на основании методологии применения *технологического детерминизма*, тогда как непосредственное обращение к данной методологии отсутствует.

Особенность технократизма отечественных постиндустриальных исследований заключается в (1) использовании сочетания **постиндустриальных и марксистских тезисов** при обосновании ключевых положений технократизма; (2) смещении акцента с анализа объективных (техничко-организационных) процессов экономической реальности на исследование ее **субъективного восприятия человеком**.

Стоит еще раз отметить, что сущностью технократических представлений является формирование искаженного образа экономической реальности за счет абсолютизации одних тенденций, и умаления роли других. Как правило, в технократических концепциях рассматриваются технико-организационные аспекты эволюции производительных сил общества, а их роль в общественном развитии гиперболизируется. Несомненно, подобные представления не лишены объективных оснований – факт существенного влияния научно-технического прогресса во второй половине XX в. на общественное развитие вряд ли можно отрицать. Однако ключевым недостатком технократизма остается именно игнорирование ряда «несущественных» (по мнению технократов) аспектов общественного бытия, что приводит к закреплению подобной точки зрения в общественном сознании, формировании искаженного восприятия экономических процессов. В свою очередь, это искаженное восприятие воспроизводится и при осуществлении экономической политики, в результате чего выбираются неверные цели и ориентиры. В качестве примера можно привести экономическую политику России, в рамках которой идея о формировании «постиндустриального общества» приобрела характер догмы, а вместе с ней широкое распространение получили идеи о пользе незначительности материального производства в структуре общественного производства и об отсутствии острой необходимости его развития и поддержки на государственном уровне. Абстрактный, казалось бы, характер рассмотренных проблем методологии постиндустриальной теории имеет вполне ощутимые, практически значимые последствия.

Подводя итоги исследования дихотомии технической и экономической рациональностей и ее места в постиндустриальной теории, следует отметить, что:

1) Центральное положение в западной экономической мысли занимает трактовка рациональности как оптимизирующего поведения индивида («полная рациональность»), восходящая к представлениям о гедонистической природе человека Бентама и Госсена, и получившая детальное развитие в рамках маржинализма (Вальрас, Джевонс, Менгер, Бем-Баверк). Альтернативную трактовку рационального поведения предлагает Саймон, настаивая на «ограниченной рациональности» индивидов в силу их ограниченных когнитивных способностей – принимая решения, они не стремятся к глобальному оптимуму, а выбирают пер-

вый приемлемый вариант. Традиционные институционалисты (Веблен, Митчелл) отрицают свободу выбора индивидов, подчиняя их поведение правилам, привычкам и институтам.

2) Представления о технически рациональном поведении формируются в рамках технократических концепций социально-экономического развития (Сен-Симон, Веблен, Гэлбрейт и т.д.), имплицитно присутствуя в каждой из них. Техническая рациональность выступает в качестве формы осмысления и алгоритмизации технической деятельности, позволяющей рассматривать реальность в качестве объекта целеполагающей воли человека, естественное состояние которого может быть усовершенствовано. Ее характерными чертами являются: (1) направленность на системную перестройку естественного в искусственное, в т.ч. и на уровне общества; (2) ориентация на целенаправленное вмешательство в естественные процессы на основании следования объективным законам развития науки и техники; (3) силовой характер – готовность к разрушению неэффективных практик, несмотря на их ценностное значение; (4) рассмотрение возможностей человека как трудовых ресурсов, через утилизацию которых осуществляется построение рациональных схем управления.

3) Экономическая и техническая рациональности имеют единую концептуальную основу – механистическое восприятие процессов функционирования и развития общества. При этом экономическая рациональность характеризует специфику общественных отношений рыночной экономики в форме представления о рациональном поведении индивида как о максимизации его целевой функции, техническая форма – специфику индустриальных производительных сил, проецируя идеи о рациональном управлении производством на общество в целом. Соответственно, различие двух форм рациональностей имеет методологический характер: экономическая рациональность строится на принципах методологического индивидуализма, техническая – холизма.

4) Научным основанием технократических концепций является дихотомическое представление о рациональности, в рамках которого постулируется приоритет принципа технической рациональности управления обществом над максимизацией индивидом собственной целевой функции. Данное представление получило последовательное теоретическое отражение в традиционном институционализме в форме дихотомии «Индустрии» и «Бизнеса» (Веблен), противопоставления «техноструктуры» и акционеров корпорации (Гэлбрейт).

5) Социальной основой технократических концепций является развитие производительных сил, основанных на машинной технике. Наиболее последовательно в них отражается процесс концентрации производства – от мануфактур в работах Сен-Симона к индустриальным предприятиям у Веблена и корпорациям у Гэлбрейта. При этом для технократического восприятия экономической реальности характерно акцентирование внимания исключительно на технико-организационных аспектах общественного развития при игнорировании его социально-экономической формы.

6) Приверженность теоретиков западного постиндустриализма технократическому мировоззрению на уровне научных оснований подтверждается воспроизводством дихотомического представления о рациональности. Они утверждают, что при переходе на постиндустриальную стадию развития происходит смена «экономизированной» модели действия (принятие решений, оптимальных для конкретного индивида) на «социологизированную» (принятие решений, оптимальных для общества в целом). Техническая рациональность при этом трактуется как последовательное применение науки (прежде всего, теоретической) в хозяйственной практике, а постиндустриализация представляет собой рационализацию общества, переход от стихийного к сознательному, планируемому экономическому развитию. Проведенный анализ показывает, что в теоретическом аспекте рассмотренные представления во многом противоречивы: отсутствует четкая модель общественной рациональности, технически рациональное поведение носит узкогрупповой, а не всеобщий характер и т.д.

7) Социальной основой западного постиндустриализма является рост масштабов сектора нематериального производства в развитых странах. Использование в качестве теоретической основы эклектичного сочетания технократических идей и элементов политэкономической методологии привело к формированию в постиндустриальной теории противоречивых представлений о структуре общественного производства, выражающихся в: (1) отрицании связи материального и нематериального производства (основа идеи «экономики услуг»); (2) рассмотрении воспроизводства общества и воспроизводства личности как двух несвязанных явлений (т.о. в рамках экономической сферы человек воспринимается исключительно как «личный фактор производства»).

8) Проблематика разработки модели общественной рациональности, характерная для западного постиндустриализма, не рецептируется в отечественную концепцию «постэкономического общества». Подобное невнимание к проблеме рациональности на теоретическом уровне обусловлено как незрелостью капиталистических отношений в России, так и методологической спецификой отечественных постиндустриальных исследований в отличие от западных (следование марксистским, а не неоклассическим представлениям о поведении индивида).

9) Дихотомическое представление о рациональном поведении, характерное для технократических концепций, рецептируется в концепцию «постэкономического общества» и трансформируется в дихотомию «труда» и «творчества». Человеку «труда» свойственна утилитарно-материалистическая мотивация деятельности, его поведение основано на «экономической целесообразности»; для «творческого» человека целью деятельности является максимальное удовлетворение своих интересов как свободной личности, его поведение больше не детерминируется «экономической целесообразностью». При этом новый тип рационального поведения выводится не из специфики производительных сил нового общества (что характерно для технократических концепций), а строится на основании особенностей новых (по-

стэкономических) общественных отношений. Таким образом, рассматриваемая дихотомия сочетает в себе технократическую научную традицию с политэкономической идеей о существовании экономической и неэкономической сторон деятельности индивида.

10) Социальной основой концепции «постэкономического общества» является характерная для развитых стран тенденция к интеллектуализации деятельности, приводящая к возникновению «креативного класса». Теоретическое сочетание тезисов западного постиндустриализма и марксистской политэкономии приводит к частичной трансформации технократических представлений в данной концепции: (1) надутилитарная мотивация творческих работников приписывается всем членам общества (основа – рецептированная постиндустриальная идея об утрате материальным производством доминирующей роли); (2) важность воспроизводства материальной стороны жизни человека и общества игнорируется, важность воспроизводства духовной стороны – абсолютизируется (по сути, это новое выражение политэкономической идеи о целях непосредственно-общественного хозяйства в гиперболизированном виде).

11) Таким образом, концепция «постэкономического общества» на идейно-теоретическом уровне продолжает технократическую линию западного постиндустриализма, т.к. в ней отражены ключевые постулаты технократизма: дихотомия технической и экономической рациональности (в форме идеи о дихотомии труда и творчества), трансформация собственности (идея о переходе от частной собственности к личной) и технократическое управление обществом (в реформистской трактовке: «интеллектуалы»-«технократы» уже управляют современной экономикой). При этом на методологическом уровне имеет место лишь неявное использование характерной для технократизма методологии технологического детерминизма, сочетающееся с использованием элементов политэкономического метода.

В предшествующих главах были рассмотрены наиболее общие теоретические и ключевые методологические различия основных течений отечественного постиндустриального направления. В первой главе – с позиций их места (содержательного единства и различий, хронологической последовательности) в системе истории экономической мысли. Во второй главе эти различия были конкретизированы по критерию адекватности выражения методологического принципа рационализма в постэкономическом течении, претендующим на преемственность по отношению к западной постиндустриальной теории. Теперь нам требуется провести эти различия далее и дать детальный анализ *современных* научных теорий и концепций, ведь они не только определяют будущее отечественного постиндустриального направления (в теории), но и обозначают перспективы социально-экономического развития России (практического приложения этой теории).

ГЛАВА III ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОДЕРЖАНИИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ И ИХ ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ²⁴⁸

3.1 Содержательное различие основных подходов к трактовке постиндустриальной трансформации в западной и российской науке

При обращении к западным постиндустриальным исследованиям мы можем встретить ряд различных трактовок направленности общественных изменений в зависимости от специфики выбранного критерия периодизации общественных систем.

Отечественный исследователь постиндустриального общества В. Л. Иноземцев предлагает разделять все современные концепции общественных изменений на два подхода: «*один* подчеркивает отличия нового состояния социума от всех прежних; наиболее типичным образом это проявляется на терминологическом уровне в использовании понятий с префиксом «пост-». *Другой* нацелен на формулирование позитивных определений нового строя на основе выделения наиболее присущих ему признаков»²⁴⁹. Соответственно, в рамках первого подхода, включающего концепции «постмодерна», «постистории», «посткапитализма», «постбуржуазного» общества и др., «прослеживается нарастающая генерализация суждений о будущем человечества... Однако они [концепции] имеют настолько неопределённый и релятивистский характер, что даже будучи в состоянии подчеркнуть значимость наступающего исторического перелома, они оказываются совершенно неспособными ни четко определить основные черты будущего социального состояния, ни указать на его движущие силы»²⁵⁰. Представители второго подхода, наоборот, апеллируют к тому или иному из важнейших признаков нового общества. Наиболее авторитетной теорией в рамках данного подхода стали теории «экономики знаний» и «информационного общества», основы которых были заложены в работах Ф. Махлупа, Т. Умесао, М. Пората, Й. Масуды, Р. Катца и др. Как отмечает В.

---

²⁴⁸ В главе использован материал следующих публикаций диссертанта:

1) Кочергин, Д. Г. Содержание основных подходов к трактовке постиндустриальной трансформации в западной и отечественной науке // Многоуровневый анализ формирования инновационной экономики: мир-система, регион, предприятие / под ред. В. А. Логачева, Е. Е. Жернова. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2014. Гл. 1. С. 5-37;

2) Кочергин Д. Г., Логачев В. А. Постиндустриальный контекст стратегий социально-экономического развития России: национальный и региональный аспекты // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2013. № 2. С. 130-133;

3) Кочергин Д. Г., Логачев В. А. Целевое содержание предстоящей индустриализации: «пост» или «нео»? // Экономист. 2013. № 11. С. 13-19.

4) Кочергин Д. Г. О постиндустриальных тенденциях в отечественном профессиональном образовании // Образование и общество. 2012. № 6 (77). С. 91-96;

²⁴⁹ Иноземцев В. Л. Концепция постэкономического общества: теоретические и практические аспекты : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01, 22.00.03. М, 1998. С. 27.

²⁵⁰ Иноземцев В. Постиндустриальный мир Даниела Белла // Белл Д. Указ. соч. С. XIV.

Иноземцев, данный подход ведет «к отказу от обобщающих понятий и ограничивает исповедующих его исследователей изучением отдельных частных вопросов»²⁵¹.

При этом Иноземцев считает, что постиндустриальная теория сочетает в себе преимущества двух рассматриваемых подходов, и, соответственно, «...понятие постиндустриальное общество оказывается наиболее совершенным на фоне всех иных определений»²⁵². С одной стороны, постиндустриальная теория рассматривает современное общество с позиции противопоставления его предшествующему, индустриальному типу. С другой стороны, в теории рассматривается и специфика нового «постиндустриального» типа – «снижение роли материального производства и развитие сектора услуг и информации, иной характер человеческой деятельности, изменившиеся типы вовлекаемых в производство ресурсов, а также существенная модификация традиционной социальной структуры»²⁵³.

На наш взгляд, Иноземцев использует формальный, а не содержательный критерий при типологизации постиндустриальных подходов. Сущностные стороны каждой конкретной теории при этом остаются нераскрытыми. Нам представляется вполне очевидным тот факт, что сторонники как двух рассматриваемых подходов, так и теоретики постиндустриализма предлагают в своих работах те или иные «осевые принципы» (по терминологии Белла), вокруг которых выстраивается общественное развитие, а не просто описывают тенденции эмпирической реальности. Другой вопрос, насколько используемые ими критерии теоретически корректны.

Западный исследователь постиндустриализма Ф. Уэбстер отмечает, что, прежде всего, при анализе данных теорий необходимо прояснить, что их сторонники понимают под «информационным обществом», в чем его особенность, каков главный критерий, свидетельствующий в пользу общественных изменений²⁵⁴. Он выделяет *пять критериев*, характерных для постиндустриальных исследований: технологический, экономический, пространственный, культурный критерии и критерий занятости.

Так, в рамках *технологического критерия* «технологии отводится самое привилегированное место, она определяет весь мир социального: век пара, век автомобиля, атомный век»²⁵⁵. Теоретики, придерживающиеся *экономического критерия*, утверждают о становлении общества нового типа с позиций изменения структуры экономической деятельности на основе стоимостных показателей производимой продукции. *Критерий занятости* предполагает соответствие общественных трансформаций изменениям структуры занятости. «Предполагается, что мы вступаем в информационное общество, когда большинство заня-

²⁵¹ Там же. С. XVI.

²⁵² Там же.

²⁵³ Там же.

²⁵⁴ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С. 7.

²⁵⁵ Уэбстер Ф. Указ. соч. С. 17.

тых работает в информационной сфере, – пишет Уэбстер. – ... Поскольку «сырьем» для нефизического труда является информация (она противопоставляется физической силе, навыкам ручного труда и его «машинным» характеристикам), существенное увеличение доли труда в информационной сфере может рассматриваться как возникновение информационного общества»²⁵⁶. *Пространственный критерий* связывает изменение сущностных черт современного общества с сетевой организацией человеческой деятельности. Согласно Уэбстеру, в теориях, использующих данный подход, «главный акцент делается на информационные сети, которые связывают различные места, а потому могут оказать глубокое воздействие на организацию времени и пространства»²⁵⁷. Наконец, в рамках *критерия культуры*, которого придерживаются постмодернисты, общественные изменения рассматриваются с позиций влияния информации на человека.

Таким образом, Уэбстер предлагает типологизацию постиндустриальных теорий по содержательным критериям. По его мнению, главной проблемой рассматриваемых критериев является методологическая оппозиция «количество-качество». Во-первых, не всегда можно дать достаточно точную количественную оценку происходящих изменений. Например, стоимостные оценки продуктивности информационного сектора носят во многом искусственный характер: «за объемными статистическими таблицами, которые должны свидетельствовать об объективности доказательств, просматриваются скрытые субъективные интерпретации и оценочные суждения, как следует выстраивать категории и что именно включать в информационный сектор и что из него исключать»²⁵⁸. Во-вторых, количественные показатели не всегда свидетельствуют о качественных изменениях, а своеобразную точку перехода количества в качество не всегда возможно установить.

Типологизация Уэбстера хотя и рассматривает содержательные особенности постиндустриальных теорий, но, по нашему мнению, не выявляет сущностные черты каждой концепции – тот уровень системы общественного производства, который подвергается анализу и изменения в рамках которого постулируют общественную трансформацию. Для такой типологизации требуется использовать целостную систему экономических категорий, дающую достаточно полное представление об общественной структуре. На наш взгляд, для исследования сущностных черт постиндустриальных теорий в экономическом контексте целесообразно использовать политэкономическую модель общественного производства, поскольку, в отличие от модели равновесия *mainstream economics*, она позволяет рассматривать процессы развития.

---

²⁵⁶ Там же. С. 20.

²⁵⁷ Там же. С. 27.

²⁵⁸ Там же. С. 19.

Принципиальное сходство всех постиндустриальных теорий заключается не только, и не столько в том, *что* они исследуют, но в том, *как* они приходят к собственным выводам. Анализ, проведенный в главе 2, показывает, что главной методологической чертой постиндустриального направления является технологический детерминизм, хотя специфика его использования и предмет анализа различны в каждой конкретной теории. Другими словами, хотя теоретики постиндустриализма и связывают постиндустриальную трансформацию с изменением структуры экономики (экономический критерий), структуры занятости (критерий занятости), специфики организации хозяйственной деятельности (пространственный критерий) и т.д., причиной всех рассматриваемых изменений явно или неявно полагается научно-технический прогресс²⁵⁹. Это *общее* положение постиндустриальных исследований. Именно наличие единой методологической установки и позволяет аналитически *объединить* все эти, на первый взгляд, весьма различные теории, говорить о них как о *постиндустриальных теориях* (или «теориях информационного общества», по Уэбстеру).

Несмотря на общие методологические основания постиндустриальных теорий, имеют место определенные нюансы осмысления и интерпретации происходящих изменений в рамках каждой из них. Так, Д. Белл строит свою типологизацию экономических систем исходя из представлений о социально-экономическом развитии как о сложном, многоуровневом процессе. Им был четко обозначен «осевой принцип» «постиндустриального общества» – «ключевая роль теоретического знания». Последнее, соответственно, представляет собой особую форму научного знания, воплощающую в себе качественно новый уровень взаимодействия науки и производства. Таким образом, специфика позиции Д. Белла заключается в акценте не только и не столько на непосредственном изменении технической составляющей производительных сил (новые средства производства), сколько на изменении их организационных аспектов. Соответственно, изменения отраслевой структуры экономики («экономика услуг») и структуры занятости могут рассматриваться как эмпирически наблюдаемые следствия происходящих изменений производительных сил под влиянием НТП.

Для сторонников теории «информационной экономики» характерны упрощенные представления о влиянии НТП на общественные изменения. В частности предполагается, что основным содержанием современных тенденций является изменение структуры экономической деятельности и способа ее организации. То есть, в отличие от подхода Белла, теоретики «информационной экономики» рассматривают эти изменения не столько как ре-

---

²⁵⁹ Д. Белл утверждает, что «определяя рождающуюся социальную систему, следует не только экстраполировать тенденции, подобные, например, созданию сервисной экономики или расширению профессионального и технического класса, но и исследовать фундаментальные общественные перемены. Постиндустриальное общество... складывается вокруг знаний (курсив мой. – Д.К.)» (Белл Д. Указ. соч. С. 25); Дж. Несбит отмечает, что «компьютерные технологии стали для информационного века тем же, чем была механизация для промышленной революции» (Naisbitt J. Megatrends: Ten new directions transforming our lives. N.Y., 1982. P. 28).

зультат влияния НТП на общественные производительные силы в целом (имеющий различные формы проявления), сколько как самодостаточные явления, реальные свидетельства становления «нового общества». Поэтому, в частности, «информационный сектор» экономики представляется не просто частью нематериального производства, а некой принципиально новой сферой экономической деятельности, использующей принципиально новый тип экономических ресурсов – знания и информацию. В связи с этим и возникает иллюзия производства знаний лишь с помощью знаний, которую удачно описал М. Кастельс: «Я думаю, – следовательно, я произвожу».

При этом производительные силы «информационной экономики» в рамках подобного анализа, по сути, *сужаются* до «информационного сектора», а социально-экономические аспекты происходящих изменений полностью *исключаются* из сферы анализа. Таким образом, здесь имеет место отказ от исследования производительных сил как единого целого, анализ лишь эмпирически наблюдаемых явлений (например, структуры ВВП, структуры занятости и т.д.). Подобная фрагментарность восприятия полностью согласуется с крайне позитивистским подходом теоретиков «информационной экономики» к пониманию происходящих изменений. Так, Б. Годин при рассмотрении идей М. Пората отмечает, что тот «...принял информационную экономику как должное и не был нацелен на разработку обоснования этого концепта. Он просто хотел измерить ее»²⁶⁰.

Во второй главе настоящей работы была детально рассмотрена характерная черта технократического восприятия экономической действительности – *абсолютизация* тенденций, связанных с развитием *вещественных элементов производительных сил*. Такие тенденции признаются единственно важными, а их анализ воспринимается как ключ к пониманию происходящих изменений. Однако изменения производительных сил общества затрагивают не только их вещественные элементы (средства производства). Как справедливо отмечал Г. Н. Волков, «научно-техническая революция не ограничивается переворотом в технике, технологии, науке, взятых безотносительно к человеку. Если это переворот во всей целостной системе производительных сил, то он в первую очередь затрагивает и главную производительную силу – человека, с его способностью трудиться»²⁶¹.

Следует отметить, что постиндустриалисты наиболее детально исследуют вопросы именно совершенствования вещественных элементов производительных сил, тогда как изменениям в области *трудовой деятельности* человека не уделяется столь значительного внимания. Так, в теории «постиндустриального общества» Д. Белла тема изменения

---

²⁶⁰ Godin B. The Information Economy: The History of a Concept Through it's Measurement, 1949-2005 [Electronic resource] // Project of the History and Sociology of S&T Statistics. Working Paper № 38. 2008. P. 25. URL: http://www.csiic.ca/PDF/Godin_38.pdf.

²⁶¹ Волков Г. Н. Истоки и горизонты прогресса. Социологические проблемы развития науки и техники. М. : Политиздат, 1976. С. 233.

содержания трудовой деятельности затрагивается вскользь при рассмотрении перехода от примата материального производства к доминированию «сервисной экономики», сопровождающегося закономерным ростом численности высокообразованных работников (в связи с чем и «осуществляется модификация характера профессий, типа осуществляемой деятельности»²⁶²). Теоретики «информационной экономики» абстрагируются от анализа содержания трудовой деятельности в масштабе общества, исследуя лишь специфику одного из видов конкретного труда (деятельность по созданию «знаний» и «информации»). При этом сторонники двух обозначенных подходов практически не рассматривают изменения *характера труда*, т.е. его *социально-экономическую* сторону. Фактически, западные постиндустриалисты анализируют лишь немногие социально-экономические аспекты происходящей трансформации, касающиеся, преимущественно, изменений институциональной структуры общества (трактуемой в духе традиционного институционализма как соотношение «баланса сил» различных типов организаций – университетов, фирм, государства и т.д., сложившееся в обществе) и принципов социальной стратификации его членов под воздействием НТП. Следовательно, центральным предметом анализа в постиндустриальной теории остаются вещественные элементы производительных сил и их изменение в процессе научно-технического развития.

Постиндустриальная теория обращается и к наиболее абстрактно-теоретическому пласту социально-экономической проблематики происходящей трансформации – изменению *места человека* в системе общественного производства, стоящему за эмпирически наблюдаемыми изменениями отраслевой структуры экономики, структуры занятости, специфики используемых технологий, форм организации производства и т.д. В частности, ее авторы говорят о переходе от общества, основанного на «взаимодействии человека и модифицированной природы», к обществу «взаимодействия людей»²⁶³. Однако проведенный методологический анализ постиндустриальной теории показывает, что данный тезис выдвигается чисто декларативно, и не находит отражения в модели общественного развития, выстроенной вокруг совершенствования вещественных элементов производительных сил.

Таким образом, в рамках западного постиндустриализма сформировался **технократический подход** к пониманию общественных изменений. В рамках данного подхода сущностью постиндустриальной трансформации считается становление нового типа производительных сил (постиндустриальных, информационных, технотронных), основанных на широком практическом применении научных знаний. Информация и знания рассматриваются как новый вещественный ресурс, как основной ресурс постиндустри-

---

²⁶² Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. ; 2-е изд. М. : Academia, 2004. С. 180.

²⁶³ Там же. С. 157.

альной экономики, качественно отличный от «традиционных» факторов производства – труда, земли и капитала. В качестве главного источника возникновения и развития такой экономики полагается научно-технический прогресс. При этом анализ социально-экономических аспектов происходящих изменений не является значимым в рамках настоящего подхода в связи с приверженностью его представителей методологии технологического детерминизма.

Рассмотренный подход учитывает изменение некоторых характеристик деятельности человека (прежде всего, роста значимости научного труда), однако данный анализ осуществляется в рамках дискурса модели «*homo economicus*», определяющей человека как рационально действующего элемента экономических отношений. Место человека в системе общественного производства, в свою очередь, сводится здесь к роли «личного фактора производства». Принципиально иной позиции придерживаются ученые, признающие человека, его достоинство, благо и свободное гармоничное совершенствование высшей ценностью общественного развития. Данный подход во многом апеллирует к гуманистическим представлениям о человеке, которые разделяли философы эпохи Возрождения и Нового времени (Э. Роттердамский, Т. Мор, Т. Кампанелла и др.). Согласно современным гуманистическим представлениям (по определению ООН), «цель экономического и в целом общественного развития состоит в расширении возможностей каждого человека реализовать свои потенции и устремления, вести здоровую, полноценную, творческую жизнь. Под развитием человека понимается расширение спектра и возможностей интеллектуального, социального, экономического и политического выбора, доступных каждому члену»²⁶⁴. Таким образом, человек в рамках данного подхода рассматривается не только как *фактор* социально-экономического развития, но и как главный *субъект*, пользующийся его плодами. Следовательно, наряду с постиндустриальным технократизмом сегодня существует иной, гуманистический подход к познанию перспектив социально-экономического развития.

Можно отметить, что к настоящему времени в западной науке не сложилось единого подхода к анализу общественного развития с точки зрения гуманистических ценностей. Среди наиболее авторитетных подходов, разделяющих эти ценности, можно выделить экономико-экологический подход, известными представителями которого являются члены Римского клуба (А. Печчеи, Д. Медоуз и др.)²⁶⁵, концепцию «гуманистической экономики» (Дж. Шумахер, М. Лутц, К. Люкс и др.)²⁶⁶ и «когнитивный» подход,

²⁶⁴ Human Development Report. 1990 [Electronic resource]/ United Nation Development Programme. N.Y. - Oxford : Oxford University Press, 1990. URL: <http://hdr.undp.org/en/reports/global/hdr1990>.

²⁶⁵ См., напр.: Печчеи А. Человеческие качества. М. : «Прогресс», 1980. 302 с.; Медоуз Д. Н., Рандерс Й., Медоуз Д. Х. Пределы роста. 30 лет спустя / пер. с англ. М. : ИКЦ «Академкнига», 2007. 342 с.

²⁶⁶ См., напр.: Шумахер Э. Ф. Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение / пер. с англ. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 352 с.; Lutz M. A. Economics for the Common Good. Two centuries of

которого придерживаются европейские философы, социологи и экономисты (А. Горц, Э. Рулани, А. Корсани)²⁶⁷. Различно не только направление исследований, но и методологическая база данных подходов: ученые Римского клуба используют преимущественно методы количественного и системного анализа развития мировой экономики, теоретики «гуманистической экономики» строят свою концепцию на основе критики принципов неоклассического экономического мейнстрима (в т.ч. и через обращение к восточной философской традиции), для сторонников социального подхода характерно сочетание элементов политэкономического анализа и философской рефлексии. Несмотря на существование обозначенных различий, единым ядром всех гуманистических подходов является признание человеческого развития в качестве той цели, «на достижение которой должны быть в ближайшие годы и десятилетия направлены концентрированные, совместные усилия всего человечества»²⁶⁸.

Наибольший интерес для понимания специфики альтернативного видения сущности постиндустриальной трансформации представляют именно работы ученых, придерживающихся «когнитивного» подхода. Предметом их исследований являются изменения социально-экономических отношений под воздействием знаний, обладающих двойственной формой. «Живое знание» является существенным компонентом культурного наследия и охватывает повседневные навыки и умения, на основе которых выстраиваются профессиональные компетенции работников. «Формализованные знания» можно отделить от живого носителя, распределить или передать во всеобщее пользование — это, прежде всего, научно-технические знания, воплощенные в промышленных технологиях, программном обеспечении и т.п.

В настоящее время всякий труд, будь то в обрабатывающей промышленности или сфере услуг, содержит растущую долю знаний. Поэтому ключевой тенденцией последних десятилетий становится изменение содержания человеческой деятельности — *интеллектуализация труда*, считают сторонники «когнитивного» подхода. Как отмечает А. Горц, деятельность по «самосозданию» и саморазвитию человека стала необходимой гранью всякой (в особенности, нематериальной) деятельности, она мобилизует те же способности и те же личные склонности, что и свободная деятельность в нерабочее время»²⁶⁹.

Однако процессы интеллектуализации труда реализуются в исторически определенной (капиталистической) социально-экономической форме. С одной стороны, «жи-

---

Social Economic thought in the Humanistic Tradition. N.Y. : Routledge, 1999. 289 p.; Lutz M., Lux K. Humanistic Economics. The new challenge. N.Y. : Bootstrap Press, 1988.

²⁶⁷ См, напр.: Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал / пер. с нем. и фр. М. : Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 208 с.; Руллани Э. Когнитивный капитализм: déjà vu? // Логос. 2007. №4. С. 17-34.

²⁶⁸ Печчеи А. Человеческие качества. М. : Прогресс, 1980. С. 272.

²⁶⁹ Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал / пер. с нем. и фр. М. : Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. С. 31

вое знание» постепенно приобретает форму «человеческого капитала»: человек становится своего рода «самопредпринимателем», от него требуется соизмерять затраты на развитие тех или иных аспектов собственной личности и доходы, которые принесет такое развитие. С другой стороны, знания работников становятся частью нематериального капитала фирмы, допускается их использование в целях возрастания капитала, т.е. «живое знание» становится производительной силой капитала, тогда как развитие личности работника остается лишь своего рода «позитивной экстерналией». «Формализованные знания» также становятся элементом нематериального капитала фирмы. Стоимость таких знаний не может быть определена как затраты труда на их воспроизводство, поскольку будучи однажды открытыми, они могут тиражироваться с минимальными затратами. Поэтому меновая стоимость «формализованных знаний» целиком зависит от практической возможности ограничить их свободное обращение, т.е. юридическими (патенты, авторские права, лицензии, контракты) или монополистическими способами ограничить возможность копировать, подражать, «перепридумывать», перенимать знания других²⁷⁰. Обозначенные формы капиталистической утилизации знаний, по мнению ученых-«когнитивистов», позволяют говорить о становлении в настоящее время не «постиндустриального общества», а «когнитивного капитализма».

Вместе с тем, данный этап общественного развития содержит в своем фундаменте отрицание капиталистической товарной экономики. По мнению А. Горца, знание, «как и другие человеческие способности... относится к не поддающимся измерению богатствам, без которых не может обойтись система товарного производства, но которые не могут быть произведены ее методами и по ее логике. Быть производительной силой [капитала. – Д. К.] для знания не является ни исключительным предназначением, ни основной целью»²⁷¹. «Осознав решающее значение ресурсов, которые как коллективный интеллект не имеют эквивалентов, мы сталкиваемся с совершенно другим пониманием богатства и целей человеческой деятельности»²⁷², – отмечает он.

В этом проявляется основной гуманистический акцент в понимании происходящих изменений – человеческие силы и способности становятся уже не столько средствами для производства богатства, сколько самим богатством. Соответственно, в дальнейшем должна произойти закономерная «смена полярностей» общественного развития, считают «когнитивисты», поскольку экономика должна служить людям, а не человек – экономике²⁷³. Таким образом, они, фактически, разделяют гуманистические представле-

²⁷⁰ Руллани Э. Когнитивный капитализм: déjà vu? // Логос. 2007. №4. С. 19.

²⁷¹ Горц А. Указ. соч. С. 79.

²⁷² Там же. С. 85-86.

²⁷³ «Осознание того факта, что в основе любой экономики лежат первичные богатства, которые не производятся никакой промышленностью, не обмениваются ни на какой эквивалент и состоят из природного и культурного достояния, заставляет обратить внимание на «невидимую», не поддающуюся формализации «вторую» экономику, – пишет А. Горц. – Без нее господствующая «первая» экономика не могла бы ни возникнуть, ни продолжать

ния К. Маркса об общественном богатстве: «Чем иным является богатство, как не полным развитием господства человека над силами природы, т.е. как над силами так называемой природы, так и над силами его собственной природы? Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т.е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу»²⁷⁴. Стоит отметить, что технократическая трактовка постиндустриальных тенденций также признает факт обретения человеком господства над силами природы, но не рассматривает происходящее изменение целей общественного производства, значимое для гуманистов.

Таким образом, в рамках «когнитивного» направления в западной общественной науке формируется **гуманистический подход** к пониманию социально-экономических изменений. В рамках данного подхода содержанием постиндустриальной трансформации считается изменение содержания трудовой деятельности – ее интеллектуализация (в т.ч. и труда «синих воротничков»), способствующее росту как «живых», так и «формализованных» знаний. Поскольку данное изменение осуществляется в господствующей социально-экономической форме, формируется «когнитивный капитализм», в рамках которого знания становятся основной производительной силой капитала. Сущностью происходящих процессов является изменение целей и ценностей общественного развития: постиндустриальная трансформация способствует вызреванию совместной, общественной экономики, в которой знания как важнейшая производительная сила общества будут доступны без всякой платы, а полное раскрытие способностей каждого будет являться общей целью для всех.

Таковы основные подходы к определению содержания постиндустриальной трансформации, к настоящему времени сформировавшиеся в недрах западной общественной науки. По нашему мнению, в *позитивном аспекте* они могут рассматриваться как *взаимодополняющие*. Так, сторонники технократического подхода детально исследуют становление новых производительных сил, дают весьма точный анализ изменения роли науки в системе общественного производства – таким образом, рассматривается наиболее конкретный аспект изменения содержания трудовой деятельности человека. «Гуманисты» не проводят детального анализа подобных изменений, однако, акцентируют внимание на противоречивом характере возрастания роли знаний в обществе – соответственно, здесь исследуется, главным образом, социально-экономическая форма становления «постиндустриальных» производительных сил. На наш взгляд, соединение данных подходов могло бы позво-

---

существовать. Она охватывает все не поддающиеся исчислению и оплате виды труда и отношений... Только в этой *другой экономике*, которая в то же время является инобытием экономики, мы взаимно учим друг друга гуманности и создаем культуру общинного мышления и общинной жизни» (Горц А. Указ. соч. С. 80-81).

²⁷⁴ Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 476.

лить сформировать наиболее точные, системные представления о содержании и сущности происходящих процессов.

Вместе с тем, в *нормативном аспекте* рассматриваемые подходы являются *взаимоисключающими*. «Технократы» воспринимают постиндустриальные изменения исключительно в позитивном ключе, видя во всеобъемлющей сциентизации и информатизации человеческой деятельности путь к построению абсолютно рациональной, а значит совершенной (рыночной, капиталистической) экономики. «Гуманисты», наоборот, видят преимущественно негативные аспекты процесса капитализации знаний: по их мнению, существование «когнитивного капитализма» препятствует всеобщему признанию человека, его жизни, способностей и талантов в качестве основной ценности общественного развития. Нам представляется, что происходящие изменения не следует воспринимать исключительно как позитивные или негативные, поскольку они являются противоречивыми по сути. С одной стороны, беспрецедентное развитие производительных сил современного капитализма способствует сокращению рабочего времени общества, создает основы и возможности для профессионального и личностного развития индивидов. С другой стороны, существование институциональных и социальных ограничений для распространения знаний как необходимое условие воспроизводства «капитала знаний» создает определенные препятствия для общественного развития.

Рассмотренные подходы к пониманию постиндустриальной трансформации, существующие в западной науке, не инкорпорируются в современный российский обществоведческий дискурс в неизменном виде. Как было отмечено в первой главе настоящей работы, различные теоретические подходы в рамках отечественного постиндустриального направления исторически формируются на базе двух основных течений. Поэтому особенности технократического и гуманистического подходов и характерного для них восприятия, фактически, накладываются на общую логику исследования постиндустриальных тенденций в рамках каждого из этих течений, что приводит как к соединению данных подходов, так и к трансформации, а иногда и искажению содержания каждого из них. Более детально проанализируем основные положения ключевых отечественных теорий, чтобы выявить специфику видоизменения двух обозначенных подходов, и, таким образом, наиболее полно рассмотреть современный этап развития отечественного постиндустриального направления.

Исторически первой постсоветской концепцией, рассматривающей постиндустриальные процессы, является концепция «постэкономического общества» В. Л. Иноземцева. В первой главе настоящей работы было детально исследовано ее становление на основе сочетания некоторых положений марксистской политической экономии и западной постиндустриальной теории, что и позволило охарактеризовать ее как «синкретическую».

От политэкономического дискурса концепция Иноземцева «унаследовала» специфический предмет исследования – изменение *содержания* человеческой деятельности. В качестве центрального момента современной социально-экономической трансформации здесь рассматривается переход от *труда* к *творчеству*²⁷⁵. Творческая деятельность трактуется отечественным ученым как «синтетический результат развития форм человеческой активности, а именно как деятельность, с одной стороны, имеющая осознанный характер... и, с другой стороны, движимая внутренним побудительным мотивом... Такая активность обусловлена стремлением человека к внутреннему совершенствованию и обладает чертами, кардинально отличающими ее от привычного всем труда»²⁷⁶. Он отмечает, что «творческая деятельность подготавливается всеми сторонами прогресса производства, равно как и проявляется во всех аспектах его развития»²⁷⁷.

Таким образом, рассмотрение процессов интеллектуализации деятельности, замещения рутинного труда творческой деятельностью, стирания граней между рабочим и свободным временем в качестве содержательной характеристики постиндустриальной (постэкономической) трансформации отражает близость концепции «постэкономического общества» к гуманистическому подходу. При этом ключевой аспект исследования, значимый для технократического подхода – изменение вещественных и организационных аспектов производительных сил, рассматривается в данной концепции лишь в качестве предпосылки перехода от труда к творчеству.

Иноземцев при обосновании становления «постэкономического общества» рассматривает социально-экономическую форму происходящих изменений, что также является одной из ключевых особенностей гуманистического подхода, сторонники которого разделяют политэкономические представления о структуре общественного производства. Однако в отличие от «когнитивистов», говорящих о становлении «когнитивного капитализма», Иноземцев настаивает на деструкции *капиталистической формы* общественных отношений в «постэкономическом обществе» в связи утратой частной собственностью определяющего значения, переходом ключевых факторов производства нового общества в личную собственность работников.

---

²⁷⁵ Противопоставление данных понятий невозможно в системе марксистских категорий: труд представляет собой процесс расходования рабочей силы, тогда как по К. Марксу рабочая сила есть «совокупность *физических и духовных способностей*, которыми обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости (курсив мой. – Д. К.)» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 178).

Соответственно, для обоснования идеи о существовании дихотомии труда и творчества Иноземцев отходит от политэкономической трактовки труда и обращается к определению А. Маршалла, согласно которому труд представляет собой «всякое умственное и физическое усилие, предпринимаемое частично или целиком с целью достижения какого-либо результата, *не считая удовлетворения*, получаемого непосредственно от самой проделанной работы (курсив мой. – Д. К.)» (Маршалл А. Принципы экономической науки. М., 1993. С. 124)

²⁷⁶ Иноземцев В. Л. Концепция постэкономического общества: теоретические и практические аспекты : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01, 22.00.03. М., 1998. С. 81.

²⁷⁷ Там же. С. 85.

В этом аспекте позиция «когнитивистов» представляется нам более взвешенной и обоснованной. Во-первых, в условиях капиталистического производства знания и информация становятся объектами частной собственности благодаря существованию института «интеллектуальной собственности». Это вполне закономерное явление, поскольку, как убедительно показал К. Маркс, получение избыточной прибавочной стоимости за счет внедрения в производство технических новаций возможно лишь до тех пор, пока такого рода достижения не стали достоянием большинства предприятий данной отрасли²⁷⁸. Во-вторых, возможность приобретения средств производства в личную собственность работников рассматривается лишь для определенной части нематериального сектора производства. Разумеется, о подобной возможности не может идти и речи по отношению к материальному производству, которое основано на дорогостоящих автоматизированных системах. Здесь неявно проявляется ключевая черта западной постиндустриальной теории – *умаление* роли материального сектора в общественном производстве; хотя даже уменьшение его роли по сравнению с нематериальным производством в последние десятилетия (что также не вполне очевидно) не дает права сводить общественное производство исключительно к нематериальному производству. Поэтому о деструкции частной собственности в современных обществах, на наш взгляд, *говорить преждевременно*. Процессы, описанные Иноземцевым, скорее стоит характеризовать как скрытые тенденции, при этом не следует забывать и о капиталистических формах их реализации.

Также стоит отметить, что Иноземцев рассматривает деструкцию капиталистического характера отношений не только на социально-экономическом (объективном), но и на социально-психологическом (субъективном) уровне, причем ключевую роль оставляет именно за последним: «преодоление экономических основ социума может быть осуществлено не через трансформацию *социальных структур*, а вследствие духовной и интеллектуальной *эволюции индивидов*, данные структуры составляющих (курсив мой. – Д. К.)»²⁷⁹. Таким образом, постэкономический характер нового общества, согласно отечественному ученому, связан именно с утратой материальной мотивации работников определяющего значения: поскольку творческая самореализация становится для работников главной целью их деятельности, экономическая (капиталистический) форма функционирования общественного производства (со свойственной ей эксплуатацией работников капиталом) разрушается. Несмотря на явную гуманистическую направленность подобной трактовки, она является технотерминистской, а значит и технократической по своему *содержанию*: из специфики нового типа деятельности человека, распространение которого обусловлено научно-

²⁷⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 329.

²⁷⁹ Иноземцев В. Л. Концепция постэкономического общества: теоретические и практические аспекты : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01, 22.00.03. М, 1998. С. 97.

техническим развитием, выводится представление о сущности общественных отношений на новой, «постэкономической» стадии развития. Так, если деятельность творческого индивида преследует своей главной целью развитие собственной личности, то, значит и общественное производство нацелено на развитие личности каждого конкретного индивида. С политэкономической точки зрения, такая логика представляется не вполне верной, поскольку она не просто предполагает трансформацию экономических отношений в «постэкономическом обществе» вслед за трансформацией мотивов деятельности индивидов (их «постматериальной мотивации»), но строится на отождествлении содержания общественных отношений и (индивидуальной) мотивации.

Подобные выводы подтверждают и «когнитивисты», считающие, что, несмотря на изменение *субъективного* восприятия работниками собственной деятельности, сохраняется ее *объективная* социально-экономическая форма. Творческий работник в «постэкономическом обществе» Иноземцева, таким образом, становится всесторонне развитым *производителем*, но, «определяя и влияя на эффективность использования средств производства, совершенствование техники, технологии, умножение богатства общества, он никак не может быть в нем самостоятельной ценностью»²⁸⁰.

Проведенный выше анализ позволяет заключить, что концепция «постэкономического общества» предлагает трактовку общественных изменений на основании сочетания технократического и гуманистического подходов. Данная концепция в целом разделяет гуманистические представления о содержании постиндустриальной трансформации, определяя в качестве такового интеллектуализацию деятельности человека в форме перехода от рутинного труда к творчеству. Однако «знания» («информация») рассматриваются здесь в технократическом ключе, т.е. как фактор производства, качественно отличный от «труда», на что указывает наличие дихотомии труда и творчества. Это характеризует специфику понимания процесса интеллектуализации труда в концепции «постэкономического общества» – имеет место не наполнение всех видов трудовой деятельности творческими компонентами (за счет актуализации «самосоздания» и саморазвития человека как необходимого условия профессиональной деятельности, как считают гуманисты), а рост численности работников творческого, умственного труда в сфере нематериального производства, и, соответственно, исчезновение рутинного труда как такового в связи с последовательным сокращением доли материального производства.

Другим элементом общности концепции «постэкономического общества» и гуманистического подхода является обращение к тематике социально-экономической формы происходящих изменений. Однако в отличие от сторонников гуманистического подхода, указывавших на сохранение капиталистического характера современного общества,

---

²⁸⁰ Лазаренко Е. В. Всестороннее развитие личности: теоретические проблемы и реальность / автореф. дисс. ... д-ра философ. наук. 09.00.02. М., 1989. С. 24.

отечественная концепция обосновывает деструкцию основ капиталистических отношений, что рассматривается здесь в качестве сущностной черты постиндустриальной трансформации. Хотя на теоретическом уровне Иноземцев во многом отходит от технодетерминистского понимания общественного развития, изменение специфики общественных отношений в концепции «постэкономического общества», фактически, получает технократическую трактовку. Так, изменение целей и ценностей индивидуальной деятельности работников, основанное на трансформации трудовой мотивации, отождествляется здесь с изменением целей общественного производства в целом. Таким образом, концепция «постэкономического общества» соединяет в себе гуманистическое восприятие содержания постиндустриальных тенденций и технократический подход к анализу будущих общественных отношений.

В целом, элементы общности концепции «постэкономического общества» и гуманистического подхода заключаются в исследовании экономической реальности с точки зрения категорий марксистской политэкономии (труд, собственность, эксплуатация, общественные отношения, способ производства и т.д.). При этом анализ ключевых аспектов общественного производства строится здесь на использовании технократической аргументации западной постиндустриальной теории, следствием чего является содержательное аппонирование выводам как западных «гуманистов», так и отечественных марксистов о сущности происходящей постиндустриальной трансформации. Концепция «постэкономического общества», фактически, рассматривает гуманизацию именно капиталистической экономики (точнее, ее части – сферы нематериального производства), а не генезис в ее рамках новой формы неантагонистических общественных отношений.

Перейдем к анализу взглядов на процессы современной социально-экономической трансформации в работах российских экономистов 2000-х гг., разделяющих приверженность Иноземцева западным постиндустриальным идеям. В первую очередь следует отметить, что, несмотря на идеологическую близость, наибольшее признание здесь получила трактовка постиндустриального этапа развития исключительно как «экономики услуг». В различных модификациях данная трактовка встречается в работах экономистов, придерживающихся *mainstream economics*.

Так, Л. С. Демидова отмечает, что «постиндустриальную стадию производства в странах Запада часто определяют как *«экономику услуг»*... В этот период проявляется одна из главных закономерностей общественного развития – опережающий рост сферы услуг в сравнении с материальным производством и расширение ее хозяйственной позиции. Но роль этого сектора в современной экономике связана не только с его преобладанием в структуре хозяйства. В *услугах* формируются такие ключевые *факторы экономического*

роста, как научное знание, нематериальные формы накопления, информационные технологии, а также глобализация хозяйственной деятельности... (курсив мой. – Д. К.)»²⁸¹.

В рамках подобного подхода постиндустриальная трансформация теряет характер системной, поскольку общественные изменения рассматриваются не с позиций некоего «осевого принципа» (например, развитие производительных сил у Белла, эволюция форм деятельности у Иноземцева и т.п.), а с точки зрения механистической суммы определенных факторов. Согласно Демидовой, «динамику услуг определяет ряд основополагающих факторов экономического развития», среди которых выделяются мировое разделение труда, современная научно-техническая революция, структурно-технологическая перестройка материального производства, зависимость конкурентоспособности стран от человеческого фактора, благоприятные условия ресурсного обеспечения развития сферы услуг и др.²⁸²

Известно, что основному течению экономической мысли, уже долгое время господствующему в западной и отечественной экономической науке, чужды представления о развитии как таковом, – его аксиоматической базой является идея равновесия как основы экономики. Поэтому возникает парадоксальная ситуация: сторонники рассмотренного подхода с одной стороны не могут принять содержательные положения постиндустриализма (что проявляется, на первый взгляд, в простом лексическом заимствовании термина «постиндустриальное общество»), с другой – нуждаются в теоретическом понимании происходящих изменений. *Mainstream economics* не содержит альтернативы трехстадиальной модели общественного развития в постиндустриальной теории (если не считать идею о «конце истории» Ф. Фукуямы²⁸³), поэтому включение идеи развития постиндустриализма в систему экономических представлений неоклассики видится как «необходимое зло». Однако чтобы не отказываться от равновесной основы своих экономических моделей, экономисты, близкие к мейнстриму, воспринимают постиндустриализацию не как комплексное изменение общества (т.е. изменение всего способа производства), а как изменение исключительно технологий. Технологии, в свою очередь, предстают в качестве некой «общественно-нейтральной» силы, направляющей развитие общества. Это не что иное, как методологическая позиция технологического детерминизма, а, значит, восприятие общественной трансформации сторонниками основного течения строится в соответствии с технократическим подходом, сочетает в себе *mainstream economics* и постиндустриальную теорию. Таким образом, постиндустриальный этап развития, инкорпорируемый в мейнстримовские представления, предстает в каче-

---

²⁸¹ Демидова Л. Сфера услуг в постиндустриальной экономике // *Мировая экономика и международные отношения*. 1999. № 2. С. 24.

²⁸² Там же. С. 24-25.

²⁸³ См.: Фукуяма Ф. *Конец истории и последний человек*. М. : АСТ, 2010. 588 с.

стве *рыночной экономики*, только с тем отличием, что она основана на использовании передовых технологий.

Основным теоретическим способом включения идеи постиндустриального развития в неоклассический подход является представление об изменении *структуры факторов производства* в постиндустриальном обществе – к ставшим традиционными земле, труду, капиталу и предпринимательской способности (1) *добавляется* фактор «знания», который, в свою очередь вытесняет все остальные факторы и (2) *становится* основной постиндустриального производства. Подобная трактовка в целом характерна для технократического подхода, но именно в рамках представлений о «постиндустриальном обществе» отечественных либеральных экономистов эта идея приобретает действительно системный статус, связующий воедино разрозненные факты и тенденции.

Однако интегративная функция фактора знаний трактуется специфическим образом. Особенностью восприятия постиндустриальных процессов многими учеными, придерживающимися *mainstream economics*, становится синкретичное восприятие постиндустриализации, в рамках которого изменения отраслевой структуры экономики, структуры занятости и структуры факторов производства воспринимаются обозначенные выше «*факторы постиндустриализации*».

На наш взгляд, отечественная трактовка «постиндустриальной экономики» как «экономики услуг» обладает меньшим объяснительным потенциалом по сравнению с технократическим подходом к пониманию постиндустриальных процессов. Как было отмечено выше, в западной постиндустриальной теории рассматриваются многие аспекты происходящих изменений, однако центральное место отводится именно совершенствованию производительных сил общества под воздействием НТП. Это целостная теория общественного развития, позволяющая свести воедино эмпирически наблюдаемые тенденции, предлагающая их концептуальное осмысление, а также прогнозирующая будущие общественные изменения на научной основе. Отечественное восприятие этих тенденций в рамках неоклассического направления теряет такого рода системно-теоретический характер, оно строится на заимствовании лишь некоторых концептов постиндустриальной теории – «экономика услуг» и «знания» как ключевой фактор производства. В результате размывается причинно-следственная связь формы (отраслевая структура и структура занятости, структура факторов производства) и содержания (становление новых производительных сил) постиндустриальных изменений, присутствующая в западной постиндустриальной теории. Здесь также воспроизводятся лишь немногие из постиндустриальных прогнозов (прежде всего, последовательный рост сферы услуг), тогда как другие, фактически, отбрасываются (ключевая роль теоретической, фундаментальной науки; университетское образование как наиболее значимый общественный институт, планируемый и программируемый характер общественных измене-

ний и т.д.). Это приводит сторонников рассматриваемого подхода к упрощенному восприятию постиндустриальной экономики исключительно как «экономики услуг».

Таким образом, отечественная трактовка постиндустриальных изменений в рамках основного течения экономической мысли строится на основе технократического подхода. В качестве содержания постиндустриальной трансформации здесь рассматривается изменение отраслевой структуры экономики, приводящее к становлению «экономики услуг». То есть, фактически, анализируется лишь один частный (отраслевой) аспект производительных сил. Особенность отечественной трактовки «экономики услуг» заключается в отсутствии дифференциации услуг по значимости для экономического развития – рост сферы услуг как таковой воспринимается как позитивный факт, тогда как западные ученые-«технократы» настаивали на приоритетном росте сфер науки и образования. Сторонники данной трактовки связывают постиндустриальные изменения с трансформацией структур факторов производства – традиционные факторы («земля», «труд», «капитал») теряют былую значимость, фактор «знаний» («информации») становится доминирующим. В отличие от технократического подхода, для рассматриваемой трактовки характерен отказ от исследования причинно-следственных связей постиндустриальной трансформации и использование т.н. факторной модели изменений – все постиндустриальные тенденции (изменение отраслевой структуры экономики, структуры занятости, значимости факторов производства, общественных институтов и т.д.) рассматриваются как равноценные «факторы постиндустриализации». В целом, «постиндустриальная экономика» воспринимается здесь не как качественно новая стадия общественного развития, а как рыночная экономика, основанная на использовании передовых технологий.

Общая позиция данного подхода скорее представляет «практическое» исследование постиндустриальной трансформации, чем поиск его глубинных теоретических основ, что подтверждает обилие рекомендаций по проведению эффективной экономической политики в условиях постиндустриализации в работах представителей данного подхода. В этом и заключается специфика такого рода отечественной трактовки постиндустриальных изменений: предлагается строить экономическую политику по западному образцу, надеясь на автоматическое достижение экономических результатов стран Запада.

Так, Л. С. Демидова на основе анализа развития сферы услуг на Западе дает следующую оценку отечественной сфере услуг: «...благоприятную динамику отраслей услуг в российской экономике, быстрое формирование в последние годы целого ряда услуг, прежде всего телекоммуникаций, кредитно-финансовых, деловых, расширение торговли, не следует рассматривать как отрыв ресурсов от материальной сферы. Это позитивный процесс, отражающий новые потребности развития хозяйства и общества, а в наших условиях – одно из важнейших условий выхода промышленности и других отраслей хо-

зьяства из кризисного состояния и их дальнейшего прогресса»²⁸⁴. По всей видимости, процессы деиндустриализации экономики России воспринимаются автором как постиндустриальные тенденции, по крайней мере, в аспекте развития сферы услуг. Соответственно, и рекомендации по формированию экономической политики строятся на постиндустриальных идеях и западных примерах их реализации: «анализ тенденций развития сферы услуг в странах Запада позволяет выделить ряд направлений, особо важных для нашей экономики»²⁸⁵. При этом в неявной форме вновь повторяется идея об «автоматизме» изменений, характерная для неолиберальных экономистов начала 90-х гг.

Обозначенные ориентиры социально-экономического развития разделяет и В. Мау, считая, что «некоторые элементы политики догоняющего развития в постиндустриальную эпоху напоминают политику стран – пионеров экономического роста... Поскольку в настоящее время возрастает неопределенность экономического и технологического прогресса... это объясняет и схожесть практических рекомендаций, в центре которых вновь оказывается адаптивность частных агентов, отказ от излишней централизации и ограничение прямого вмешательства государства в хозяйственную жизнь»²⁸⁶.

Как было доказано историей российских экономических реформ 1990-х гг., не критическое восприятие фундаментальных экономических концепций и поверхностное толкование их сути оказывает скорее негативное влияние на экономическое развитие, нежели ускоряет его. В связи с этим, вполне закономерен и тот факт, что в последние годы среди экономистов институционального направления наметилась иная трактовка постиндустриальных тенденций – они не отрицают переход западных экономик на постиндустриальную стадию, но при этом акцентируют внимание на *противоречивости* постиндустриальных тенденций в развивающихся и постсоциалистических странах.

Например, С. Н. Левин критикует институциональные трансформации развивающихся стран, осуществляющиеся в соответствии с «Вашингтонским консенсусом», указывая на заинтересованность стран-лидеров мировой экономики в проведении подобной политики развивающимися странами²⁸⁷. Он отмечает, что «ускоренное принятие унифицированных норм, ориентированных на интересы субъектов глобальной экономики, не ведет к решению модернизационных задач. Это позволяет охарактеризовать выводы либеральных версий концепций «постиндустриализма» и «глобализма» как своеобразные мифологемы... Однако ориентация развивающихся и постсоциалистических стран при

---

²⁸⁴ Демидова Л. Сфера услуг в постиндустриальной экономике // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 2. С. 31.

²⁸⁵ Там же.

²⁸⁶ Мау В. Посткоммунистическая Россия в постиндустриальном мире: проблемы догоняющего развития // Вопросы экономики. 2002. № 7. С. 19.

²⁸⁷ См.: Левин С. Н. Альтернативы институционального развития развивающихся и постсоциалистических стран: мифологемы «постиндустриализма» и «глобализма» и реальные тенденции // Журнал институциональных исследований. 2010. Т. 2. № 1. С. 10.

проведении институциональных реформ на эти мифологемы на практике ведет к закреплению их периферийного положения в мировой экономике»²⁸⁸. По нашему мнению, подобная критика в адрес неолиберальной трактовки постиндустриальных изменений теоретически оправдана, к тому же история фактами подтверждает значительное расхождение неоклассической модели изменений и реальности в ходе экономических реформ в России начала 1990-х гг.

На региональный аспект обращает внимание М. В. Курбатова, говоря о приоритете индустриальной, а не постиндустриальной модели развития экономики России. По ее мнению, подход, при котором «федеральный центр выстраивает институты постиндустриальной экономики, а регионам делегирует полномочия по выстраиванию институтов индустриальной экономики и по помощи в выживании депрессивным территориям. Политика по предложению институтов должна быть более тонкой и направленной как на внутрироссийскую интеграцию постиндустриального сектора, так и на интеграцию сети постиндустриальной экономики с индустриальным сектором. Для этого предстоит пройти по пути доиндустриализации («новой индустриализации») страны и более полного экономического освоения ее пространства, а значит, и создать недостающие для индустриального сектора институты»²⁸⁹.

Институционалисты *критикуют* именно отечественную *неоклассическую* версию постиндустриализма (а не постиндустриализм как таковой), высказываясь против курса на «догоняющую постиндустриализацию» экономики России, т.е. также как и критикуемые ими ученые, обращаются исключительно к практикоориентированному аспекту постиндустриализма.

Историко-научный анализ современной отечественной критики постиндустриальной теории в главе 1 выявил ее основные содержательные особенности – обращение к марксистской теории в качестве теоретической основы и рассмотрение постиндустриальных процессов с позиции диалектики их формы и содержания. Разумеется, критическое восприятие постиндустриальных идей не могло не проявиться и в отходе от западных представлений о «постиндустриальном обществе» как, с одной стороны, современном этапе общественного развития передовых стран, и с другой – неантагонистическом обществе. Соответственно, с одной стороны, критике подвергаются «общепризнанные» трактовки постиндустриальных тенденций (в первую очередь, постиндустриальное общество как общество услуг), характерные для «неоиндустриальной парадигмы»; другая сторона критики – исследование постиндустриальных процессов с позиции анализа не только их содержания, но и их социально-экономической формы, такой подход характе-

---

²⁸⁸ Там же. С. 11.

²⁸⁹ Курбатова М. В. Проблемы формирования институциональной среды постиндустриальной экономики в современной России // Журнал институциональных исследований. 2010. Т. 2. № 1. С. 58.

рен для представителей постсоветского марксизма. Обратимся к специфике понимания «постиндустриального общества» в обозначенных теоретических подходах, принадлежащих политэкономическому течению.

Политэкономическое переосмысление постиндустриальных представлений о сущности современной социально-экономической трансформации характерно для работ В. А. Логачева. В отличие от сторонников отечественной неоклассической версии постиндустриализма, он придерживается качественных критериев в оценке «постиндустриального общества», считая «отраслевые критерии» сугубо частными, поверхностными, не отражающими глубины изменений²⁹⁰. В отличие от Иноземцева, он считает, что в «постиндустриальном обществе» труд и материальное производство не исчезают, а наполняются новым содержанием.

Содержанием постиндустриальной трансформации, согласно В. Логачеву, является *взаимопереход* труда и творчества, развитие творческого характера труда как процесса постепенного наполнения старой формы – индустриального труда – новым, творческим содержанием²⁹¹. В данном отношении творчество понимается широко, как более совершенная, развитая форма труда. Социальное содержание собственно труда и творческого труда различно, что и отражает их качественное отличие: суть первого в воспроизводстве материальных благ и индивида как носителя рабочей силы, второго – в развитии индивида как личности. Соответственно, в реалиях постиндустриализации увеличивается творческая часть труда и сокращается его рутинная часть.

Согласно Логачеву, в результате развития труда в рамках постиндустриализации можно предполагать возникновение нового типа личности – целостной личности – поскольку всеобщий труд преодолевает разделение труда на умственный и физический, которое и препятствует всестороннему развитию личности. Постиндустриальное общество, следовательно, должно принять целостный вид после завершения процесса развития труда из абстрактно-всеобщей формы в конкретно-всеобщую.

Ключевой теоретик постсоветского марксизма, А. В. Бузгалин, придерживается сходных представлений о содержании постиндустриальной трансформации. По его мнению, имеет место становление «креатосферы» как основы «царства свободы» на основании перехода от преимущественно репродуктивного труда к творческой деятельности, а также превращения «пространства и времени формирования творческого потенциала личности и создания культурных ценностей в основные сферы жизнедеятельности *всех членов общества*».

---

²⁹⁰ Логачев В. А., Мартыничук О. И. Противоречия и интегративные тенденции постиндустриализации общественной формы труда. Кемерово, 2008. С. 29-30.

²⁹¹ Там же. С. 80.

А. Г. Глинчикова также рассматривает постиндустриальную трансформацию с точки зрения процесса интеллектуализации труда и преодоления его отчуждения. Поскольку не всякая рабочая сила может быть отчуждена от условий труда, и не всякие средства производства могут быть отчуждены от рабочей силы по самой своей природе, то отчуждаемой при определенных условиях может оставаться лишь рабочая сила нетворческого труда²⁹². Следовательно, по ее мнению, «процесс массовой интеллектуализации труда ставит вопрос о вытеснении индустриального типа общества, как общества, базирующегося на отчуждаемом труде. В недрах индустриального общества развивается новый тип общества, базирующийся на неотчуждаемом по своей природе типе труда – творческом, интеллектуальном труде»²⁹³.

Таким образом, постсоветские марксисты, как и сторонники гуманистического подхода в западной общественной науке рассматривают постиндустриальную трансформацию с позиции изменения *содержания* человеческой деятельности. В этом аспекте их представления сходятся и с представлениями В. Иноземцева о «постэкономическом обществе». Однако такое сходство является формальным, тогда как на содержательном уровне их представления существенно отличаются друг от друга.

В частности, марксисты предлагают иную трактовку процесса интеллектуализации труда: данный процесс имеет место для всех категорий работников, а не только для группы «профессионалов», о чем говорит В. Иноземцев. Именно *всеобщий* (а не узкогрупповой) характер подобного процесса должен способствовать гуманизации экономики и переориентации ее на задачи всестороннего развития личности, считают они. Отечественные марксисты также используют другой критерий для выделения творческой деятельности как вида трудовой деятельности. Так, считается, что для творческого труда характерно сочетание самореализации и производства материальных благ, сочетание внутренних и внешних мотивов деятельности, а также его «субъект-субъектный» характер. Следовательно, в характеристиках творческого труда находят отражение как черты собственно труда, так и особенности творческой деятельности по В. Иноземцеву, что не оставляет места для дихотомии «труда» и «творчества». Наконец, третье содержательное отличие двух рассматриваемых подходов заключается в рассмотрении не только субъективных особенностей творческой деятельности в «постиндустриальном обществе», что характерно для В. Иноземцева, но и ее объективной составляющей, представляющей собой «диалектическое, противоречивое единство творчества как процесса деятельности, создающего предметный мир, и субъект-субъектного отношения, диалога, в котором осуществляет-

---

²⁹² См.: Глинчикова А. Г. Может ли быть товаром интеллектуал и продукт его труда? // Вопросы философии. 1997. №3.

²⁹³ Глинчикова А. Г. Капитализм, социализм, индустриальное общество - к вопросу о соотношении понятий // Вопросы философии. 2001. № 9. С. 51.

ся саморазвитие личности, составляет сущность творческой деятельности-отношения»²⁹⁴. Таким образом, в рамках марксистских представлений отвергается подход, отождествляющий индивидуальную и общественную стороны человеческой деятельности, характерный для технократического восприятия постиндустриальных процессов.

Постсоветские марксисты рассматривают не только содержание постиндустриализации, но и социально-экономическую форму этого процесса. Так, А. В. Бузгалин критикует мысль сторонников технократического подхода о неантагонистической природе «постиндустриального общества», считая, что «развитие постиндустриальных тенденций в условиях современного корпоративного капитализма происходит в превращенных формах»²⁹⁵. Следовательно, структура общественного производства «постиндустриального общества» представляется *промежуточной*: с одной стороны, происходит «вытеснение собственно материального производства»²⁹⁶, с другой – сохраняется *капиталистическая* (превратная) форма самого общественного производства. В результате возникают превращенные формы «креатосферы», целью которых является *возрастание капитала*, тогда как уровень развития производительных сил общества «превращенных форм» уже позволяет перейти к иной цели – развитию личности в процессе творчества. Как отмечает Бузгалин, «мы отслеживаем лишь первые шаги, которые неизбежно связаны с появлением достаточно уродливых, иногда мутативных форм, и сегодня мы можем лишь с большим трудом продираться через эти довольно уродливые облики новых феноменов, их превращенные формы, пытаясь вычленивать их зародыш, понять их *действительное существо* (курсив мой. – Д. К.)»²⁹⁷.

Противоречивый, *антагонистический характер* «постиндустриального общества», основанного на изменении содержания человеческой деятельности и сохранении ее общественной (капиталистической) формы, подчеркивает и А. Г. Глинчикова. «*Новый тип неотчуждаемого труда и продукта* развивается в условиях господства традиционных *индустриальных общественных отношений*, базирующихся на отчуждении со всеми вытекающими структурными последствиями, таковыми как: господствующая форма собственности – частная, базовые принципы оценки эффективности – прибыль, базовые оценки труда – стоимостные. Поскольку эти принципы оценки эффективны в условиях отчуждаемого труда, который был доминирующим для индустриального общества, они с необходимостью распространяются и на неотчуждаемые формы труда, только развивающиеся в недрах индустриального общества (курсив мой. – Д. К.)»²⁹⁸.

²⁹⁴ Бузгалин А.В. «Постиндустриальное общество» - тупиковая ветвь социального развития? (Критика практики тотальной гегемонии капитала и теорий постиндустриализма) // Вопросы философии. 2002. № 5. С. 34.

²⁹⁵ Там же. С. 31.

²⁹⁶ Там же. С. 32.

²⁹⁷ Там же. С. 33.

²⁹⁸ Там же. С. 51-52.

Следовательно, содержательных изменений недостаточно для становления «нового» общества, необходимо и соответствующее изменение экономической формы.

Согласно В. А. Логачеву, содержательные изменения человеческой деятельности на современном этапе общественного развития также не следует рассматривать вне их социально-экономической формы. Поскольку капиталистическая природа отношений в современном обществе сохраняется, то это приводит и к закономерным *противоречиям* в рамках рассматриваемых тенденций, в частности:

а) возникновение интеллектуальной собственности как необходимое условие функционирования капитала в новой среде препятствует развитию творческого процесса как в рамках общества, так и на отдельных предприятиях;

б) материальное вознаграждение в условиях капитализма остается главной целью и мотивом деятельности, что вступает в конфликт с изменившимися условиями внутренней мотивации труда;

в) творческие способности и знания используются преимущественно в тех сферах, где извлечение прибыли имеет наивысшие значения;

г) новые условия деятельности создают новые социальные барьеры в виде ограниченного доступа к образованию и т.д.²⁹⁹.

По мнению Логачева, в современных условиях сохраняется отчужденный труд как общественная форма труда, тогда как о качественных изменениях можно говорить лишь при переходе от *формы отчужденного* труда к *свободному*. При этом, отчуждение может быть как объективным, обусловленным частной формой собственности и отношениями купли-продажи рабочей силы, так и субъективным, когда труд воспринимается работником как потеря свободы. Соответственно, говорить о преодолении отчуждения можно лишь в случае ликвидации *объективных* причин его возникновения, а не только после изменения субъективно-психологического восприятия труда³⁰⁰.

Преодолеть отчуждение «можно лишь через преобразование непосредственно трудовой деятельности на основе постепенной ликвидации порабощающих форм социального разделения труда. Другими словами, ключом к изменению характера общественных отношений является именно переход от социально разделенного труда к всеобщему: «*Всеобщий труд всегда индивидуален независимо от того, совершается ли он в огромных количествах или является деятельностью одиночек* (курсив мой. – Д. К.)»³⁰¹.

²⁹⁹ Логачев В. А., Мартыничук О. И. Противоречия и интегративные тенденции постиндустриализации общественной формы труда. С. 43-44.

³⁰⁰ На последней точке зрения, в частности, настаивает В. Иноземцев (см.: Иноземцев В.Л. Наука, личность и общество в постиндустриальной действительности // Российский химический журнал. Том XLIII.1999. № 6. С. 20-39; Иноземцев В.Л. // Трансформации в современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общество (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2000. № 1. С. 5).

³⁰¹ Логачев В. А., Мартыничук О.И. Противоречия и интегративные тенденции постиндустриализации общественной формы труда. С. 88.

Со временем исчезнет множество социально-разделенных форм труда, и их место займет конкретная форма всеобщего труда – интеллектуальный труд. Поэтому объективный характер общественных отношений сохраняется даже несмотря на индивидуализацию деятельности в процессе постиндустриализации.

Разумеется, подобные выводы противоречат представлениям сторонников технократического подхода о социально-экономической форме происходящих изменений. Теоретическая основа подобных противоречий – различный уровень анализа постиндустриальных процессов. Как было отмечено выше, сторонники технократического подхода не обращаются к исследованию процессов с позиции диалектики формы и содержания, что позволяет им утверждать о «деструкции» объективного характера экономических отношений в «постиндустриальном» и «постэкономическом» обществе, их субъективизации (или об утрате экономическими отношениями определяющего значения для системы общественного производства). Теоретическим итогом подобного восприятия является отождествление общественных и индивидуальных отношений, что в корне не соответствует марксистским представлениям.

Другое значимое отличие подхода отечественных марксистов от технократической версии постиндустриализма (а также от подхода Иноземцева, разделяющего технократические представления в данном аспекте) – качественная оценка происходящих общественных изменений. Так, технократы склонны позитивно оценивать постиндустриальные процессы, поскольку, по их мнению, происходит переход от стихийного к целенаправленному, планируемому, рациональному общественному развитию за счет всё более широкого применения достижений науки в сфере управления. Марксисты подчеркивают противоречивый характер происходящих изменений, в чем совпадают с западным учеными-«когнитивистами».

Таким образом, несмотря на существование определенных различий во взглядах рассмотренных выше теоретиков, можно говорить о формировании единого политэкономического подхода к пониманию постиндустриальных тенденций в отечественной науке. Он является гуманистическим по сути, т.к. рассматривает постиндустриализацию, прежде всего, с точки зрения возрастания роли человека в системе общественного производства. Согласно данному подходу, содержание постиндустриальных тенденций заключается в интеллектуализации труда, представляющей собой не столько исчезновение индустриального (воспроизводственного) труда, сколько наполнение его новым, творческим содержанием. Значимое отличие данной трактовки содержания постиндустриальных тенденций от западной формы гуманистического подхода – акцент на формировании конкретно-всеобщего (интеллектуального) труда в связи с последовательным сокращением социального разделения труда. Именно такое развитие труда создает потенциальные воз-

возможности для возникновения «целостной личности» в связи с преодолением разделения труда на умственный и физический.

Вместе с тем, согласно представлениям отечественных марксистов, постиндустриальные тенденции реализуются в капиталистической общественной форме, что приводит к возникновению закономерных противоречий в рамках данных тенденций: росту превратного сектора, сохранению материальных стимулов для творческого труда, возникновению института интеллектуальной собственности, и т.д. Поэтому «постиндустриальное общество» воспринимается сторонниками политэкономического подхода как антагонистическое. Сущностью же постиндустриализации является «вызревание» в рамках капиталистической системы *качественно нового* типа общества, основанного на неэкономических (или «постэкономических») принципах, где общественные блага будут использоваться для гармоничного развития личности человека. В качестве его социально-экономической формы будет выступать «ассоциированное социальное творчество»³⁰², когда люди совместно, не прибегая к внешним механизмам, создают свои общественные отношения, совместно творят историю при помощи той культуры, которой они обладают.

Центральным элементом общности западного гуманистического и отечественного политэкономического подходов является исследование постиндустриальных тенденций на основе марксистской теории и методологии. Поэтому во многом схожа и логика самих исследований в рамках рассмотренных подходов – она строится на основе как критики капиталистической практики реализации постиндустриальных тенденций, так и технократической формы ее теоретического осмысления³⁰³. Таким образом, здесь имеет место переосмысление и реинтерпретация основ постиндустриальной теории на основе марксистского метода, в результате чего формируется схожее для обеих версий гуманистического подхода представление о современном обществе как об антагонистическом, сочетающим в себе содержательные изменения характера деятельности человека с сохранением их капиталистической общественной формы. Соответственно, в рамках этих представлений нельзя считать «постиндустриальное общество» качественно новым, логичнее рассматривать его как промежуточный этап между «экономическим» и «постэкономическим» обществами, в котором как сохраняются ключевые черты первого (стоимость, прибыль, частная собственность), так и появляются относительно новые черты второго (неотчуждаемый творческий труд). Следовательно, «постиндустриальное обще-

³⁰² См.: Бузгалин А.В. Это сладкое слово свобода... // Свободная мысль. 1999. № 9.

³⁰³ Особенности становления политэкономического подхода к трактовке постиндустриальной трансформации и его форма – марксистская критика постиндустриальной теории – подтверждают ранее высказанную нами мысль о невозможности органичного сочетания марксистского и постиндустриального подходов, на которое претендовала концепция «постэкономического общества». Так, на основе исследования работ Иноземцева было установлено, что при инкорпорации аргументации западной постиндустриальной в марксистской дискурсе происходит закономерный переход от гуманистических представлений к технократическим, нежели наоборот.

ство» является как *экономическим* (по совокупности признаков в классификации «до-экономическое-экономическое-постэкономическое», т.е. это его «структурная» характеристика), так и *переходным* (качественная характеристика).

Критические взгляды на возможность построения в России «общества услуг» разделяет и С. Губанов, автор «неоиндустриальной парадигмы». Данный подход, как было отмечено в первой главе, дополняет политэкономическую трактовку общественных изменений практикоориентированным аспектом, а значит, претендует на разрешение противоречия в развитии политэкономического течения. Идейные истоки рассматриваемой альтернативной трактовки постиндустриальных процессов можно проследить в работах советских критиков (Я. Хавинсона, Е. Громова, частично Г. Иконниковой), оспаривавших идею теоретиков постиндустриализма о становлении «общества услуг» как о преодолении материального производства. Однако реактуализация такого рода критики (даже без обращения к логике линии развития марксизма) вовсе не случайна.

Как показал анализ неоклассического направления отечественных постиндустриальных исследований, в его рамках происходит отход от целостного понимания постиндустриальных изменений на основе технократического подхода, а его место занимают фрагментарные представления. Соответственно, в рамках основного критерия постиндустриализации выдвигается «отраслевой» критерий. Это приводит к тиражированию мысли об исчезновении материального производства в «постиндустриальном обществе» вне постиндустриального идейного контекста данной тенденции – изменения производительных сил общества на основании широкого применения научных знаний в производстве. Таким образом, происходит закрепление представлений о «постиндустриальном обществе» как об «обществе услуг», следствием чего является трактовка «деиндустриализации» экономики (российской, в частности) как ее «постиндустриализации», т.е. этому процессу дается ложная позитивная оценка как прогрессивной тенденции. На наш взгляд, именно подобную трактовку постиндустриальных процессов и призвана опровергнуть «неоиндустриальная парадигма».

Придерживаясь на уровне теории классического политэкономического взгляда на процессы общественного развития, Губанов четко различает сущностные изменения способа производства как такового (от капитализма к «посткапитализму») и менее глубокие, тенденциозные трансформации внутри капитализма, сохраняющие его основу (от индустриального капитализма к неоиндустриальному). В такой системе координат постиндустриализация представляется автору «неоиндустриальной парадигмы» бессодержательным понятием, поскольку это «новое» общественное состояние представляет собой лишь сумму разноуровневых изменений современных обществ. По его мнению,

«постиндустриальное общество», «информационное общество», «общество знаний» и т.п. – «термины либо от философии номинализма, либо от идеологии иллюзии»³⁰⁴.

Сущность «посткапиталистической» трансформации понимается Губановым политэкономически, как поворот «от закона прибавочной стоимости к закону экономии труда, и, далее, к закону увеличения свободного времени»³⁰⁵. На современном этапе общественного развития происходит накопление материальных предпосылок такого перехода, так что он «олицетворяет будущее, а не настоящее»³⁰⁶. Такая трактовка общественного развития, по сути, соответствует гуманистическим представлениям. Однако для понимания «настоящего», согласно Губанову, нужно обратиться именно к анализу производительных сил передовых капиталистических обществ, что характерно для технократического подхода.

Отечественный экономист считает, что для *производительных сил* характерна последовательная индустриализация: ее «первая фаза имеет своим результатом электрификацию производительных сил общества... Результат второй фазы – автоматизированные... производительные силы»³⁰⁷. Вторая фаза развития производительных сил обозначена им как «неоиндустриализация». В контексте отечественных экономических исследований позиция Губанова представляет собой *политэкономическую критику* как «отраслевой» трактовки постиндустриализма, так и ее теоретических оснований – идей об изменении структуры факторов производства и снижении роли материального производства в экономике. «Не обработка информации делает рабочее место технотронным, – отмечает он, – а обработка предметов труда с помощью средств производства, управляемых посредством компьютеров. Труд и только труд есть вечный двигатель производства»³⁰⁸. Такому тезису соответствует понимание реалий отечественной экономики: причиной ее деиндустриализации является «дезинтеграция добывающей и обрабатывающей индустрии, причиной их дезинтеграции – дезинтеграция собственности, причиной дезинтеграции собственности – господство частнокапиталистической ее формы»³⁰⁹.

Таким образом, «неоиндустриальная парадигма» предлагает концептуальное осмысление технических и технологических изменений в рамках *производительных сил*, отличное от постиндустриального. Однако, несмотря на вполне обоснованную критику ряда положений постиндустриальной теории, Губанов неявно разделяет технократический подход к анализу постиндустриальных тенденций, свойственный данной теории.

³⁰⁴ Губанов С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. 2008. №9. С. 7.

³⁰⁵ Губанов С. Производительные силы: переход к технотронной эпохе // Экономист. 2002. № 7. С. 47.

³⁰⁶ Губанов С. Системный выбор России и уровень жизни // Экономист. 2011. № 11. С. 6.

³⁰⁷ Губанов С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. 2008. №9. С. 17.

³⁰⁸ Губанов С. Производительные силы: переход к технотронной эпохе // Экономист. 2002. № 7. С. 39.

³⁰⁹ Губанов С. Системный выбор России и уровень жизни // Экономист. 2011. № 11. С. 17.

Это подтверждает и тот факт, что в его работах отсутствует детальный анализ формы общественных отношений современного «неоиндустриального» общества, свойственный сторонникам гуманистического подхода, поскольку «правильная идентификация общественных отношений, адекватных технотронным производительным силам, не составит труда»³¹⁰.

Хозяйственные связи, по мнению академика Л. И. Абалкина, «представляют собой внешний, поверхностный слой производственных отношений, конкретные взаимоотношения между предприятиями, производственными объединениями, отраслями»³¹¹. Именно этот «слой» производственных отношений обозначается Губановым как «вертикальная интеграция» – «воспроизводственная интеграция науки, добывающих и обрабатывающих производств, со специализацией на выпуске конкретных видов конечной наукоемкой продукции»³¹². Вместе с тем, анализ *социально-экономического* слоя производственных отношений отсутствует в «неоиндустриальной парадигме», а значит, неявно допускается капиталистический характер современных «неоиндустриальных» обществ. В пользу этой трактовки говорит и закон «вертикальной интеграции», сформулированный Губановым, согласно которому извлечение *прибыли* в вертикально интегрированных *корпорациях* возможно лишь из готовой продукции, а не из сырья и полуфабрикатов. А поскольку сохраняется прибыль и воспроизводство капитала, то невозможно говорить о становлении нового (посткапиталистического) характера общественных отношений в современном обществе.

В этом аспекте понимания постиндустриальных тенденций Губанов расходится со сторонниками гуманистического подхода, считающими капиталистическую форму неадекватной современному, «неоиндустриальному» уровню развития производительных сил. Нацеленность системы общественного производства, прежде всего, на возрастание капитала препятствует оформлению конкретно-всеобщей формы труда – творческого труда, – распространяя стоимостные критерии эффективности на сферу духовного производства. Поэтому современное экономическое развитие осуществляется в превращенных формах, отсутствует полная «адекватность» производительных сил социально-экономическому «срезу» производственных отношений.

Концепция Губанова предлагает детальный анализ изменения производительных сил, чем дополняет общетеоретическую политэкономическую трактовку, реализует дедуктивный принцип «восхождения от абстрактного к конкретному». Но вместе с этим наблюдается и частичный «отход» от политэкономического восприятия постиндустриальных тенденций, умаление «масштаба» происходящих изменений (не становление но-

³¹⁰ Губанов С. Производительные силы: переход к технотронной эпохе // Экономист. 2002. №7. С. 37.

³¹¹ Абалкин Л. И. Диалектика социалистической экономики. М. : Мысль, 1981. С. 100.

³¹² Губанов, С. Неиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. 2008. №9. С. 23.

вого способа производства, а всего лишь изменение производительных сил капитализма). Можно выявить основания такой «формализации» в рамках «неоиндустриальной парадигмы» – в первую очередь, желание усилить практическую функцию экономической теории (тем более что постиндустриальная теория в ее «ортодоксальном» варианте не дает никаких практических советов и рекомендаций, а идея о необходимости построения «общества услуг» является вымыслом отечественных либеральных экономистов); во вторую – неопределенность формы социально-экономических отношений будущего на современном этапе развития (поэтому автор, дабы сохранить практикоориентированность своего подхода, не допускает «излишнего» теоретизирования).

Таким образом, «неоиндустриальная парадигма» предлагает альтернативную трактовку развития производительных сил на основании политэкономической критики идеи о становлении «общества услуг». Содержанием современных социально-экономических изменений здесь полагается становление «неоиндустриальных» производительных сил, основанных на автоматизации производственных процессов. С одной стороны, такая трактовка в целом соответствует технократическому подходу к пониманию постиндустриальных изменений, т.к. здесь делается акцент на изменении вещественных аспектов производительных сил. С другой стороны, имеет место иное толкование направления развития производительных сил по сравнению с «технократическим» – материальное производство не утрачивает ключевой роли в экономике, а, наоборот, становится всё более важным на современном этапе развития. Сторонники «неоиндустриальной парадигмы» критикуют и идею постиндустриальных «технократов» о возникновении нового фактора – «знаний» («информации»), рассматривая «производство знаний» как элемент труда, трудовой деятельности. Соответственно, в процессе «неоиндустриализации» происходит изменение пропорции между занятыми собственно трудом и занятыми обеспечением функций целесообразности труда, что, в свою очередь, указывает на изменение содержания трудовой деятельности человека. Несмотря на близость такой трактовки к политэкономическому пониманию постиндустриальных процессов, изменение места человека в системе общественного производства рассматривается здесь лишь как один из аспектов «неоиндустриализации», что не позволяет охарактеризовать ее как чисто гуманистическую. Поэтому в содержательном плане данная концепция является политэкономической формой сочетания технократического и гуманистического подходов, дополняя марксистское исследование изменений содержания и социально-экономической формы трудовой деятельности человека анализом отраслевого аспекта развития производительных сил.

Возможно, «неоиндустриальная парадигма» в ближайшей перспективе поднимется до уровня «отрицания отрицания» постиндустриального видения современной трансформации, однако в настоящий момент об этом говорить рано. Учитывая ее относитель-

ную «новизну» (с момента опубликования центральной статьи С. Губанова прошло немногим больше шести лет) и активную ответную реакцию отечественных ученых на ее появление (что говорит, прежде всего, об актуальности подобного подхода), такой вариант ее развития, на наш взгляд, весьма вероятен.

Как видится в свете рассмотренных подходов, основная практическая ценность «неоиндустриальной парадигмы» заключается в системной критике «отраслевого» подхода, получившего широкое научное признание в России. Именно с такой точки зрения становится понятной причина «отказа» ведущего отечественного постиндустриалиста, В. Иноземцева, от актуализации постиндустриальной теории: «... сегодня парадигма постиндустриализма вообще не для нашей страны и потому применительно к России о ней не надо даже вспоминать»³¹³. На наш взгляд, речь идет именно об отказе В. Иноземцева от «отраслевой» трактовки постиндустриальной стадии общественного развития, а не от постиндустриальной теории как таковой, что является еще одним свидетельством неадекватности использования «отраслевого» подхода для осуществления модернизации экономики России.

3.2 Отражение постиндустриальных идей в концепциях социально-экономического развития России

Постиндустриальная теория в отечественных экономических исследованиях прошла долгий путь от ее полного отрицания до фактического принятия в качестве нормативной модели общества будущего. Ее столь высокая актуальность, в первую очередь, связана с практическими потребностями отечественной общественной науки – необходимостью концептуального осмысления и объяснения во многом разнонаправленных тенденций развития современных обществ, определения положения российского общества на магистральной линии общественного развития и прогнозирования его перспектив. Д. Белл неслучайно вынес термин «прогнозирование» в название своего фундаментального труда, ведь именно на глубокой, системной трактовке тенденций возможно построение точных прогнозов, тем более, если объектом прогнозирования становится такая сложная структура, как общество – это позитивный аспект постиндустриальных исследований, связанный с реализацией прогностической функции науки.

Вместе с тем, чем более четкими и устоявшимися становятся представления ученых о постиндустриальной трансформации, чем большее количество конкретных аспектов общественного бытия описывает постиндустриальная теория, тем большую популярность получает постиндустриализм в экономической практике, а значит, становится

---

³¹³ Иноземцев В. Будущее России – в новой индустриализации // Экономист. 2010. № 11. С. 3-4.

и концептуальной основой для разработки экономической политики государства – это нормативный аспект постиндустриализма, связанный с реализацией практической функции науки. Разумеется, такой характер развития каждой конкретной экономической теории вполне закономерен – закономерны и проблемы, возникающие на этом пути.

Как было показано выше, разные постиндустриальные исследования и подходы (как отечественные, так и западные), несмотря на некоторые их сходства, по-разному объясняют содержание современной постиндустриальной трансформации, поскольку придерживаются специфических представлений о сущности экономических отношений. Чем менее целостными являются эти представления, тем более «простым» кажется построение постиндустриального общества». Однако помимо теоретической специфики имеющихся представлений (и рекомендаций, выдвигаемых на их основе), не менее важной является и их практический потенциал для построения научно обоснованной экономической политики России. Попытаемся проследить, какая из позиций отечественных экономистов оказалась наиболее близкой для российского правительства, какое отражение нашла постиндустриальная теория в программах развития России. Для этого обратимся к анализу Посланий президента Российской Федерации федеральному собранию (далее «Посланий»), поскольку «... в каждом из посланий давалась не только оценка ситуации в стране... но и определялись приоритеты... по сути, это и есть... достаточно конкретный и основательный план развития России»³¹⁴.

Первая половина 2000-х г. для постиндустриализма в отечественной экономической науке стала началом этапа «плюрализма подходов», началось разнонаправленное развитие постиндустриальных идей: с одной стороны – критика и переосмысление, с другой – институционализация и либеральное одобрение. Подобное неопределенное состояние нашло свое отражение и в Посланиях Президента РФ в 2000-2005 гг. Так, В. В. Путин в Послании 2003 г. отметил, что в этом году «высокими темпами развивались информационные технологии», а «так называемая «новая экономика»... растет»³¹⁵. Степень развития «высоких технологий» трактуется здесь как один из ключевых показателей прогрессивности национальной экономики, хотя речь и не идет об использовании постиндустриальной теории как методологической базы для оценки этой «прогрессивности» (т.е. термин «новая экономика» использован не как синоним качественно нового этапа общественно-экономического развития, но как способ обозначения сектора «высоких технологий»).

Здесь же неявно была высказана и идея о невозможности форсированного построения «нового общества» в России: «...цифры показывают, что *сбалансированный* рост

³¹⁴ Послание Президента РФ Путина В. В. Федеральному Собранию РФ от 26 апреля 2007 года [Электронный ресурс] / В. В. Путин. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2007/04/125339.shtml>.

³¹⁵ Послание Президента РФ Путина В. В. Федеральному Собранию РФ от 16 мая 2003 года [Электронный ресурс] / В. В. Путин. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2003/05/44623.shtml>.

отечественной экономики – базирующейся как на традиционных отраслях, так и на современных технологиях – возможен (курсив мой. – Д. К.)»³¹⁶. Характерную для отечественных постиндустриальных исследований «сдержанную» позицию в это время выражал В. Иноземцев, указывая на невозможность построения «постиндустриального общества» при отсутствии соответствующей «индустриальной» экономической базы.

Однако вслед за стремительной популяризацией постиндустриальных идей в отечественной экономической науке во второй половине 2000-х гг., происходившей в рамках работ экономистов основного течения, идеи о необходимости стремления к передовому краю общественно-экономического развития всё более часто встречаются в высказываниях политического истеблишмента. Так, В. В. Путин в Послании 2006 г. отметил, что «Россия должна стать... крупным экспортером интеллектуальных услуг»³¹⁷, а Д. А. Медведев в Послании 2008 г. предложил в качестве программы развития России концепцию «четырех “И”» – институты, инвестиции, инфраструктура, инновации. Здесь же было отмечено, что «...наш приоритет – это производство... знаний, новых технологий и передовой культуры... Мы обязаны быть на переднем крае инноваций в основных сферах экономической и общественной жизни»³¹⁸. В подобных высказываниях прослеживается влияние на российский истеблишмент отраслевой трактовки, характерной для отечественной формы технократического подхода к восприятию современных тенденций общественно-экономического развития: для перехода на новый этап развития необходимы, прежде всего, структурные изменения в экономике, в частности, развитие сферы услуг – сферы производства знаний, технологий и культуры. Такой подход можно соотнести с представлениями отечественных экономистов-неоклассиков о постиндустриальных процессах.

«Признание» важности постиндустриальной теории руководством страны произошло в 2009 г.: Д. А. Медведев в своем Послании отметил, что «Советский Союз так и остался индустриально-сырьевым гигантом и не выдержал конкуренции с постиндустриальными обществами»³¹⁹. При этом постиндустриализация связывается лишь с отраслевыми изменениями: «В XXI в. нашей стране вновь необходима всесторонняя модернизация... Вместо сырьевого хозяйства мы создадим умную экономику, производящую уникальные знания, новые вещи и технологии, полезные людям»³²⁰. Другими словами, в Послании обосновывается возможность и необходимость перехода от «доиндустриального

---

³¹⁶ Там же.

³¹⁷ Послание Президента РФ Путина В. В. Федеральному Собранию РФ от 10 мая 2006 года [Электронный ресурс] / В. В. Путин. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2006/05/105546.shtml>.

³¹⁸ Послание Президента РФ Медведева Д. А. Федеральному Собранию РФ от 5 ноября 2008 года [Электронный ресурс] / Д. А. Медведев. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/11/208749.shtml>.

³¹⁹ Послание Президента РФ Медведева Д. А. Федеральному Собранию РФ от 12 ноября 2009 года [Электронный ресурс] / Д. А. Медведев. URL: <http://президент.рф/transcripts/5979> (дата обращения: 03.04.13).

³²⁰ Там же.

общества» к «постиндустриальному», от добычи сырья к созданию знаний, минуя «индустриальный» этап.

Таким образом, к концу 2000-х г. постиндустриальная теория получила определенное признание среди политического истеблишмента, а в основных пунктах экономической политики стали прослеживаться черты отечественного подхода к постиндустриализму, удачно характеризованного В. Мау как «догоняющая постиндустриализация». Разумеется, при таком обращении к постиндустриализму отечественными стратегами были переняты как его потенциально сильные теоретические моменты (например, была актуализирована идея развития в противовес идее о «конце истории», была признана важность установления ориентиров такого развития), так и теоретические слабости, подробно рассмотренные в настоящей работе. Среди последних можно выделить недостатки постиндустриальной теории как таковой: в первую очередь, технодетерминизм. Идея о том, что «инновации» могут качественно преобразовать общество, является в высшей степени технодетерминистской, а ее сторонники вслед за многими экономистами-технократами забывают, что НТП суть общественное явление, что у него есть та или иная общественно-экономическая форма. Конечно, нельзя отрицать важность развития технологий для современного общества, однако, как убедительно показала история XX в., только лишь развитием технологий и экономическим ростом нельзя построить даже капиталистическое (по сути) «общество всеобщего благосостояния», не говоря уже о качественно новом, посткапиталистическом «постиндустриальном обществе».

Поскольку среди всех постиндустриальных трактовок российской государственной власти наиболее близким оказался подход отечественных экономистов основного течения, то были некритически воспроизведены и теоретические недостатки этого подхода: в первую очередь, «отраслевое» определение постиндустриальной стадии. Как убедительно показал Д. Белл, отраслевые изменения – это следствие постиндустриализации, но не ее причина. Нам представляется, что именно поэтому построение «постиндустриального общества» в РФ во многом остается на уровне абстрактных концептов и политических деклараций, а многие реальные попытки оказываются неэффективными, ведь а) построение «постиндустриального общества» началось «с конца» – в постиндустриальных (по мнению Д. Белла) США никто целенаправленно не развивал сферу услуг в ущерб обрабатывающей промышленности (а трудовые и финансовые ресурсы для развития сферы услуг были высвобождены за счет масштабного аутсорсинга индустриального производства); б) нововведения осуществляются в господствующей общественно-экономической (капиталистической) форме (например, это проявляется в попытках привлечения иностранных инвестиций в отечественный «постиндустриальный» сектор экономики, тогда как по факту большая часть инвестиций идет в сырьевой сектор, что вполне закономерно).

Глобальный экономический кризис 2008-2014 гг. не только разрушил временную иллюзию благополучия экономики России, но и обозначил острую необходимость отхода от инерционного рыночноориентированного сценария развития. Ответом отечественных ученых-экономистов на этот общественный запрос стали различные концепции и проекты социально-экономического развития, предлагающие, по сути, альтернативные рецепты будущего экономического успеха. Хотя кардинальных изменений в российском обществе с тех пор не произошло, высказанные мнения вызвали широкую общественную дискуссию.

Чтобы наиболее полно отразить весь спектр позиций отечественных ученых в отношении будущего России, проведем сравнительный анализ основных тезисов в рамках трех ключевых взглядов: (1) *рыночно-постиндустриального* – четко выраженного в «Стратегии-2020: Новая модель роста – новая социальная политика» (далее Стратегия-2020), разработанной под руководством В. Мау и Я. Кузьмина³²¹; (2) *рыночно-реиндустриального*, предложенного В. Иноземцевым³²²; (3) *планово-неоиндустриального*, развиваемого С. Губановым³²³. Прежде всего, обратимся к анализу первого взгляда, поскольку Стратегия-2020 разрабатывалась по заданию Правительства РФ и претендовала на статус официальной стратегии социально-экономического развития России до 2020 года.

Стратегия-2020 предполагает форсированный переход к постиндустриальному обществу в России, так называемую «догоняющую постиндустриализацию». По мнению ее авторов, постиндустриализация российского общества может быть осуществлена в результате соответствующей экономической и социальной политики. В рамках первой составляющей предлагается ориентация на *«постиндустриальную экономику – экономику завтрашнего дня. В ее основе сервисные отрасли, ориентированные на развитие человеческого капитала: образование, медицина, информационные технологии, медиа, дизайн, «экономика впечатлений» и т. д. (курсив мой. – Д. К.)»*³²⁴. Здесь термин «постиндустриальная» в качестве характеристики состояния экономики используется в значении «неиндустриальная», т.е. эта экономика, в отраслевой структуре которой доминирует сфера услуг, создающая большую часть национального дохода. Таким образом, авторам Стратегии-2020 близка *отраслевая трактовка* постиндустриализма, связывающая *содержание* современной общественно-экономической трансформации, прежде всего, с изменением *отраслевой структуры*.

---

³²¹ Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года «Стратегия-2020: Новая модель роста - новая социальная политика» [Электронный ресурс]. URL: <http://2020strategy.ru>.

³²² Принуждение к инновациям: стратегия для России. Сборник статей и материалов / под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Центр исследований постиндустриального общества, 2009. 288 с.

³²³ Губанов, С. Системный выбор России и уровень жизни // Экономист. 2011. № 11. С. 3-55.

³²⁴ Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года «Стратегия-2020: Новая модель роста - новая социальная политика» [Электронный ресурс]. URL: <http://2020strategy.ru>.

Поскольку отраслевые трансформации связаны не только с изменением вклада тех или иных отраслей в национальный продукт, но и с соответствующим изменением структуры занятости, социальная политика Стратегии-2020 также апеллирует к этой тенденции: она «должна полнее учитывать интересы *тех слоев общества*, которые способны реализовать потенциал инновационного развития... С экономической точки зрения это представители *среднего класса*, доходы и социальные установки которых позволяют им выбирать модели трудового поведения и потребления. С культурной точки зрения это люди с высшим образованием, относящиеся к *креативному классу* (курсив мой. – Д. К.)»³²⁵.

Отраслевая технократическая трактовка постиндустриализма присутствует как в исследованиях отечественных, так и западных ученых. Ее столь высокая популярность связана, прежде всего, с теоретической четкостью границ «постиндустриального общества», основанных на статистических показателях отраслевой структуры экономики и структуры занятости. Но вместе с тем, эта четкость границ создает иллюзию полного понимания постиндустриальных процессов – внешние, формальные стороны постиндустриальной трансформации воспринимаются как ее сущность, а глубинным, основополагающим процессам не уделяется должного внимания.

Уже в начале этого документа мы встречаем указание на использование в качестве «базовых» неоклассической и неинституциональной экономических теорий: в качестве основных мероприятий социально-экономического развития предполагается построение «экономики предложения» и «снятие институциональных барьеров для экономического роста»³²⁶. Заявленная ориентация на «постиндустриализацию» структуры экономики подтверждается и установкой, согласно которой «в условиях быстрого изменения технологий государство в экономике должно заниматься не выбором *«фаворитных» отраслей* и компаний, не поддержкой их ускоренного роста, а... развитием *конкурентной среды*, выработкой и поддержанием *правил игры* для рынков (курсив мой. – Д. К.)»³²⁷.

По мнению авторов Стратегии-2020, именно либеральные методы регулирования общественного развития могут стать основой постиндустриализации: «...только высокий уровень конкуренции может создать реальный спрос на инновации, стимулировать трансформацию экономики в инновационную»³²⁸. Ориентация на построение «экономики предложения» предполагает и сокращение вмешательства государства в экономику, которое, якобы, мешает ведению эффективного бизнеса в стране за счет высоких ставок налогов, значительной доли государственной собственности и т.п. Вместо этого, согласно рассматриваемой стратегии, ему должна отводиться роль экономического «арбитра», следящего за соблюдением «правил игры», что позволит активизировать частную инициативу. Таким

---

³²⁵ Там же.

³²⁶ Там же.

³²⁷ Там же.

³²⁸ Там же.

образом, в качестве основных мероприятий реформ предполагается снижение налоговых ставок (т.к. теоретической основой «экономики предложения» является «кривая Лаффера»), приватизация государственной собственности, отказ от промышленной (отраслевой) политики как таковой, а построение постиндустриального общества представляется *автоматическим* в случае соблюдения «ключевых» макроэкономических и институциональных условий – в такой форме происходит соединение постиндустриальных идей и неолиберальных методов реформирования экономики.

Переход к постиндустриальному обществу видится авторам Стратегии-2020 и единственным экономически эффективным решением, ведь «в силу высоких внутренних издержек, включая оплату труда, конкурентоспособность отечественной экономики в секторе массового промышленного производства ограничена. В то же время высокое качество человеческого капитала и сохранившийся научный потенциал открывают перед страной возможности для того, чтобы занять определенные ниши на рынке технологий»³²⁹. Этим допускается принципиальная возможность специализации страны исключительно на экспорте технологий, а в качестве примера и образца такой специализации выступают США. Формально теория Хекшера-Олина допускает подобное будущее и для России, если считать, что фактор знаний (остатки советской системы образования и науки) является избыточным. Так, авторы Стратегии-2020 видят будущую Россию страной «высоквалифицированных инженеров, инновационных предпринимателей и менеджеров»³³⁰.

Стоит усомниться в реальности подобных перспектив, основанных исключительно на анализе отраслевой структуры экономики. Становление «экономики услуг» в США и странах Западной Европы, начавшееся в 1960-х гг., нельзя воспринимать отдельно от процесса переноса промышленного производства (из США – в страны Латинской Америки и Юго-Восточной Азии, из Западной Европы – в страны Центральной и Восточной Европы) и становления глобальной экономики ТНК. Эти взаимосвязанные процессы создали устойчивые цепочки перераспределения добавленной стоимости, позволив странам-лидерам в своих национальных границах заниматься, прежде всего, производством знаний и технологий, «делегировав» функцию промышленного производства странам второго и третьего мира. Функция экономического (и политического) контроля также остается за развитыми странами.

Промышленная сущность «сервисной экономики», таким образом, не вызывает сомнения. Поэтому вряд ли стоит ожидать беспрецедентного расцвета интеллектуальных производств в России в случае реализации Стратегии-2020 – знаниям и технологиям требуется потребитель, а поскольку предполагается исключительно экспортная ориентация такой экономики, то возникает вопрос, имеется ли альтернатива промышленным производствам в развивающихся странах, контролируемым «родными» ТНК (поскольку таких ТНК

---

³²⁹ Там же.

³³⁰ Там же.

в России нет)? Простая вера в свободный мировой рынок и честную международную конкуренцию здесь вряд ли оправданна, а теория Хекшера-Олина скорее оправдывает сырьевую ориентацию отечественной экономики, встраиваемой в мировое хозяйство в качестве «доиндустриального» кластера, чем подтверждает возможность построения постиндустриальной «инновационной экономики».

Что же следует ожидать в случае реализации основных компонентов Стратегии-2020? Прежде всего – ту самую «постиндустриализацию» структуры экономики, точнее, ее окончательную деиндустриализацию, ликвидацию обрабатывающей промышленности как таковой. Этот процесс, начавшийся еще в начале 1990-х гг., стал выражением тотальной либерализации экономических отношений – обрабатывающие производства, оказавшиеся во власти рыночных сил, не выдержали конкуренции с добывающим сектором, обладающим более высокой прибыльностью и не требующим многолетних планомерных инвестиций для осуществления эффективной деятельности с выходом на мировые рынки. В свою очередь, развитие сферы услуг в этом же периоде выступало не столько показателем прогрессивности экономики, сколько указывало на ее отсталость: вместо таких сфер как образование, здравоохранение и наука («постиндустриальных» по содержанию) имел место рост доли сфер торговли и финансовых спекуляций («постиндустриальных» лишь по форме). По данным за 2011 г. на две последние сферы совокупно приходится около 30% ВВП России³³¹. Конечно же, сфера услуг эти проценты ВВП не создает, а присваивает за счет перераспределения доходов от экспорта полезных ископаемых (по преимуществу).

Таким образом, за 20 последних лет Россия столкнулась с автоматической «постиндустриализацией», базой которой, как бы парадоксально это ни звучало, является добывающий сектор экономики, а сфера услуг выступает в качестве основного рычага перераспределения создаваемых в его рамках богатств. Плановая «постиндустриализация» в русле Стратегии-2020 рискует ускорить процесс деиндустриализации отечественной экономики, увеличив фиктивный «постиндустриальный сектор» за счет оттока и без того незначительного капитала из обрабатывающей промышленности. В итоге «инновационная экономика» России станет «колоссом на глиняных ногах» мировых цен на энергоносители: любые негативные изменения вновь позволят увидеть за «постиндустриальным фасадом» экономики ее рентно-сырьевую сущность (как это было в 2008 г., и, особенно, в 2014 г.). Ну и уж совсем ясной стала необходимость собственной промышленной базы для «постиндустриального сектора» в ходе событий лета 2014 г. по «выдавливанию» России из мировой экономики.

Содержание современной отечественной «постиндустриализации», по всей видимости, понимают и авторы Стратегии-2020, отмечая, что инновационные процессы в России «пока слабо влияют на развитие экономики. Они находятся в состоянии длительной и

---

³³¹ См: Российский статистический ежегодник. 2011 / Росстат. М., 2011. С. 316-317.

устойчивой стагнации...»³³². Однако их последовательная приверженность ошибочным теоретическим представлениям о механизмах постиндустриальной трансформации, так называемым «мифологемам постиндустриализма»³³³, препятствует пониманию невозможности построения постиндустриальной экономики в России по образцу США.

Авторы рассматриваемой стратегии вполне четко проявляют свою классовую позицию, озвучивая заявку так называемого «креативного класса» на экономическое и политическое лидерство. Возникает вопрос, что же представляет собой этот «класс»? Его определяют по *содержанию трудовой деятельности*, т.е. в него входят люди, занятые умственным трудом (или творческой, «креативной» деятельностью) в противовес «классу», представители которого заняты исключительно физическим трудом. Но не стоит забывать, что научной основой выделения классов является *место* его представителей в системе производственных отношений, определяемое отношением к собственности на средства производства, что предполагает разделение на собственников (работодателей) и наемных работников. Поэтому формально однородный «креативный класс» можно разделить на «креативную» элиту («класс интеллектуалов» по В. Иноземцеву, представляющий собой «некий противоречивый синтез научной, предпринимательской и политической элит»), и наемных работников умственного труда.

Авторы Стратегии-2020 встают, таким образом, именно на сторону «креативной» элиты, требуя *перераспределения* в ее пользу всё большей доли *национального дохода*. Наемным работникам (и умственного, и физического труда) в «новой» системе распределения отводится традиционное место производителей прибавочной стоимости. Такой сценарий, по сути, предполагает нарастание социальных антагонизмов в будущем «постиндустриализме не для всех», в котором меньшинство получит доступ ко всем преимуществам передового этапа общественного развития, а большинство будет вынуждено довольствоваться постоянно уменьшающимися возможностями и благами индустриального общества, неся на себе социально-экономические издержки «постиндустриализации».

Следствием укрепления позиций российского «перераспределительного постиндустриализма», фактически планируемого авторами Стратегии-2020, станет и усиление неоднородности *регионального развития*. «Право на жизнь» в такой системе остается только у регионов с добывающим профилем экономики и «постиндустриальных» мегаполисов. Ориентация производства технологий на экспорт и установка только на «про-

---

³³² Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года «Стратегия-2020: Новая модель роста - новая социальная политика» [Электронный ресурс]. URL: <http://2020strategy.ru>.

³³³ См.: Левин С. Н. Альтернативы институционального развития развивающихся и постсоциалистических стран: мифологема «постиндустриализма» и «глобализма» и реальные тенденции // Журнал институциональных исследований. 2010. Т. 2. №1. С. 6-16.

рывные» направления не оставляют надежды на «постиндустриализацию» добывающих отраслей, т.е. автоматизацию добычи полезных ископаемых и интеллектуализацию труда шахтеров, нефтяников, газодобытчиков и т.д. По сути, будет происходить перераспределение сырьевой ренты (что имеет место и сейчас) и рост благосостояния, в первую очередь, «креативной» элиты в мегаполисах, формально занятых «созданием инноваций». Перспективы регионов, не обладающих запасами полезных ископаемых и находящихся на региональной периферии, вдали от центров «производства» знаний и инноваций, Стратегией-2020 не рассматриваются. Они так и останутся дотационными, а такой статус не предполагает возможностей для развития.

Таким образом, *рыночно-постиндустриальный* сценарий развития при формальной ориентации на создание экономики, производящей технологии на экспорт, фактически предполагает развитие «перераспределительного постиндустриализма» в России, следствием чего станет (1) *закрепление и упрочнение социальных антагонизмов* и (2) *увеличение неравномерности регионального развития с тенденцией к распаду РФ*.

Альтернативу Стратегии-2020 в рамках либерального направления представляет собой концептуальный взгляд на будущее России, предложенный Центром исследований постиндустриального общества под руководством В. Иноземцева. Прежде всего, здесь предполагается ориентация на *индустриальное развитие*: «развитие России неизбежно следовало бы переориентировать в направлении «новой индустриализации», создания мощной промышленной базы, которая смогла бы производить как массовую, так и индивидуальную наукоемкую продукцию, конкурировать на мировом рынке с товарами из развитых стран»³³⁴.

В. Иноземцев приходит к практическим рекомендациям, отличным от Стратегии-2020, и более того, содержательно оппонирует подобным взглядам: «официально заявленная задача построения «умной экономики» и переход на «инновационные рельсы» развития практически *недостижима* в ближайшее время, так как инновационная экономика в исторической ретроспективе успешно развивалась лишь там и тогда, где и когда она опиралась на *мощную промышленность...* (курсив мой. – Д. К.)»³³⁵. Здесь не только отрицается «отраслевая» составляющая либерально-постиндустриальной трактовки экономического развития, но и подчеркивается важность *индустриальной базы* для становления постиндустриальной экономики.

Понимание постиндустриальных процессов у В. Иноземцева находится на более высоком теоретическом уровне, следствием чего является отрицание формальных отраслевых критериев постиндустриального этапа и обращение к анализу содержания это-

---

³³⁴ Принуждение к инновациям: стратегия для России. Сборник статей и материалов / под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Центр исследований постиндустриального общества, 2009. С. 7.

³³⁵ Там же. С. 8.

го процесса, связанного с изменением характера трудовой деятельности человека. Подобное понимание соотносится и с более корректными практическими рекомендациями, с отказом от либерально-постиндустриального фундаментализма и подчеркиванием необходимости форсированной реиндустриализации, без которой невозможен выход в дальнейшем на постиндустриальный этап развития (ввиду отсутствия промышленных предприятий за рубежом, связанных с российской сферой высоких технологий в рамках ТНК).

Концепция развития, разработанная под руководством В. Иноземцева, не предусматривает радикальных политико-экономических изменений и стоит на позициях либерального реформизма. Так, отмечается, что «стратегической целью российской модернизации должно явиться построение рыночной дебюрократизованной экономики, включенной во взаимовыгодные международные хозяйственные связи...»³³⁶. Но, в отличие от Стратегии-2020, здесь подчеркивается и важная роль государства, которое должно «поставить задачи развития выше appetites олигархов и чиновников»³³⁷.

Конечно, промышленноориентированная рыночная экономика, в которой процессы перераспределения сырьевой ренты взяты под частичный контроль государства, выглядит более привлекательной для России, чем «перераспределительный постиндустриализм». Не вызывает сомнения и тот факт, что данная концепция выражает, прежде всего, интересы отечественного промышленного капитала, в перспективе претендующего на место, занятое фиктивным капиталом, который сегодня поглощает значительную часть сырьевой ренты, не производя ничего. Близка такая позиция и бюрократической элите, не желающей терять контроль над процессами перераспределения сырьевой ренты и осознающей необходимость «оздоровления» отраслевой структуры экономики России, что способствовало бы экономической стабилизации и упрочнению влияния этой группы на общественные процессы. С точки зрения социально-экономического эффекта, от анализируемой стратегии следует ожидать сглаживания антагонизмов «перераспределительного постиндустриализма» (социальных и региональных) в связи с переходом к более приемлемой для общества структуре национальной экономики. Подчеркивается и необходимость связи производства сырья, промышленных товаров и технологий, что может послужить основой для постепенного технологического обновления производства и региональной интеграции. Однако сглаживание обозначенных антагонизмов во все не означает их преодоление, что в принципе невозможно в рамках капиталистической системы общественных отношений. Соответственно, рыночно-либеральные меры не позволят решить проблему неравномерного распределения ресурсов и доходов.

---

³³⁶ Там же. С. 128.

³³⁷ Там же. С. 130.

Таким образом, концепция экономического развития, разработанная под руководством В. Иноземцева, может быть охарактеризована как *рыночно-реиндустриальная*: с одной стороны она отвергает ориентацию Стратегии-2020 на форсированное построение мнимого (секторального) постиндустриализма, с другой – разделяет либеральные методы реформирования экономики, отстаивает идею жизнестойкости и прогрессивности рыночного хозяйства.

Иное понимание постиндустриальных тенденций характерно для позиции С. С. Губанова, отстаивающего идею о необходимости «неоиндустриализации» России (в рамках неоиндустриальной парадигма). В контексте отечественных экономических исследований позиция Губанова представляет собой *политэкономическую критику* как «отраслевой» трактовки постиндустриализма, так и ее теоретических оснований – идей об изменении структуры факторов производства и снижении роли материального производства в экономике. Такому подходу соответствует понимание реалий отечественной экономики: причиной ее деиндустриализации является «дезинтеграция добывающей и обрабатывающей индустрии, причиной их дезинтеграции – дезинтеграция собственности, причиной дезинтеграции собственности – господство частнокапиталистической ее формы»³³⁸.

Критическая позиция сохраняется и в отношении либеральных программ развития. Согласно Губанову, «консервативная альтернатива [рыночно-реиндустриальная позиция. – Д. К.] настаивает на сохранении государственно-олигархического партнерства и политически ограниченного господства олигархической собственности, а стало быть – на сохранении компрадорской экспортно-сырьевой модели. Реакционная альтернатива [рыночно-постиндустриальная позиция. – Д. К.] выступает за экономически и политически неограниченное господство персонифицированной олигархической собственности, требуя освободить ее от всякого государственного партнерства, от малейшей национализации доходов»³³⁹. Подлинной альтернативой инерционному сценарию, по мнению Губанова, может стать только «неоиндустриальная» направленность развития России, предполагающая «планомерное превращение раздробленного ныне отечественного народного хозяйства в консолидированную *неоиндустриальную экономику ТНК*, качественно однородную с экономикой ТНК передовых индустриальных стран мира, а потому конкурентоспособную по всем ключевым параметрам...»³⁴⁰.

На наш взгляд, именно *политэкономическое понимание* процессов современной социально-экономической трансформации позволяет избежать многих теоретических заблуждений и определить реальные ориентиры развития отечественной экономики. «Неоиндустриализация» России представляется той целью развития, которая будет способство-

³³⁸ Губанов С. Системный выбор России и уровень жизни // Экономист. 2011. № 11. С. 17.

³³⁹ Там же. С. 16.

³⁴⁰ Там же. С. 12.

вать последовательному смягчению экономических антагонизмов, что невозможно без активной государственной политики, последовательного перехода к *плановому развитию*.

Основой сокращения диспропорций регионального развития должна стать экономическая интеграция на основе «закона неоиндустриализации», предполагающего возможность извлечения прибыли только из готовой продукции, а не из сырья и материалов. Создание межотраслевых корпораций может способствовать комплексному развитию регионов, преодолению узкоотраслевой ориентации их экономики. Для добывающих регионов это означает создание и развитие обрабатывающих производств, для «постиндустриальных» мегаполисов – их интеграцию в национальную экономику не на правах «утилизаторов» сырьевой ренты, а в качестве центров технического обновления производств. Отсутствие жестких критериев размещения обрабатывающих производств открывает возможности для развития и в несырьевых регионах, в настоящее время обладающих избыточными трудовыми ресурсами.

Не вызывает сомнений и «общественная полезность» подобного сценария развития. Как отмечает С. Губанов, «на стадии государственно-корпоративного капитализма воспроизводство промышленного капитала уже невозможно без непосредственного обслуживания физического и духовного *воспроизводства человека* (курсив мой. – Д. К.)»³⁴¹. На наш взгляд, накопление капитала и развитие человека как цели общественной системы находятся в диалектическом единстве. Хотя капитализм ставит на первое место накопление капитала, в процессе создания материальных предпосылок для его преодоления на современном этапе общественного развития наблюдается осознание важности всестороннего развития личности работников (хотя многие видят в этом исключительно экономические, а не гуманистические мотивы). Поэтому движение от низших форм развития капитализма к высшим представляется более социально продуктивным, чем инверсия такого движения, имевшая место в пореформенной России.

Среди прочих предлагаемых альтернатив именно государственно-корпоративный капитализм, за становление которого ратует С. Губанов, может в наибольшей степени усилить предпосылки *гуманизации экономики* посредством интеллектуализации труда работников (поскольку неоиндустриализация предполагает автоматизацию, переход к технотронным производительным силам) и подъема их личного благосостояния, качества жизни, т.к. переход от либерально-рыночной модели к планово-корпоративному развитию может способствовать более справедливому распределению доходов.

Анализ концепций и сценариев развития России, предлагаемых отечественными учеными-экономистами показывает, что за разными практическими компонентами кроется особое понимание сущности так называемых постиндустриальных тенденций и особая социальная группа. Это подтверждает важность экономической теории в системе челове-

---

³⁴¹ Губанов С. Системный выбор России и уровень жизни // Экономист. 2011. № 11. С. 53.

ского знания и необходимость ориентирования экономической практики на теоретической основе. Лишь неразрывное единство теории и практики позволит избежать выбора формально «логичных», но теоретически некорректных ориентиров развития России.

Вместе с тем, проведенный анализ показывает, что состояние отечественных постиндустриальных исследований может быть охарактеризовано как кризисное: *отраслевой технократический подход* к постиндустриализму, долгое время оказывавший существенное влияние на выработку как экономической политики, так и стратегической перспективы, не может дать правильных рекомендаций по построению постиндустриального общества. Причина этого – несистемное понимание содержания постиндустриальных процессов. Вместе с тем, исследования в рамках гуманистического подхода пока не вышли на практический уровень анализа, не выработали «позитивных» рекомендаций для экономической политики России, хотя и позволили развенчать многие теоретические иллюзии отечественных ученых, воспринимающих постиндустриализм некритически. Институциональное и «неоиндустриальное» видение должной экономической политики России также пока остается во многом невостребованным. Поэтому сейчас для отечественной экономической науки в области постиндустриальных исследований синтез теоретической глубины и практической значимости становится как никогда актуальным.

Подводя итоги проведенного в третьей главе исследования трансформации теоретических представлений о сущности постиндустриальных процессов в отечественной экономической мысли и предложений по их практической реализации, следует заключить:

1) Анализ содержания западных теорий социально-экономического развития с точки зрения специфики представлений о месте человека в системе общественного производства позволяет выделить два ключевых подхода к пониманию постиндустриальных тенденций: гуманистический и технократический. Первый подход рассматривает человека в качестве носителя «личного фактора производства» с возрастающей стоимостной оценкой, тогда как для второго характерно представление о человеке как о высшей социальной ценности постиндустриального общественного развития.

2) Технократического подхода придерживаются сторонники постиндустриальной теории (Д. Белл, О. Тоффлер, З. Бжезинский) и теории «информационной экономики» (Ф. Махлуп, М. Порат). В рамках данного подхода сущностью постиндустриальной трансформации считается становление нового типа производительных сил (постиндустриальных, информационных, технотронных), основанных на широком практическом применении научных знаний. Информация и знания рассматриваются как основной ресурс постиндустриальной экономики, качественно отличный от «традиционных» факто-

ров производства – труда, земли и капитала. В качестве главной детерминанты возникновения и развития такой экономики полагается научно-технический прогресс.

3) Гуманистический подход в западной общественной науке формируется в рамках «когнитивного» направления (А. Горц, Э. Руллани, А. Корсани). В рамках данного подхода содержанием постиндустриальной трансформации считается изменение содержания трудовой деятельности – ее интеллектуализация. Формируется «когнитивный капитализм», в рамках которого знания становятся основной производительной силой капитала. Также происходит и изменение целей и ценностей общественного развития: постиндустриальная трансформация способствует вызреванию совместной, общественной экономики, в которой знания как важнейшая производительная сила общества будут доступны без всякой платы, а полное раскрытие способностей каждого будет являться общей целью для всех.

4) Подходы к пониманию постиндустриальной трансформации, существующие в западной науке, не инкорпорируются в российский обществоведческий дискурс в неизменной виде в связи с существованием специфической логики исследований постиндустриальной трансформации в рамках основных течений отечественного постиндустриального направления. Это приводит как к соединению технократического и гуманистического подхода в отечественных исследованиях, так и к трансформации, а иногда и искажению их содержания.

5) В концепции «постэкономического общества» (В. Л. Иноземцев) предлагается трактовка общественных изменений на основании сочетания технократического и гуманистического подходов. Данная концепция разделяет гуманистические представления о содержании постиндустриальной трансформации, определяя в качестве такового интеллектуализацию деятельности человека в форме перехода от рутинного труда к творчеству. Однако «знания» («информация») рассматриваются здесь в технократическом ключе как фактор производства, качественно отличный от «труда». В данной концепции также выдвигается идея о деструкции основ капиталистических отношений (характерная для технократического подхода), прежде всего, в связи с изменением мотивации деятельности индивидов, что рассматривается в качестве ключевой черты постиндустриальной трансформации

6) Отечественная трактовка постиндустриальных изменений в рамках «основного течения» экономической науки (Л. С. Демидова, В. А. Мау) строится исключительно на основе технократического подхода. В качестве содержания постиндустриальной трансформации здесь рассматривается изменение отраслевой структуры экономики, приводящее к становлению «экономики услуг». Таким образом, фактически анализируется лишь один частный (отраслевой) аспект производительных сил. В отличие от западного технократического подхода, для рассматриваемой трактовки характерен отказ

от исследования причинно-следственных связей постиндустриальной трансформации и использование т.н. факторной модели изменений – все постиндустриальные тенденции рассматриваются как равноценные «факторы постиндустриализации». В целом, «постиндустриальная экономика» воспринимается здесь не как качественно новая стадия общественного развития, а как рыночная экономика, но только основанная на использовании передовых информационных технологий.

7) Согласно позиции постсоветского марксизма (А. В. Бузгалин, А. В. Колганов, А. Г. Глинчикова, В. А. Логачев и др.), содержание постиндустриальных тенденций заключается в интеллектуализации труда, представляющей собой не столько исчезновение индустриального (воспроизводственного) труда, сколько наполнение его новым, творческим содержанием. Значимое отличие данной трактовки содержания постиндустриальных тенденций от западной формы гуманистического подхода – акцент на формировании конкретно-всеобщего по социальной форме (а не только интеллектуального по содержанию) труда в связи с последовательным преодолением социального разделения труда. Вместе с тем, согласно представлениям отечественных марксистов, в настоящее время постиндустриальные тенденции реализуются по необходимости в капиталистической общественной форме, что приводит к возникновению закономерных противоречий в рамках данных тенденций. Экономической формой постиндустриализации, согласно их представлениям, является «вызревание» в рамках капиталистической системы материальных предпосылок качественно нового типа общества, основанного на неэкономических (или «постэкономических») принципах, где общественные блага будут уже не самоцелью производства, а средством для гармоничного развития личности человека.

8) «Неоиндустриальная парадигма» (С. С. Губанов) основывается на политэкономической критике идеи о становлении «общества услуг», поддерживаемой сторонниками «основного течения» экономической мысли. Содержанием современных социально-экономических изменений в рамках данной концепции полагается становление «неоиндустриальных» производительных сил, основанных на автоматизации производственных процессов. Здесь имеет место иное толкование направления развития производительных сил по сравнению с «технократическим» – материальное производство не утрачивает ключевой роли в экономике, а, наоборот, становится всё более важным на современном этапе развития. В процессе «неоиндустриализации» происходит изменение пропорции между занятыми собственно трудом и занятыми обеспечением функций целесообразности труда, что, в свою очередь, указывает на изменение содержания трудовой деятельности человека. Поэтому в содержательном плане данная концепция является политэкономической формой сочетания технократического и гуманистического подходов, дополняя марксистское исследование изменений содержания и социально-

экономической формы трудовой деятельности человека анализом технико-организационного аспекта развития производительных сил.

9) В образе мышления политического истеблишмента России начала XXI века преобладают черты «отраслевой» трактовки постиндустриальной стадии развития, характерной для отечественных экономистов направления *mainstream economics*. Высказано предположение, что построение постиндустриального общества в России останется на уровне концептов и деклараций, поскольку целевая ориентация на создание «общества услуг» не может привести к постиндустриализации экономики, а на деле способствует ее большей деиндустриализации.

10) Среди существующих концепций и сценариев современного социально-экономического развития России выделены три ключевых взгляда на будущее страны в системе постиндустриальных координат: рыночно-постиндустриальный (В. Мау, Я. Кузьминов и др.), рыночно-реиндустриальный (В. Иноземцев и др.) и планово-неоиндустриальный (С. Губанов и др.). Первый строится на отечественной форме технократического подхода, основанной на отраслевом критерии постиндустриализации, и предусматривает построение «перераспределительного постиндустриализма» в России, что должно привести лишь к закреплению и упрочнению социальных антагонизмов. Второй и третий концептуальные взгляды разработаны на основе сочетания технократического и гуманистического подходов, их общей чертой является акцент на необходимости развития индустриальных производительных сил для перехода России на новый этап социально-экономического развития, их различие – в приверженности противоположным приоритетам в доминирующей форме механизма общественной организации экономической деятельности (рынок или план).

Заключение

Экспоненциальный характер роста накопленного количества публикаций по постиндустриальной тематике за период 1967-2010 гг. является эмпирическим обоснованием существования постиндустриального направления отечественной экономической мысли как самостоятельного объекта историко-экономического исследования. Общим предметом для исследований в рамках рассматриваемого научного направления являются постиндустриальные тенденции социально-экономического развития.

Становление и развитие отечественного постиндустриального направления осуществляется в процессе экономико-теоретического осмысления объективных постиндустриальных тенденций на основании взаимодействия разнотипных дискурсов западной теории «постиндустриального общества» и отечественной марксистской политэкономии. В составе отечественного постиндустриального направления выделены два основных *течения* – постиндустриальное и политэкономическое, – развивающиеся под воздействием единых исторических условий, но обладающие специфической методологией исследования объективных постиндустриальных тенденций.

Развитие отечественного постиндустриального направления осуществляется в рамках трех исторических этапов: этап генезиса (1967 г. – 1980-е гг.), этап дивергенции (1990-е гг.), этап конкуренции (2000-е гг.).

На этапе генезиса формируется единое проблемное поле отечественного постиндустриального научного направления – постиндустриальные тенденции, а также зарождаются теоретико-методологические основы их исследования в рамках двух течений, однако сами течения отсутствуют как таковые. Исследования постиндустриальных тенденций осуществляются через критику постиндустриализма на основании использования политэкономической методологии, проходя три фазы. Советские исследования были прерваны на второй фазе, подготовив понятийную базу для логического перехода к третьей – исследованию постиндустриальных тенденций на основе аутентичной марксистской методологии. Логическая необходимость и неспособность осуществить переход на третью фазу воплотилась в форме кризиса советского догматического марксизма. Социальные основания этого кризиса заключаются в отсутствии четко выраженных постиндустриальных тенденций в советской экономике, научный аспект кризиса – в отсутствии анализа социалистической формы постиндустриальных тенденций. Формой разрешения кризиса стал отказ от достижений советских ученых как догматических.

Политэкономическое течение возникает на этапе дивергенции как фрагмент «легальной части» марксистского дискурса, сторонники которого оппонировали западной традиции анализа постиндустриальных тенденций, однако его институционального оформления на данном этапе не происходит. Постэкономическое течение вычленяется на данном этапе из «первичного хаоса» марксистских и постиндустриальных идей, происходит кристаллизация теоретических основ восприятия постиндустриальных тенденций в теории «постэкономического общества» (Иноземцев и др.), а затем и институциональное оформление данного тече-

ния – создается Центр исследований постиндустриального общества (г. Москва). Данное течение «наследует» элементы марксизма (прежде всего, его теоретическую форму) и к концу 1990-х гг. становится господствующим в рамках отечественного постиндустриального направления.

На этапе конкуренции политэкономическое течение развивается на основании критики основных положений как западной постиндустриальной теории, так и отечественной теории «постэкономического общества» и институционализируется в рамках научной школы постсоветского марксизма и общественного движения «Альтернативы». В рамках постэкономического течения происходит гипертрофированное развитие прогностико-практических исследований (Демидова, Мау и др.), для которых характерен полный отказ марксистских корней постиндустриализма. В результате этого постэкономическое течение вырождается.

Этап конкуренции завершается кризисом отечественного постиндустриального направления: одновременно наблюдаются теоретический кризис постэкономического течения (отрицание его синкретического содержания как для сторонников *mainstream economics*, так и для политэкономов) и кризис практического аспекта политэкономического течения (невозможность его разработки в текущих социально-экономических реалиях). Кризис постэкономического течения не получает разрешения, в связи с чем данное течение фактически прекращает существовать к настоящему времени; пути разрешения кризиса политэкономического течения намечаются в рамках «неоиндустриальной парадигмы».

Центральное положение в западной экономической мысли занимает трактовка рациональности как оптимизирующего поведения индивида («полная рациональность»), восходящая к представлениям о гедонистической природе человека Бентама и Госсена, и получившая детальное развитие в рамках маржинализма. Представления о технически рациональном поведении формируются в рамках технократических концепций социально-экономического развития (Сен-Симон, Веблен, Гэлбрейт и т.д.), имплицитно присутствуя в каждой из них. Техническая рациональность выступает в качестве формы осмысления и алгоритмизации технической деятельности, позволяющей рассматривать реальность в качестве объекта целеполагающей воли человека, естественное состояние которого может быть усовершенствовано.

Экономическая и техническая рациональности имеют единую концептуальную основу – механистическое восприятие процессов функционирования и развития общества. При этом экономическая рациональность характеризует специфику общественных отношений рыночной экономики в форме представления о рациональном поведении индивида как о максимизации его целевой функции, техническая форма – специфику индустриальных производительных сил, проецируя идеи о рациональном управлении производством на общество в целом. Соответственно, различие двух форм рациональностей имеет методологический характер: экономическая рациональность строится на принципах методологического индивидуализма, техническая – холизма.

Научным основанием технократических концепций является дихотомическое представление о рациональности, в рамках которого постулируется приоритет принципа техниче-

ской рациональности управления обществом над максимизацией индивидом собственной целевой функции. Социальной основой технократических концепций является развитие производительных сил, основанных на машинной технике. При этом для технократического восприятия экономической реальности характерно акцентирование внимания исключительно на технико-организационных аспектах общественного развития при игнорировании его социально-экономической формы.

Социальной основой западного постиндустриализма является рост масштабов сектора нематериального производства в развитых странах. Приверженность его теоретиков технократическому мировоззрению на уровне научных оснований подтверждается воспроизводством дихотомического представления о рациональности. Они утверждают, что при переходе на постиндустриальную стадию развития происходит смена «экономизированной» модели действия (принятие решений, оптимальных для конкретного индивида) на «социологизированную» (принятие решений, оптимальных для общества в целом). Проведенный анализ показывает, что в теоретическом аспекте данный аспект теории во многом противоречив: отсутствует четкая модель общественной рациональности, технически рациональное поведение носит узкогрупповой, а не всеобщий характер и т.д.

Дихотомическое представление о рациональном поведении, характерное для технократических концепций, рецептируется в концепцию «постэкономического общества», но в связи с невниманием к вопросам рациональности на теоретическом уровне трансформируется в дихотомию «труда» и «творчества». При этом новый тип рационального поведения выводится не из специфики производительных сил нового общества (что характерно для технократических концепций), а строится на основании особенностей новых (постэкономических) общественных отношений. Таким образом, рассматриваемая дихотомия сочетает в себе технократическую научную традицию с политэкономической идеей о существовании экономической и неэкономической сторон деятельности индивида. Специфика рассмотренной рецепции также определяется и тем, что социальной основой концепции «постэкономического общества» становится характерная для развитых стран тенденция к интеллектуализации деятельности, приводящая к возникновению «креативного класса».

Помимо дихотомии технической и экономической рациональности, в концепции «постэкономического общества» нашли специфическое отражение и другие технократические идеи: трансформация собственности (идея о переходе от частной собственности к личной) и технократическое управление обществом (в реформистской трактовке: «интеллектуалы»-«технократы» уже управляют современной экономикой). Это позволяет характеризовать данную концепцию как близкую технократическому восприятию. При этом на методологическом уровне имеет место лишь неявное использование характерной для технократизма методологии технологического детерминизма, сочетающееся с использованием элементов политэкономического метода.

Анализ содержания западных теорий социально-экономического развития с точки зрения специфики представлений о месте человека в системе общественного производства позволяет выделить два ключевых подхода к пониманию постиндустриальных тенденций:

гуманистический и технократический. Первый подход рассматривает человека в качестве носителя «личного фактора производства» с возрастающей стоимостной оценкой, тогда как для второго характерно представление о человеке как о высшей социальной ценности постиндустриального общественного развития.

Технократического подхода придерживаются сторонники постиндустриальной теории (Белл, Тоффлер, Бжезинский) и теории «информационной экономики» (Махлуп, Порат). В рамках данного подхода сущностью постиндустриальной трансформации считается становление нового типа производительных сил (постиндустриальных, информационных, электронных), основанных на широком практическом применении научных знаний. Информация и знания рассматриваются как основной ресурс постиндустриальной экономики, качественно отличный от «традиционных» факторов производства – труда, земли и капитала. В качестве главной детерминанты возникновения и развития такой экономики полагается научно-технический прогресс.

Гуманистический подход в западной общественной науке формируется в рамках «когнитивного» направления (Горц, Руллани, Корсани). В рамках данного подхода содержанием постиндустриальной трансформации считается изменение содержания трудовой деятельности – ее интеллектуализация. Формируется «когнитивный капитализм», в рамках которого знания становятся основной производительной силой капитала. Также происходит и изменение целей и ценностей общественного развития: постиндустриальная трансформация способствует вызреванию совместной, со-общественной экономики, в которой полное раскрытие способностей каждого будет являться общей целью для всех.

Подходы к пониманию постиндустриальной трансформации, существующие в западной науке, не инкорпорируются в российский обществоведческий дискурс в неизменной виде в связи с существованием специфической логики исследований постиндустриальной трансформации в рамках течений отечественного постиндустриального направления.

В концепции «постэкономического общества» (Иноземцев и др.) предлагается трактовка общественных изменений на основании сочетания технократического и гуманистического подходов. Данная концепция разделяет гуманистические представления о содержании постиндустриальной трансформации, определяя в качестве такового интеллектуализацию деятельности человека в форме перехода от рутинного труда к творчеству. Однако «знания» («информация») рассматриваются здесь в технократическом ключе как фактор производства, качественно отличный от «труда». В данной концепции также выдвигается идея о деструкции основ капиталистических отношений (характерная для технократического подхода).

Отечественная трактовка постиндустриальных изменений в рамках «основного течения» экономической науки (Демидова, Мау и др.) строится исключительно на основе технократического подхода. В качестве содержания постиндустриальной трансформации здесь рассматривается изменение отраслевой структуры экономики, приводящее к становлению «экономики услуг». В целом, «постиндустриальная экономика» воспринимается здесь не как качественно новая стадия общественного развития, а как рыночная экономика, но только основанная на использовании передовых информационных технологий.

Согласно позиции постсоветского марксизма (Бузгалин, Колганов, Глинчикова, Логачев и др.), содержание постиндустриальных тенденций заключается в интеллектуализации труда, представляющей собой не столько исчезновение индустриального (воспроизводственного) труда, сколько наполнение его новым, творческим содержанием. При этом постиндустриальные тенденции реализуются по необходимости в капиталистической общественной форме, что приводит к возникновению закономерных противоречий в рамках данных тенденций. Экономической формой постиндустриализации, согласно их представлениям, является «вызревание» материальных предпосылок качественно нового типа общества, основанного на неэкономических (или «постэкономических») принципах, где блага будут уже не самоцелью производства, а средством для гармоничного развития личности человека.

«Неоиндустриальная парадигма» (Губанов и др.) основывается на политэкономической критике идеи о становлении «общества услуг», поддерживаемой сторонниками «основного течения» экономической мысли. Содержанием современных социально-экономических изменений в рамках данной концепции полагается становление «неоиндустриальных» производительных сил, основанных на автоматизации производственных процессов. В содержательном плане данная концепция является политэкономической формой сочетания технократического и гуманистического подходов, дополняя марксистское исследование изменений содержания и социально-экономической формы трудовой деятельности человека анализом технико-организационного аспекта развития производительных сил.

В образе мышления политического истеблишмента России начала XXI века преобладают черты «отраслевой» трактовки постиндустриальной стадии развития, характерной для отечественных экономистов направления *mainstream economics*. Высказано предположение, что построение постиндустриального общества в России останется на уровне концептов и деклараций, поскольку целевая ориентация на создание «общества услуг» не может привести к постиндустриализации экономики, а на деле способствует ее большей деиндустриализации.

Среди существующих концепций и сценариев современного социально-экономического развития России выделены три ключевых взгляда на будущее страны в системе постиндустриальных координат: рыночно-постиндустриальный (Мау, Кузьминов и др.), рыночно-реиндустриальный (Иноземцев и др.) и планово-неоиндустриальный (Губанов и др.). Первый строится на отечественной форме технократического подхода, основанной на отраслевом критерии постиндустриализации, и предусматривает построение «перераспределительного постиндустриализма» в России, что должно привести лишь к закреплению и упрочнению социальных антагонизмов. Второй и третий концептуальные взгляды разработаны на основе сочетания технократического и гуманистического подходов, их общей чертой является акцент на необходимости развития индустриальных производительных сил для перехода России на новый этап социально-экономического развития, их различие – в приверженности противоположным приоритетам в доминирующей форме механизма общественной организации экономической деятельности (рынок или план).

Список литературы

1. Абалкин, Л. И. Диалектика социалистической экономики [Текст] / Л. И. Абалкин. – М. : Мысль, 1981. – 351 с.
2. Автономов, В. С. Модель человека в экономической науке [Текст] / В. С. Автономов. – СПб. : Экономическая школа, 1998. – 230 с.
3. Автономова, Н. С. Рассудок, разум, рациональность [Текст] / Н. С. Автономова. – М. : Наука, 1988. – 286 с.
4. Альтернативы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.alternativy.ru>, свободный. – Загл. с экрана.
5. Антипина, О. Диалектика стоимости в постиндустриальном обществе. Статья третья. Конкретный труд и полезность: деструкция стоимости со стороны потребления стоимости [Текст] / О. Антипина, В. Иноземцев // Мировая экономика и международные отношения. – 1998. – № 7. – С. 19-29.
6. Антипина, О. Диалектика стоимости в постиндустриальном обществе. Статья первая. Технологические и психосоциологические факторы преодоления стоимости [Текст] / О. Антипина, В. Иноземцев // Мировая экономика и международные отношения. – 1998. – № 5. – С. 48-59.
7. Антипина, О. Диалектика стоимости в постиндустриальном обществе. Статья вторая. Абстрактный труд и издержки: деструкция стоимости со стороны производства стоимости [Текст] / О. Антипина, В. Иноземцев // Мировая экономика и международные отношения. – 1998. – № 6. – С. 48-59.
8. Антипина, О. Н. Загадка «новой экономики знаний» («Парадокс Солоу») [Текст] / О. Н. Антипина // Вестник Московского государственного университета. Серия 6. Экономика. – 2000. – № 6. – С. 3-17.
9. Антипина, О. Н. Постэкономическая революция и глобальные проблемы [Текст] / О. Н. Антипина, В. Л. Иноземцев // Общественные науки и современность. – 1998. – № 4. – С. 162-173.
10. Антипина, О. Н. Тенденции гуманизации экономики при переходе к постиндустриальному обществу [Текст] / О. Н. Антипина. – М. : ТЕИС, 1998. – 84 с.
11. Араб-Оглы, Э. А. В лабиринте пророчеств. Социальное прогнозирование и идеологическая борьба [Текст] / Э. А. Араб-Оглы. – М. : Молодая гвардия, 1973. – 304 с.
12. Астапов, К. Стратегия развития в постиндустриальной экономике [Текст] / К. Астапов // Мировая экономика и международные отношения. – 2006. – № 2. – С. 57-65.
13. Белл, Д. Возобновление истории в новом столетии [Текст] / Д. Белл // Вопросы философии. 2002. №5. С. 3-25.
14. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования [Текст] / Д. Белл ; пер. с англ. – М. : Academia, 1999. – 949 с.
15. Белл, Д. Культурные противоречия капитализма [Текст] // Этическая мысль. – М. : Наука, 1990. – С. 243-258.
16. Бем-Баверк, Е. Основы теории ценности хозяйственных благ [Текст] / Е. Бем-Баверк. – М. : Директмедиа Паблишинг, 2007. – 196 с.

17. Бентам, И. Введение в основания нравственности и законодательства [Текст] / И. Бентам. – М. : РОССПЭН, 1998. – 416 с.
18. Бескаравайный, С. С. Становление феномена технической рациональности в эпоху Нового времени как объект философской рефлексии [Текст] : дис. ... канд. филос. наук: 09.00.09 / С. С. Бескаравайный. – Днепропетровск, 2007. – 214 с.
19. Бестужев-Лада, И. В. Кризис буржуазных концепций будущего человечества [Текст] / И. В. Бестужев-Лада. – М. : Знание, 1979. – 63 с.
20. Бестужев-Лада, И. В. Эволюция американской футурологии [Текст] / И. В. Бестужев-Лада // США: Экономика, политика, идеология. – 1977. – № 3. – С. 37-49.
21. Бехманн, Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний [Текст] / Г. Бехманн ; пер. с нем. – М. : Логос, 2011. – 248 с.
22. Бжезинский, З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы [Текст] / З. Бжезинский. – М. : Международные отношения, 1998. – 120 с.
23. Бжезинский, З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство [Текст] / З. Бжезинский. – М. : Международные отношения, 2005. – 288 с.
24. Блауг, М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют [Текст] / М. Блауг. – М. : НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. – 416 с.
25. Блауг, М. Экономическая мысль в ретроспективе [Текст] / М. Блауг. – М., 1994. – 720 с.
26. Бузгалин, А. В. «Постиндустриальное общество» – тупиковая ветвь социального развития? (Критика практики тотальной гегемонии капитала и теорий постиндустриализма) [Текст] / А. В. Бузгалин // Вопросы философии. – 2002. – № 5. – С. 26-43.
27. Бузгалин, А. В. Альтернативы деконструкции: блеск и нищета постмодернизма / А. В. Бузгалин // Философия хозяйства. – 2008. – № 5. – С. 49-80.
28. Бузгалин, А. В. Это сладкое слово свобода... [Текст] / А. В. Бузгалин // Свободная мысль. – 1999. – № 9.
29. Бузгалин, А. Политическая экономия постсоветского марксизма (тезисы к формированию научной школы) [Текст] / А. Бузгалин, А. Колганов // Вопросы экономики. – 2005. – № 9. – С. 36-55.
30. Бхаскар, Р. Общества [Текст] / Р. Бхаскар // Социологос. Вып. 1. – М. : Прогресс, 1991. – С. 219-240.
31. Бьюкенен, Дж. М. Сочинения. Конституция экономической политики. Расчёт согласия. Границы свободы [Текст] / Дж. М. Бьюкенен // Нобелевские лауреаты по экономике. Т. 1 / Фонд экономической инициативы. – М. : Таурис Альфа, 1997. – 560 с.
32. Вебер, М. Избранные произведения [Текст] / М. Вебер ; пер. с нем. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
33. Веблен, Т. Ограниченность теории предельной полезности [Текст] / Т. Веблен // Вопросы экономики. – 2007. – № 7. – С. 86-98.
34. Веблен, Т. Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной? [Текст] / Т. Веблен // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. – М. : ГУ-ВШЭ, 2006. – С. 21-28.

35. Веблен, Т. Теория делового предприятия [Текст] / Т. Веблен. – М. : Дело, 2007. – 288 с.
36. Веблен, Т. Теория праздного класса [Текст] / Т. Веблен. – М. : Прогресс, 1984. – 267 с.
37. Волков, Г. Н. Истоки и горизонты прогресса. Социологические проблемы развития науки и техники [Текст] / Г. Н. Волков. – М. : Политиздат, 1976. – 335 с.
38. Вольчик, В. В. Эволюция институтов постиндустриальной экономики в контексте дихотомии Веблена [Текст] / В. В. Вольчик // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2008. – №2. – С. 53-65.
39. Гайденко, П. П. История и рациональность: социология М. Вебера и веберовский ренессанс [Текст] / П. П. Гайденко, Ю. Н. Давыдов. – М. : Политиздат, 1991. – 366 с.
40. Гаузнер, Н. Новые явления в современном капитализме и концепции постиндустриализма [Текст] / Н. Гаузнер // Мировая экономика и международные отношения. – 1975. – № 1. – С. 49-64.
41. Гаузнер, Н. Социальные последствия научно-технической революции в капиталистических странах [Текст] / Н. Гаузнер // Мировая экономика и международные отношения. – 1967. – № 1. – С. 3-17.
42. Глазьев, С. Ю. Мировой экономический кризис как процесс смены технологических укладов [Текст] / С. Ю. Глазьев // Вопросы экономики. – 2009. – № 3. – С. 26-38.
43. Глинчикова, А. Г. Капитализм, социализм, индустриальное общество - к вопросу о соотношении понятий [Текст] / А. Г. Глинчикова // Вопросы философии. – 2001. – № 9. – С. 36-53.
44. Глинчикова, А. Г. Может ли быть товаром интеллектуал и продукт его труда? [Текст] / А. Г. Глинчикова // Вопросы философии. – 1997. – № 3. – С. 3-15.
45. Горц, А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал [Текст] / А. Горц. – М. :Изд. дом гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 208 с.
46. Громов, Е. Сфера услуг и «новое общество» американских социологов [Текст] / Е. Громов // Мировая экономика и международные отношения. – 1969. – № 7. – С. 121-127.
47. Губанов, С. Неиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) [Текст] / С. Губанов // Экономист. – 2008. – № 9. – С. 3-27.
48. Губанов, С. Производительные силы: переход к технотронной эпохе [Текст] / С. Губанов // Экономист. – 2002. – № 7. – С. 36-47.
49. Губанов, С. Системный выбор России и уровень жизни [Текст] / С. Губанов // Экономист. – 2011. – № 11. – С. 3-55.
50. Гурова, И. П. История метода историко-экономической науки [Текст] / И. П. Гурова. – Ульяновск : УлГУ. – 95 с.
51. Гурова, И. П. Конкурирующие экономические теории [Текст] / И. П. Гурова. – Ульяновск : УлГУ, 1998. – 180 с.
52. Гэлбрейт, Дж. Новое индустриальное общество [Текст] / Дж. Гэлбрейт ; пер. с англ. – М. : АСТ, 2004. – 608 с.
53. Дворкин, И. Научно-техническая революция: критика буржуазных теорий [Текст] / И. Дворкин // Мировая экономика и международные отношения. – 1967. – № 2. – С. 16-29.

54. Делягин, М. Т. Мировой кризис: общая теория глобализации [Текст] : курс лекций / М. Т. Делягин. – М. : ИНФРА-М, 2003. – 768 с.
55. Деменчонок, Э. В. Современная технократическая идеология в США [Текст] / Э. В. Деменчонок. – М. : Наука, 1984. – 240 с.
56. Демиденко, Э. С. Философия социально-техногенного развития мира: статьи, понятия, термины [Текст] / Э. С. Демиденко, Е. А. Дергачева, Н. В. Попкова. – Брянск : БГТУ ; М. : Всемирная информэнциклопедия, 2011. – 388 с.
57. Демидова, Л. Сфера услуг в постиндустриальной экономике [Текст] / Л. Демидова // Мировая экономика и международные отношения. 1999. – № 2. – С. 24-33.
58. Добров, Г. М. Наука о науке [Текст] / Г. М. Добров. – Киев : Наукова думка, 1966. – 268 с.
59. Долгих, Т. В. Потребление среднего класса: постиндустриальные тенденции и российские особенности [Текст] : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / Т. В. Долгих. – Кемерово, 2004. – 16 с.
60. Дондокова, Е.Б. Научно-техническая революция в условиях формирования «новой экономики» [Текст] / Е. Б. Дондокова, Е. В. Пильчинова // Вестник ВСГУТУ. – 2013. – № 2 (41). – С. 99-104.
61. Дондокова, Е.Б. Трансформация рынка труда в экономике, основанной на знаниях [Текст] / Е.Б. Дондокова, Е.С. Гуреева // Вестник ВСГУТУ. – 2011. – № 2 (33). – С. 101-105.
62. Дроздов, А. Л. Наукометрия и наука в России [Текст] / А. Л. Дроздов // Вестник ДВО РАН. – 2004. – № 2. – С. 3-12.
63. Дряхлов, Н. И. Социальные проблемы научно-технической революции [Текст] / Н. И. Дряхлов. – М. : МГУ, 1972. – 191 с.
64. Егоров, В. С. Философия открытого мира [Текст] / В. С. Егоров. – М. : Московский психолого-социальный институт, 2002. – 320 с.
65. Егорова, А. В. Формы отчуждения в постиндустриальном обществе на современном этапе его развития [Текст] / А. В. Егорова // Вестн. Ярославского государственного университета. – 2008. – № 10. – С. 81-87.
66. Ельмеев, В. Я. Социальная экономия труда: общие основы политической экономии [Текст] / В. Я. Ельмеев. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. – 576 с.
67. Жид, Ш. История экономических учений [Текст] / Ш. Жид, Ш. Рист ; пер. с фр. – М., 1995. – 544 с.
68. Зомбарт, В. Избранные работы [Текст] / В. Зомбарт ; пер. с нем. – М. : Территория будущего, 2005. – 349 с.
69. Иконникова Г. И. Технологические фальсификации общественного процесса [Текст] / Г. И. Иконникова. – М. : Мысль, 1986. – 143 с.
70. Иконникова, Г. И. Теория «постиндустриального общества». Будущее человечества и его буржуазные толкователи (Критический анализ) [Текст] / Г. И. Иконникова. – М. : Мысль, 1975. – 221 с.
71. Иноземцев, В. Л. «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе [Текст] / В. Л. Иноземцев // Социологические исследования. – 2000. – № 6. – С. 67-77.

72. Иноземцев, В. Л. Альтернативность общественного развития [Текст] / В. Л. Иноземцев // Вестник Московского государственного университета. Сер. 6. Экономика. – 1991. – № 2. – С. 3-10.
73. Иноземцев, В. Л. За десять лет. К концепции постэкономического общества [Текст] / В. Л. Иноземцев. – М., 1998.
74. Иноземцев, В. Л. К теории постэкономической общественной формации [Текст] / В. Л. Иноземцев. – М. : Таурус, 1995. – 336 с.
75. Иноземцев, В. Л. Капитализм, социализм или постиндустриальные общества? [Текст] / В. Л. Иноземцев // Коммунист. – 1991. – № 4. – С. 32-40.
76. Иноземцев, В. Л. Концепция постэкономического общества: теоретические и практические аспекты [Текст] : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01, 22.00.03 / В. Л. Иноземцев. – М., 1998. – 310 с.
77. Иноземцев, В. Л. Марксистская теория экономического прогресса: истоки и преемники [Текст] : репринт доклада (М., Институт экономики РАН, 1992 г.) / В. Л. Иноземцев // Иноземцев, В. Л. За десять лет. К концепции постэкономического общества / В. Л. Иноземцев. – М., 1998. – С. 161-211.
78. Иноземцев, В. Л. Модели постиндустриализма: сходства и различия [Текст] / В. Л. Иноземцев // Общество и экономика. – 2003. – № 4-5. – С. 51-96.
79. Иноземцев, В. Л. Наука, личность и общество в постиндустриальной действительности [Текст] / В. Л. Иноземцев // Российский химический журнал. Том XLIII. – 1999. – № 6. – С. 20-39.
80. Иноземцев, В. Л. Понятие творчества в современной экономической теории [Текст] / В. Л. Иноземцев // ПОЛИС. – 1992. – № 1-2. – С. 178-187.
81. Иноземцев, В. Л. Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество (К проблеме социальных тенденций XXI века) [Текст] / В. Л. Иноземцев // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 140-152.
82. Иноземцев, В. Л. Расколота цивилизация. Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции [Текст] / В. Л. Иноземцев. – М. : Academia, 1999. – 703 с.
83. Иноземцев, В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы [Текст] : учеб. пособие для студентов вузов / В. Л. Иноземцев. – М. : Логос, 2000. – 304 с.
84. Иноземцев, В. Л. Специфика современной стадии развития капитализма [Текст] / В. Л. Иноземцев // Некоторые проблемы исследования современного капитализма : сб / под ред. В. А. Бирюкова. – М., 1989. – С. 19-51.
85. Иноземцев, В. Л. Творческие начала современной корпорации [Текст] / В. Л. Иноземцев // Мировая экономика и международные отношения. – 1997. – № 11. – С. 18-30.
86. Иноземцев, В. Л. Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения [Текст] / В. Л. Иноземцев // Вопросы философии. – 1997. – № 10. – С. 29-44.
87. Иноземцев, В. Л. Экономическая общественная формация: границы понятия и значение теории [Текст] / В. Л. Иноземцев // ПОЛИС. – 1991. – № 4. – С. 35-46.

88. Иноземцев, В. Л. Эксплуатация: феномен сознания и социальный конфликт [Текст] / В. Л. Иноземцев // Свободная мысль. – 1996. – № 2. – С. 84-97.
89. Информационная экономика [Текст] : рабочая программа дисциплины / А. Н. Заворин ; Экономический факультет Южного федерального университета. – Ростов-на-Дону, 2011.
90. Исторические типы рациональности [Текст] / под ред. П. П. Гайденоко, В. А. Лекторского, В. С. Степина. – М. : Издательство Института философии РАН, 1995..
91. История экономических учений [Текст] : учебник / под ред. А. Г. Худокормова. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – 416 с.
92. История экономических учений [Текст]: учеб. пособие / под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. – М. : ИНФРА-М, 2002. – 784 с.
93. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года «Стратегия-2020: Новая модель роста - новая социальная политика» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://2020strategy.ru>, свободный. – Загл. с экрана.
94. Кан, Г. Развитие мира в последующие 200 лет [Текст] / Г. Кан ; пер. с англ. – М., 1977. – 156 с.
95. Кастельс, М. Информационная эпоха, общество и культура [Текст] / М. Кастельс ; пер. с англ. – М. : ГУ-ВШЭ, 2000. – 607 с.
96. Кейнс, Дж. Общая теория занятости, процента и денег [Текст] / Дж. Кейнс. – М. : Гелиос АРВ, 2002. – 352 с.
97. Косолапов, В. В. Критика буржуазных концепций будущего [Текст] / В. В. Косолапов, В. А. Лисичкин. – М. : Мысль, 1978. – 168 с.
98. Кочергин, Д. Г. Целевое содержание предстоящей индустриализации: «пост» или «нео»? [Текст] / Д. Г. Кочергин, В. А. Логачев // Экономист. – 2013. – № 11. – С. 13-19.
99. Кочергин, Д. Г. Измерение экономики знаний в России: методология и региональный анализ [Текст] / Д. Г. Кочергин // Формирование экономики знаний в ресурсодобывающем регионе (на примере Кемеровской области) / под ред. И. Б. Золотых, Е. Е. Жернова. – М. : Российские университеты ; Кемерово : Кузбассвуиздат – АСТШ, 2013. – Гл. 5. – С. 116-176.
100. Кочергин, Д. Г. Наукометрический анализ экспоненциального развития постиндустриальной теории в России [Текст] / Д. Г. Кочергин, В. А. Логачев // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2011. – № 3 (35). – С. 13-18.
101. Кочергин, Д. Г. Неоиндустриальная парадигма на фоне «постиндустриальной» тематики [Текст] / Д. Г. Кочергин, В. А. Логачев // Экономист. – 2011. – № 7. – С. 37-44.
102. Кочергин, Д. Г. О влиянии технократического мышления на становление постиндустриальной теории [Текст] / Д. Г. Кочергин // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2011. – № 3. – С. 107-110.
103. Кочергин, Д. Г. О постиндустриальных тенденциях в отечественном профессиональном образовании [Текст] / Д. Г. Кочергин // Образование и общество. – 2012. – № 6 (77). – С. 91-96.

104. Кочергин, Д. Г. Постиндустриальный контекст стратегий социально-экономического развития России: национальный и региональный аспекты [Текст] / Д. Г. Кочергин, В. А. Логачев // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2013. – № 2. – С. 130-133.

105. Кочергин, Д. Г. Содержание основных подходов к трактовке постиндустриальной трансформации в западной и отечественной науке [Текст] / Д. Г. Кочергин // Многоуровневый анализ формирования инновационной экономики: мир-система, регион, предприятие / под ред. В. А. Логачева, Е. Е. Жернова. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2013. – Гл. 1. – С. 5-37.

106. Кочергин, Д. Г. Трансформация категории стоимости в концепции «экономики знаний» [Текст] / Д. Г. Кочергин // Становление экономики знаний: от теории к практике региона / под общ.ред. Н. В. Осокиной, Е. Е. Жернова ; Кузбас. гос. тех. ун-т ; каф. общей экономики. – Кемерово, 2012. – С. 111-137.

107. Красин, Ю. В. Апологетическая сущность теории «постиндустриального общества» [Текст] / Ю. В. Красин // Вопросы философии. – 1974. – № 2. – С. 55-67.

108. Критика антимарксистских теорий в курсе политической экономии [Текст] : учеб. пособие для высш. парт. школ / под общ. ред. В. С. Афанасьева и Г. Н. Соровиной. – М. : Мысль, 1983. – 552 с.

109. Кун, Т. Структура научных революций [Текст] / Т. Кун. – М., 1997. – 300 с.

110. Курбатова, М. В. Проблемы формирования институциональной среды постиндустриальной экономики в современной России [Текст] / М. В. Курбатова // Журнал институциональных исследований. – 2010. – Т. 2. – № 1. – С. 54-66.

111. Кусургашева, Л. В. Дихотомия абсолютизма и релятивизма в экономической науке [Текст] / Л. В. Кусургашева, В. А. Матвиенко // Вестник Самарской государственной экономической академии. – 2004. – № 1. – С. 39-45.

112. Кусургашева, Л. В. Логико-методологический и историко-научный анализ экономической теории [Текст] / Л. В. Кусургашева. – Кемерово, 2004. – 162 с.

113. Лазаренко, Е. В. Всестороннее развитие личности: теоретические проблемы и реальность [Текст] : автореф. дисс. ... д-ра философ. наук. 09.00.02 / Е. В. Лазаренко. – М., 1989.

114. Лакатос, И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ [Текст] / И. Лакатос // Структура научных революций / сост. В. Ю. Кузнецов. – М. : АСТ, 2001. – С. 269-454

115. Лаптева, А. И. Стоимость и ценообразование в постиндустриальной экономике [Текст] : автореф. дис. ... канд. экон. наук / А. И. Лаптева. – СПб., 2009. – 16 с.

116. Левин, С. Н. Альтернативы институционального развития развивающихся и постсоциалистических стран: мифологемы «постиндустриализма» и «глобализма» и реальные тенденции [Текст] / С. Н. Левин // Журнал институциональных исследований. – 2010. – Т. 2. – №1. – С. 6-16.

117. Ленин, В. И. Великий почин [Текст] / В. И. Ленин // Ленин, В. И. Полн. собр. соч. Т. 39 / В. И. Ленин. – М. : Госполитиздат, 1970. – С. 1-29.

118. Ленин, В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма [Текст] / В. И. Ленин // Ленин, В. И. Полн. собр. соч. Т. 27 / В. И. Ленин. – М. : Госполитиздат, 1960. – С. 299-426.
119. Ленин, В. И. К вопросу о диалектике [Текст] / В. И. Ленин // Ленин, В. И. Полн. собр. соч. Т. 29 / В. И. Ленин. – М. : Госполитиздат, 1969. – С. 316-322.
120. Ленин, В. И. Переписка Маркса с Энгельсом [Текст] / В. И. Ленин // Ленин, В. И. Полн. собр. соч. Т. 24 / В. И. Ленин. – М. : Госполитиздат, 1973. – С. 262-269.
121. Логачев, В. А. Всеобщая экономическая форма научно-технического развития [Текст] / В. А. Логачев. – Кемерово, 2000. – 116 с.
122. Логачев, В. А. О критериях перехода экономики на постиндустриальную стадию [Текст] / В. А. Логачев, О. И. Мартычук // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2006. – № 3. – С. 117-121.
123. Логачев, В. А. Противоречия и интегративные тенденции постиндустриализации общественной формы труда [Текст] : монография / В. А. Логачев, О. И. Мартычук. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2008. – 140 с.
124. Логачев, В. А. Развитие экономических форм производства культурных благ [Текст] / В. А. Логачев, М. А. Стрельцова. – Кемерово, 2002. – 72 с.
125. Любимцева, С. Концепция неоиндустриализма и экономическое развитие России [Текст] / С. Любимцева, Ю. Чуприк // Экономист. – 2005. – № 4. – С. 21-32.
126. Майминас, Е. Информационное общество и парадигма экономической теории [Текст] / Е. Майминас // Вопросы экономики. – 1997. – № 1. – С. 86-95.
127. Макконнелл, К. Р. Экономикс: принципы, проблемы и политика [Текст] / К. Р. Макконелл, С. Л. Брю ; пер. с 14-го англ. изд. – М. : ИНФРА-М, 2003. – XXXVI, 972 с.
128. Мамчур, Е. А. Отечественная философия науки: предварительные итоги [Текст] / Е. А. Мамчур, Н. Ф. Овчинников, А. П. Огурцов. – М. : РОССПЭН, 1997. – 360 с.
129. Маркс, К. Введение (Из экономических рукописей 1857-1858 годов) [Текст] / К. Маркс // Маркс, К. Соч. 2-е изд. Т. 12 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Госполитиздат, 1958. – С. 709-738.
130. Маркс, К. К критике политической экономии [Текст] / К. Маркс // Маркс, К. Соч. 2-е изд. Т. 13 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Госполитиздат, 1959. – С. 1-167.
131. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии [Текст]. Т. 1. Кн. 1 : Процесс производства капитала / К. Маркс // Маркс, К. Соч. 2-е изд. Т. 23 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Госполитиздат, 1960. – С. 5-784.
132. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии [Текст]. Т. 3. Кн. 3 : Процесс капиталистического производства, взятый в целом / К. Маркс // Маркс, К. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Госполитиздат, 1961. – С. 29-505.
133. Маркс, К. Критика политической экономии (Черновой набросок 1857-1858 годов) [Текст] / К. Маркс // Маркс, К. Соч. 2-е изд. Т. 46 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Госполитиздат, 1968. – Ч. 1. – С. 29-505 ; – Ч. 2. – С. 5-392.
134. Маркс, К. Немецкая идеология [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс // Маркс, К. Соч. 2-е изд. Т. 3 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Госполитиздат, 1955. – С. 7-544.

135. Маркс, К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона [Текст] / К. Маркс // Маркс, К. Соч. 2-е изд. Т. 4 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Госполитиздат, 1955. – С. 65-185.
136. Маркс, К. О книге Фридриха Листа «Национальная система политической экономики» [Текст] / К. Маркс // Маркс, К. Соч. 2-е изд. Т. 42 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Госполитиздат, 1974. – С. 228-258.
137. Маркс, К. Тезисы о Фейербахе. Маркс о Фейербахе [Текст] / К. Маркс // Маркс, К. Соч. 2-е изд. Т. 42 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Госполитиздат, 1974. – С. 264-266.
138. Маршалл, А. Принципы экономической науки [Текст] / А. Маршалл. – М. : Прогресс, 1993. – 594 с.
139. Мау, В. Посткоммунистическая Россия в постиндустриальном мире: проблемы догоняющего развития [Текст] / В. Мау // Вопросы экономики. – 2002. – № 7. – С. 4-25.
140. Медведев, В. А. Перед вызовами постиндустриализма: взгляд на прошлое, настоящее и будущее экономики России [Текст]. – М. : Альпина Паблишер, 2003. – 440 с.
141. Медоуз, Д. Н. Пределы роста. 30 лет спустя [Текст] / Д. Н. Медоуз, Й. Рандерс, Д. С. Медоуз ; пер. с англ. – М. : ИКЦ «Академкнига», 2007. – 342 с.
142. Митчелл, У. Рациональность экономической деятельности [Текст] / У. Митчелл // TERRA ECONOMICUS. – 2009. – № 4. – С. 80-88 ; – 2010 – № 1. – С. 96-108.
143. Мясникова, Л. Смена парадигмы. Новый глобальный проект [Текст] / Л. Мясникова // Мировая экономика и международные отношения. – 2006. – № 6. – С. 3-14.
144. Найт, Ф. Понятие риска и неопределенности [Текст] / Ф. Найт // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1994. – № 5. – С. 12-28.
145. Налимов, В. В. Наукометрия. Изучение развития науки как информационного процесса [Текст] / В. В. Налимов, З. М. Мульченко. – М. : Наука, 1967. – 192 с.
146. Нельсон, Р. Эволюционная теория экономических изменений [Текст] / Р. Нельсон, С. Уинтер. – М. : Дело, 2002. – № 1. – 536 с.
147. Никифоров, А. Л. От формальной логики к истории науки [Текст] / А. Л. Никифоров. – М. : Наука, 1983. – 177 с.
148. Никифоров, А. Л. Методологическая концепция П. Фейерабенда / А. Л. Никифоров // Вопросы философии. – 1976. – № 8. – С. 142-146.
149. Новая постиндустриальная волна на Западе [Текст] : антология / под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Academia, 1999. – 640 с.
150. Новая технократическая волна на Западе [Текст] / сост. и вступ. ст. П. С. Гуревича. – М. : Прогресс, 1986. – 456 с.
151. Новиков, Н. Эволюция технократической идеологии в США [Текст] / Н. Новиков // Мировая экономика и международные отношения. – 1974. – № 6. – С. 98-109.
152. Обсуждаем статью «Рациональность» [Текст] / В. П. Филатов, А. Л. Никифоров, А. А. Ивин, В. Н. Порус // Эпистемология и философия науки. – 2005. – Т. II. – № 2. – С. 153-167.
153. Островитянов, Ю. К. «Постиндустриальная цивилизация», или капитализм в 2000 году? [Текст] / Ю. К. Островитянов // Вопросы философии. – 1969. – № 7. – С. 30-41.

154. Печчеи, А. Человеческие качества [Текст] / А. Печчеи. – М. : «Прогресс», 1980. – 302 с.
155. Платон. Государство [Текст] / Платон ; пер. А. Н. Егунова // Платон. Собр. соч. Т. 3 / Платон ; пер. с древнегреч. – М. : Мысль, 1994. – 654 с.
156. Политическая экономия [Текст] : учебник для экон. вузов и фак. Т. 1. Капиталист. способ производства / А. М. Румянцев, Г. А. Козлов, А. Г. Милейковский и др. – М. : Политиздат, 1980. – 591 с.
157. Попкова, Н. В. Введение в философию техники [Текст] / Н. В. Попокова. – Брянск : Изд-во БГТУ, 2006. – 316 С. 154.
158. Поппер, К. Ницета историцизма [Текст] / К. Поппер // Вопросы философии. – 1992. – № 8. – С. 49–79 ; – № 9. – С. 22-48 ; – № 10. – С. 29-58.
159. Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ [Электронный ресурс] / В. В. Путин. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2007/04/125339.shtml>, свободный. – Загл. с экрана.
160. Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ от 16 мая 2003 года [Электронный ресурс] / В. В. Путин. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2003/05/44623.shtml>, свободный. – Загл. с экрана.
161. Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ от 10 мая 2006 года [Электронный ресурс] / В. В. Путин. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2006/05/105546.shtml>, свободный. – Загл. с экрана.
162. Послание Президента РФ Д. А. Медведева Федеральному Собранию РФ от 5 ноября 2008 года [Электронный ресурс] / Д. А. Медведев. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/11/208749.shtml>, свободный. – Загл. с экрана.
163. Послание Президента РФ Д. А. Медведева Федеральному Собранию РФ от 12 ноября 2009 года [Электронный ресурс] / Д. А. Медведев. – Режим доступа: <http://президент.рф/transcripts/5979>, свободный. – Загл. с экрана.
164. Постиндустриальный мир и проблемы глобализации [Текст] / Д. Мальшева // Мировая экономика и международные отношения. – 2000. – № 1. – С. 90-97.
165. Принуждение к инновациям: стратегия для России [Текст] : сб. статей и материалов / под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Центр исследований постиндустриального общества, 2009. – 288 с.
166. Проблемы генезиса постиндустриального общества [Текст] / А. Н. Леонтьев, З. А. Корчагина // Вестник Московского государственного университета. Серия 6. Экономика. – 2001. – № 5. – С. 93-119.
167. Путин, В. В. О наших экономических задачах [Текст] / В. В. Путин // Ведомости. 2012. – 30 января.
168. Рациональность как предмет философского исследования [Текст]. – М., 1995. – 225 с.
169. Рикардо, Д. Начала политической экономии и налогообложения [Текст] / Д. Рикардо // Рикардо, Д. Соч. Т. 1. / Д. Рикардо. – М. : Госполитиздат, 1955. – 360 с.

170. Рощина, И. В. Социальная политика в условиях становления постиндустриальной экономики: теория и практика [Текст] : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / И. В. Рощина. – Томск, 2006. – 37 с.
171. Рудакова, И. Основное течение экономической теории: потенциал и научная критика [Текст] / И. Рудакова // Вопросы экономики. – 2005. – №9. – С. 21-35.
172. Рузавин, Г. И. Научная теория: логико-методологический анализ [Текст] / Г. И. Рузавин. – М., 1978. – 244 с.
173. Руллани, Э. Когнитивный капитализм: déjà vu? [Текст] / Э. Руллани // Логос. – 2007. – №4. – С. 17-34.
174. Саймон, Г. Рациональность как процесс и продукт мышления [Текст] / Г. Саймон // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1993. – № 3. – С. 16-38.
175. Сен-Симон, А. Новое христианство [Текст] / А. Сен-Симон // Сен-Симон, А. Избранные сочинения. Т. 2 / А. Сен-Симон. – М.-Л., 1948. – С. 364-438.
176. Сен-Симон, А. Очерк науки о человеке [Текст] / А. Сен-Симон // Сен-Симон, А. Избранные сочинения. Т. 1 / А. Сен-Симон. – М.-Л., 1948. – С. 146-208.
177. Следующие тридцать лет [Текст] // Мировая экономика и международные отношения. – 1969. – №7. – С. 109.
178. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов [Текст] / А. Смит. – М., 1969. – 477 с.
179. Социум XXI века: рынок, фирма, человек в информационном обществе [Текст] / под ред. А. И. Колганова. – М., 1998. – 279 с.
180. Степин, В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция [Текст] / В. С. Степин. – М. : Прогресс-традиция, 2000. – 744 с.
181. Стиглер, Дж. Дж. Экономическая теория информации [Текст] / Дж. Дж. Стиглер // Вехи экономической мысли. Т. 2. – СПб. : Экономическая школа, 2000. – С. 507-529.
182. Тоффлер, О. Столкновение с будущим (Отрывки из книги) [Текст] / О. Тоффлер // Иностранная литература. – 1972. – № 3. – С. 228-249.
183. Тоффлер, О. Третья волна [Текст] / О. Тоффлер. – М. : АСТ, 2004. – 784 с.
184. Трансформации в современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общество (материалы «круглого стола») [Текст] // Вопросы философии. – 2000. – № 1. – С. 3-32.
185. Уильямсон, О. И. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, отношенческая контракция [Текст] / О. И. Уильямсон. – СПб. : Лениздат ; SEV Press, 1996. – 702 с.
186. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества [Текст] / Ф. Уэбстер. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
187. Федотова, В. Г. Модернизация “другой” Европы [Текст] / В. Г. Федотова. – М., 1997. – 130 с.
188. Фейерабенд, П. Против метода. Очерк анархистской теории познания [Текст] / П. Фейерабенд ; пер. с англ. – М. : АСТ ; Хранитель, 2007. – 413 с.

189. Филатов, И. В. Индивидуализм и холизм в экономическом знании [Текст] / И. В. Филатов // Государство, экономика, общество: аспекты взаимодействия. – М. : Московский общественный научный фонд ; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 2000. – С. 69-83.
190. Философия [Текст] : энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. – М. : Гардарики, 2004. – 1072 с.
191. Фомина, Ю. А. Исследование теории К. Маркса на основе системного подхода. Часть I. Теория капитализма [Текст] / Ю. А. Фомина // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2013. – № 4. – С. 22-27.
192. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек [Текст] / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. – М. : АСТ, 2010. – 588 с.
193. Хавинсон, Я. Двухтысячный год и некоторые пророки [Текст] / Я. Хавинсон // Мировая экономика и международные отношения. – 1969. – № 7. – С. 109-121
194. Хайтун, С. Д. Наукометрия. Состояние и перспективы [Текст] / С. Д. Хайтун. – М. : Наука, 1983. – 344 с.
195. Ходжсон, Дж. Привычки, правила и экономическое поведение [Текст] / Дж. Ходжсон // Вопросы экономики. – 2000. – № 1. – С. 39-55.
196. Ходжсон, Дж. Экономическая теория и институты: манифест современной институциональной экономической теории [Текст] / Дж. Ходжсон. – М. : Дело, 2003. – 464 с.
197. Хоркхаймер, М. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты [Текст] / М. Хоркхаймер, Т. Адорно ; пер. с нем. М. – СПб : Медиум, Ювента, 1997. – 311 с.
198. Хорос, В. Постиндустриальный мир – надежды и опасения (к постановке проблемы) [Текст] / В. Хорос // Мировая экономика и международные отношения. – 1998. – № 12. – С. 5-10.
199. Центр исследований постиндустриального общества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.postindustrial.net>, свободный. – Загл. с экрана.
200. Чаплыгин, Ю. П. «Технотронные» иллюзии [Текст] / Ю. П. Чаплыгин. – М. : Политиздат, 1972. – 84 с.
201. Что бы знаем об информационном обществе [Текст] // Вестник Московского государственного университета. Серия 6. Экономика. – 2001. – № 4. – С. 109-119.
202. Шахназаров, Г. Х. Куда идет человечество (Критические очерки немарксистских концепций будущего) [Текст] / Шахназаров Г. Х. – М. : Мысль, 1985. – 192 с.
203. Шахназаров, Г. Х. Фиаско футурологии (Критический очерк немарксистских теорий общественного развития) [Текст] / Г. Х. Шахназаров. – М. : Политиздат, 1979. – 352 с.
204. Шумахер, Э. Ф. Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение [Текст] / Э. Ф. Шумахер ; пер. с англ. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 352 с.
205. Шумпетер, Й. История экономического анализа [Текст] / Й. Шумпетер // Истоки: Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1. – М., 1989.
206. Шумпетер, Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия [Текст] / Й. Шумпетер ; предисл. В. С. Автономова. – М. : ЭКСМО, 2007. – 864 с.

207. Энгельс, Ф. Диалектика природы [Текст] / Ф. Энгельс // Маркс, К. Соч., 2-е изд. Т. 20 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Госполитиздат, 1961. – С. 343-824.
208. Энгельс, Ф. Карл Маркс. «К критике политической экономии» [Текст] / Ф. Энгельс // Маркс, К. Соч. 2-е изд. Т. 13 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Госполитиздат, 1959. – С. 489-499.
209. Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии [Текст] / Ф. Энгельс // Маркс, К. Соч. 2-е изд. Т. 21 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Госполитиздат, 1961. – С. 269-317.
210. Яковец, Ю. В. Формирование постиндустриальной парадигмы: истоки и перспективы [Текст] / Ю. В. Яковец // Вопросы философии. – 1997. – №2. – С. 3-17.
211. Якунин, В. И. Постиндустриализм. Опыт критического анализа [Текст] / В. И. Якунин С. С. Сулакшин, В. Э. Багдасарян, С. Г. Кара-Мурза, М. А. Деева, Ю. А. Сафонова. – М. : Научный эксперт, 2012. – 288 с.
212. Adler, P. S. Market, hierarchy, and trust: The knowledge economy and the future of capitalism [Text] / P. S. Adler // Organization science. – 2001. – Vol. 12. – №. 2. – P. 215-234.
213. Beilharz, P. Ends and rebirths: An interview with Daniel Bell [Text] / P. Beilharz // Thesis Eleven. – 2006. – Vol. 85. – №. 1. – P. 93-103.
214. Berle, A. The Modern Corporation and Private Property [Text] / A. Berle, G. Means. – N. Y. : Macmillan, 1932.
215. Bernardi, F. Is there a new service proletariat? Post-industrial employment growth and social inequality in Spain [Text] / F. Bernardi, L. Garrido // European Sociological Review. – 2008. – Vol. 24. – №. 3. – P. 299-313.
216. Burnham, J. The Managerial Revolution: What is Happening in the World [Text] / J. Burnham. – N.Y. : John Day Co., 1941. – 285 p.
217. Chen, D. H. C. The knowledge economy, the KAM methodology and World Bank operations [Text] / D. H. C. Chen, C. J. Dahlman // World Bank Institute Working Paper. – 2005. – №. 37256.
218. Cohen, D. Three lectures on post-industrial society [Text] / D. Cohen. – MIT Press, 2009.
219. Cohen, J. E. Copyright as Property in the Post-Industrial Economy: A Research Agenda [Text] / J. E. Cohen // Wis. L. Rev. – 2011. – P. 141.
220. Cropper, S. Post-Industrial Society [Text] / S. Cropper // Operational Research and the Social Sciences. – Springer US, 1989. – P. 693-695.
221. Dopfer, K. The general theory of economic evolution [Text] / K. Dopfer, J. Potts. – London : Routledge, 2008. – 134 p.
222. Drahos, P. Information feudalism: Who owns the knowledge economy? [Text] / P. Drahos, J. Braithwaite. – Earthscan, 2002.
223. Etzkowitz, H. The Triple Helix--University-industry-government relations: A laboratory for knowledge based economic development [Text] / H. Etzkowitz, L. Leydesdorff // East Review. – 1995. – Vol. 14. – №. 1. – P. 14-19.

224. Florida, R. The Flight of the Creative Class: The New Global Competition for Talent [Text] / R. Florida // Liberal Education. – 2006. – Vol. 92. – №. 3. – P. 22-29.
225. Foray, D. The knowledge-based economy: from the economics of knowledge to the learning economy [Text] / D. Foray, B. Lundvall // The economic impact of knowledge. – 1998. – P. 115-121.
226. Fuchs, C. A. Contribution to the Critique of the Political Economy on Transnational Informational Capitalism [Text] / C. A. Fuchs // Rethinking Marxism. – 2009. – Vol. 21. – № 3. – P. 387-402.
227. Gilbert, J. «Catching the Knowledge Wave»: Redefining Knowledge for the Post-Industrial Age [Text] / J. Gilbert // Education Canada. – 2007. – Vol. 47. – №. 3. – P. 4-8.
228. Godin, B. The Information Economy: The History of a Concept Through its Measurement, 1949-2005 [Electronic resource] / B. Godin // Project of the History and Sociology of S&T Statistics. Working Paper № 38. – 2008. – Режим доступа: http://www.csiic.ca/PDF/Godin_38.pdf, свободный. – Загл. с экрана.
229. Godin, B. The knowledge-based economy: conceptual framework or buzzword? [Text] / B. Godin // The Journal of technology transfer. – 2006. – Vol. 31. – №. 1. – P. 17-30.
230. Hilbert, M. R. From industrial economics to digital economics: an introduction to the transition [Text] / R. M. Hilbert. – N.Y. : United Nations Publications, 2001. – № 100.
231. Human Development Report. 1990 [Electronic resource] / United Nation Development Program. – N.Y. – Oxford : Oxford University Press, 1990. – Режим доступа: <http://hdr.undp.org/en/reports/global/hdr1990>, свободный. – Загл. с экрана..
232. Jencks, C. What is post-modernism? [Text] / C. Jencks. – Academy Press, 1996. – Vol. 1.
233. Johannessen, J. A. The future of value creation and innovations: Aspects of a theory of value creation and innovation in a global knowledge economy [Text] / J. A. Johannessen, B. Olsen // International Journal of Information Management. – 2010. – Vol. 30. – №. 6. – P. 502-511.
234. Kahn, H. The Year 2000: A Framework for Speculation on the Next Thirty-Three Year [Text] / H. Kahn, A. J. Wiener. – N.Y. : Macmillan, 1967. – 432 p.
235. Katz, R. L. The Information Society: An International Perspective [Text] / R. L. Katz. – N.Y., 1988.
236. Kolođlugil, S. Digitizing Karl Marx: The New Political Economy of General Intellect and Immaterial Labor [Text] / S. Kolođlugil // Rethinking Marxism. – 2015. – Vol. 27. – № 1. – P. 273-340.
237. Kumar, K. From post-industrial to post-modern society: New theories of the contemporary world [Text] / K. Kumar. – John Wiley & Sons, 2009.
238. Lamberton, D. The knowledge-based economy: a Sisyphus model [Text] / D. Lamberton // Prometheus. – 1997. – Vol. 15. – №. 1. – P. 73-81.
239. Lever, W. F. Deindustrialisation and the Reality of the Post-industrial City [Text] / W. F. Lever // Urban Studies. – 1991. – Vol. 28. – №. 6. – P. 983-999.
240. Leydesdorff, L. Indicators of innovation in a knowledge-based economy [Text] / L. Leydesdorff // Cybermetrics. – 2001. – Vol. 5. – №. 1. – P. 1-21.

241. Leydesdorff, L. The knowledge-based economy: Modeled, measured, simulated [Text] / L. Leydesdorff. – Universal-Publishers, 2006.
242. Liagouras, G. The political economy of post-industrial capitalism [Text] / G. Liagouras // Thesis Eleven. – 2005. – Vol. 81. – №. 1. – P. 20-35.
243. Little, A. Post-Industrial Socialism: Towards a new politics of welfare [Text] / A. Little. – Routledge, 2004.
244. Lutz, M. A. Economics for the Common Good. Two centuries of Social Economic thought in the Humanistic Tradition [Text] / M. A. Lutz. – N.Y. : Routledge, 1999. – 289 p.
245. Lutz, M. Humanistic Economics. The new challenge [Text] / M. Lutz, K. Lux. – N.Y. : Bootstrap Press, 1988.
246. Machlup, F. The Production and Distribution of Knowledge in the United States [Text] / F. Machlup. – Princeton, 1962. – 362 p.
247. Mannheim, K. Ideology and Utopia [Text] / K. Mannheim. – N.Y., 1936.
248. Marien, M. The two visions of post-industrial society [Text] / M. Marien // Futures. – 1977. – Vol. 9. – №. 5. – P. 415-431.
249. Masuda, Y. The Information Society as Post-Industrial Society [Text] / Y. Masuda. – Wash., 1981.
250. Melnikas, B. The knowledge-based economy in the European Union: Innovations, Networking and Transformation Strategies [Text] / B. Melnikas // Transformation in Business & Economics. – 2008. – Vol. 7.
251. Mokyr, J. The gifts of Athena: Historical origins of the knowledge economy [Text] / J. Mokyr. – Princeton University Press, 2002.
252. Nahm, A. Y. Theory development: an industrial/post-industrial perspective on manufacturing [Text] / A. Y. Nahm, M. A. Vonderembse // International journal of production research. – 2002. – Vol. 40. – №. 9. – P. 2067-2095.
253. Naisbitt, J. Megatrends: Ten new directions transforming our lives [Text] / J. Naisbitt. – N.Y., 1982.
254. Nelson, J. I. Post-industrial capitalism: Exploring economic inequality in America [Text] / J. I. Nelson. – Sage Publications, 1995.
255. Olssen, M. Neoliberalism, higher education and the knowledge economy: From the free market to knowledge capitalism [Text] / M. Olssen, M. A. Peters // Journal of Education Policy. – 2005. – Vol. 20. – №. 3. – P. 313-345.
256. Porat, M. The Information Economy: Development and Measurement [Text] / M. Porat, M. Rubin. – Wash., 1978.
257. Powell, W. W. The knowledge economy [Text] / W. W. Powell, K. Snellman // Annual review of sociology. – 2004. – P. 199-220.
258. Price, D. J. Little Science, Big Science [Text] / J. D. Price. – N.Y., 1963.
259. Rose, M. A. The post-modern and the post-industrial: a critical analysis [Text] / M. A. Rose. – Cambridge University Press, 1991.
260. Schumpeter and the knowledge-based economy: On technology and competition policy [Text] / Soete L. L. G. et al. – MERIT, Maastricht Economic Research Institute on Innovation and Technology, 1999.

261. Sim, S. Post-Marxism: an intellectual history [Text] / S. Sim. – Routledge, 2013.
262. Stonier, T. The Wealf of Information [Text] / L. Stonier. – L., 1983.
263. Touraine, A. The post-industrial society: tomorrow's social history: classes, conflicts and culture in the programmed society [Text] / A. Tourane. – New York : Random House, 1971. – Vol. 6813.
264. Umesao, T. Information Industry Theory: Dawn of the Coming Era of the Ectodermal Industry [Text] / T. Umesao. – Tokyo, 1963.
265. Understanding the dynamics of a knowledge economy [Text] / Dolfisma W., Soete L. (ed.). – Edward Elgar Publishing, 2006.
266. Veblen, T. The Engineers and the Price System [Text] / T. Veblen. – N.Y., 1936.

**Количество публикаций по постиндустриальной тематике в журналах
в период с 1967 по 2010 гг.**

	Вопросы экономики	РЭЖ*	Экономист**	МЭиМО	Вопросы философии	Философские науки	Итого за год
1967	0	0	0	3	0	0	3
1968	0	0	0	0	0	0	0
1969	0	0	0	4	1	0	5
1970	0	0	0	0	0	0	0
1971	0	0	0	1	1	0	2
1972	0	0	0	2	2	0	4
1973	0	0	0	0	0	0	0
1974	0	0	0	2	1	1	4
1975	0	0	0	1	1	0	2
1976	0	0	0	2	4	0	6
1977	0	0	0	2	0	0	3
1978	0	1	0	2	0	0	3
1979	0	0	0	3	2	0	5
1980	1	0	0	2	0	0	3
1981	0	1	0	1	1	0	3
1982	0	0	0	1	0	0	1
1983	0	0	0	0	2	0	2
1984	0	0	0	1	0	1	2
1985	0	0	0	2	0	0	2
1986	0	0	0	0	0	0	0
1987	0	0	0	0	0	0	0
1988	0	0	0	0	0	0	0
1989	0	0	0	0	0	0	0
1990	0	1	0	0	0	0	1
1991	0	0	0	0	0	0	0
1992	1	0	0	1	0	0	2
1993	0	0	0	0	0	0	0
1994	0	0	0	0	0	0	0
1995	0	0	0	0	0	0	0
1996	0	0	0	0	0	0	0
1997	1	1	0	3	2	0	7
1998	0	0	0	4	0	0	4
1999	0	0	0	1	1	0	2
2000	0	0	0	2	2	0	4
2001	1	1	0	2	2	0	6
2002	1	1	1	2	4	0	9
2003	2	0	2	3	0	0	7
2004	4	0	0	1	1	0	6
2005	2	0	2	3	2	0	9
2006	0	0	1	2	2	0	5
2007	0	0	0	0	0	0	0
2008	2	0	2	2	2	0	8
2009	2	0	1	1	1	1	6
2010	0	2	2	1	4	0	9
Итого	17	8	11	57	38	3	134

*До 1992 г. – «Экономические науки».

**До 1991 г. – «Плановое хозяйство».

**Перечень научных публикаций в отечественных периодических изданиях,
использованных для наукометрического анализа**

№ п/п	Год выхода журнала	Номер журнала	Автор, название статьи
Мировая экономика и международные отношения			
1	1967	1	Гаузнер Н. Социальные последствия научно-технической революции в капиталистических странах
2		2	Дворкин И. Научно-техническая революция: критика буржуазных теорий
3		4	Тамарин И. Научно-техническая революция и обострение противоречий капитализма
4	1969	7	Гаузнер Н. Научно-техническая революция и ее социальные последствия
5		7	Громов Е. Сфера услуг и «новое общество» американских социологов
6		7	Хавинсон Я. Двухтысячный год и некоторые пророки
7		11	Бестужев-Лада И. Будущее человечества и буржуазная футурология
8	1971	4	Милейковский А. Буржуазные и реформистские идеологи о современном капитализме
9	1972	3	Дворкин И. Научно-техническая революция и буржуазная политэкономика
10		10	Гаузнер Н. Научно-техническая революция и противоречия капитализма
11	1974	6	Новиков Н. Эволюция технократической идеологии в США
12		7	Араб-Оглы Э. Социологическая теория или социальный миф?
13	1975	1	Гаузнер Н. Новые явления в современном капитализме и концепции постиндустриализма
14	1976	3	Кудров В. Противоречия научно-технической революции в условиях современного капитализма
15		10	Хозин Г. Иллюзии и реальность: футурологические этюды Э. Тоффлера
16	1977	2	Дилигенский Г. Кризис капитализма и буржуазная идеология
17		7	Ожегов Ю. Буржуазная футурология 1970-х годов
18	1978	1	Певзнер Я. Критика буржуазных концепций и реформистское мифотворчество
19		4	Шахназаров Г. Нарастание противоречий капитализма и их отражение в буржуазной идеологии
20	1979	5	Максимова М. Всемирное хозяйство, научно-техническая революция и международные отношения
21		7	Научно-техническая революция и углубление противоречий современного капитализма
22		8	го капитализма
23	1980	4	Королев И. Встреча с будущим, или картина противоречий капитализма
24		8	Осадчая И. Новые тенденции в западной буржуазной политэкономии
25	1981	4	Хозин Г. Еще один гимн постиндустриализму
26	1982	8	Рыбкин Е. Анатомия еще одного буржуазного мифа
27	1984	4	Никулевич Ю. Тупики «информационного общества»
28	1985	2	Иконникова Г. Оптимистическая волна социологии «технологического детерминизма»
29		10	Гаузнер Н. Теория «информационного общества» и реалии капитализма
30	1992	3	Попов В. Утопия или реальность XXI века?
31	1997	3	Кочетов Э. Неэкономика – новая цивилизационная модель экономического развития в России
32		9	Васильчук Ю. Постиндустриальная экономика и развитие человека. Часть 1

33		10	Васильчук Ю. Постиндустриальная экономика и развитие человека. Часть 2
34	1998	5	Антипина О., Иноземцев В. Диалектика стоимости в постиндустриальном обществе. Статья первая. Технологические и психосоциологические факторы преодоления стоимости
35		6	Антипина О., Иноземцев В. Диалектика стоимости в постиндустриальном обществе. Статья вторая. Абстрактный труд и издержки: деструкция стоимости со стороны производства
36		7	Антипина О., Иноземцев В. Диалектика стоимости в постиндустриальном обществе. Статья третья. Конкретный труд и полезность: деструкция стоимости со стороны потребления
37		12	Хорос В. Постиндустриальный мир – надежды и опасения (к постановке проблемы)
38	1999	2	Демидова Л. Сфере услуг в постиндустриальной экономике
39	2000	3	Иноземцев В. Парадоксы постиндустриальной экономики
40		3	Мальшева Д. Постиндустриальный мир и проблемы глобализации
41	2001	2	Мельянцева В. Информационная революция – «феномен новой экономики»
42		12	Мясникова Л. Новая экономика в пространстве постмодерна
43	2002	9	Надель С. Вероятность и перспективы будущей индустриальной революции
44		10	Вайнштейн Г. От новых технологий к «новой экономике»
45	2003	3	Вильховченко Э. Постиндустриальные модели труда
46		12	Говорова Н. Занятость в постиндустриальном мире
47		12	Кольчугина М. Новой экономике – новое образование
48	2004	7	Борисюк В. Политические идеи и идеологии постиндустриальной цивилизации
49	2005	3	Зуев А., Мясникова Л. Кризис инновационной революции
50		4	Евтух А. Информационная эпоха и актуальные проблемы экономики
51		7	Загладин Н. Глобальное информационное общество в России
52	2006	2	Астапов К. Стратегия развития в постиндустриальной экономике
53		6	Мясникова Л. Смена парадигмы: новый глобальный проект
54	2008	3	Стрелец И. Новая экономика: гипотеза или реальность?
55		6	Арыстанбекова А. Экономика, основанная на знаниях
56	2009	5	Осадчая И. Постиндустриальная экономика: меняется ли роль государства?
57	2010	9	Ровинская Т. Информационное общество: теория и практика
Вопросы экономики			
58	1980	2	Ольсевич Ю. Буржуазные концепции научно-технического прогресса
59	1992	10	Яковец Ю. Становление постиндустриальной цивилизации
60	1997	11	Майминас Е. Информационное общество и парадигма экономической теории
61	2001	12	Бузгалин А., Колганов А. Экономика: "периодическая система элементов" (к вопросу о структуризации и типологизации экономических систем)
62	2002	7	Мау В. Посткоммунистическая Россия в постиндустриальном мире: проблемы догоняющего развития
63	2003	3	Гохберг Л. Национальная инновационная система в России в условиях «новой экономики»
64		5	Брич А. Путь России к процветанию в постиндустриальном мире
65	2004	1	Клейнер Г. Знания об управлении знаниями
66		2	Зуев А., Мясникова Л. Электронный рынок и новая экономика
67		4	Медведев В. Перед вызовами постиндустриализма: взгляд на прошлое, настоящее и будущее России
68		5	Егоров С. Человеческий фактор и экономический рост в условиях пост-

			индустриализации
69	2005	4	Лиухто К. Россия на пути к информационному обществу?
70		10	Сапир Ж. Экономика информации: новая парадигма и ее границы
71	2008	7	Гохберг Л., Китова Г., Кузнецова Т. Стратегия интеграционных процессов в сфере науки и образования
72		7	Мильнер Р. Управление интеллектуальными ресурсами
73	2009	9	Соболева И. Парадоксы измерения человеческого капитала
74		9	Ясин Е., Снеговая М. Роль инноваций в развитии мировой экономики
Экономист (до 1991 г. – Плановое хозяйство)			
75	2002	7	Губанов С. Производительные силы: переход к технотронной эпохе
76	2003	2	Матеров И. Факторы развития «новой экономики» в России
77		3	Макаров В. Контуры экономики знаний
78	2005	4	Любимцева С., Чуприк Ю. Концепция неоиндустриализма и экономическое развитие России
79		10	Гапоненко А. Контуры наукоемкой экономики
80	2006	12	Карачаровский В. Концентрация капитала и новая экономика
81	2008	5	Хубиев К. О содержании «новой экономики»
82		9	Губанов С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России)
83		9	Губанов С. К политике неоиндустриализации России
84	2010	2	Тодосийчук А. Условия перехода к инновационной экономике
85		11	Иноземцев В. Будущее России в новой индустриализации
Вопросы философии			
86	1969	9	Островитянов Ю. «Постиндустриальная» цивилизация или капитализм в 2000-м году?
87	1971	10	Социальные противоречия современного капитализма и идейная борьба
88	1972	7	Кромер В., Сенокосов Ю. От «технологического детерминизма» к посттехнократическому видению»
89		9	Скворцов Л. Идеологические мифы антикоммунизма: эволюция и новые тенденции
90	1974	2	Красин Ю. Апологетическая сущность теории постиндустриального общества
91	1975	3	Кейзеров Н. Социальные противоречия капитализма и их отражение в современной буржуазной идеологии
92	1976	2	Духовный кризис современного буржуазного общества
93		8	Красин Ю. В поисках утраченных ценностей
94		11	Замошкин Ю, Мельвиль А. Между неолиберализмом и неоконсерватизмом
95		11	Милейковский А. Идеологическое перевооружение буржуазной политэкономии в условиях научно-технической революции
96	1979	1	Деменчонок Э. От «индустриализма» к «постиндустриализму»: эволюция технократических концепций
97		12	Деменчонок Э., Семенов Ю. Критика современных буржуазных концепций общественного прогресса
98	1981	11	Яновский Р. Социально-политические теории современной буржуазной идеологии
99	1983	2	Петров И. Социальный прогресс и выживание: новые тенденции в буржуазной идеологии
100		5	Попов С. Дальнейшее углубление кризиса буржуазной идеологии
101	1997	1	Яковец Ю. Формирование постиндустриальной парадигмы: истоки и перспективы
102		10	Иноземцев В. Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения

103	1999	5	Иноземцев В. Расколота цивилизация: системные кризисы индустриальной эпохи
104	2000	1	Трансформации в современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общество (материалы «круглого стола»)
105		12	Иноземцев В. Собственность в постиндустриальном обществе и исторической перспективе
106	2001	3	Рейман Л. Информационное общество и роль телекоммуникаций в его становлении
107		8	Кравченко И. Общественный кризис XX в. и его отражение в ряде западных теорий
108	2002	5	Белл Д. Возобновление истории в новом столетии
109		5	Бузгалин А. «Постиндустриальное общество» – тупиковая ветвь социального развития
110		5	Иноземцев В. Социология Д. Белла и контуры современной постиндустриальной цивилизации
111		7	Мясникова Л. Экономика постмодерна и отношения собственности
112	2004	2	Бузгалин А. Постмодернизм устарел...
113	2005	5	Ракитов А. Регулятивный мир: знание и общество, основанное на знаниях
114		7	Силичев Д. Социальные последствия перехода от индустриализма и модерна к постиндустриализму и постмодерну
115	2006	2	Кармин А. Философия культуры в информационном обществе: проблемы и перспективы
116		4	Селиванов А. Контуры информационного общества
117	2008	4	Колпаков А. Общество знания. Опыт философско-методологического анализа
118		7	Назарчук А. Сетевое общество и его философское осмысление
119	2009	10	Ракитов А. Наука, образование и супериндустриальное общество: реалистический проект для России
120	2010	1	Ефременко Д. Концепция общества знания как теория социальной трансформации: достижения и проблемы
121		2	Бехманн Г. Общество знания – краткий обзор теоретических поисков
122		2	Кочетков В., Кочеткова Л. К вопросу о генезисе постиндустриального общества
123		5	Емелин В. Технологические соблазны информационного общества: предел внешних расширений человека